Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Псковский государственный университет»

На правах рукописи

УДК 913:911.3 (470.25)

Дементьев Виталий Сергеевич

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПСКОВСКОГО РЕГИОНА В XVIII – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Специальность: 25.00.24 – экономическая, социальная, политическая и рекреационная география

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата географических наук

Научный руководитель:
доктор географических наук,
доцент А. Г. Манаков

Псков
2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……..4
ГЛАВА I. ГЕОГРАФИЯ НАСЕЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ.....……12
1.1. Становление и развитие географии населения...……12
1.2. Понятие системы расселения и структуры населения……25
1.3. Методы и подходы к изучению поселенческой, этнической и конфессиональной структуры населения……...29
ГЛАВА II. ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПСКОВСКОГО РЕГИОНА В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ. ……..36
2.1. Источниковая база по изучению поселенческой и этноконфессиональной структуры населения в XVIII – первой половине XIX вв. ……...36
2.2. Геодинамика политических и административных и границ ……42
2.3. Геодинамика численности населения…….……45
2.4. Трансформация этнической структуры населения……52
2.5. Трансформация конфессиональной структуры населения……56
ГЛАВА III. ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПСКОВСКОГО РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. ……..……..61
3.1. Источниковая база по изучению поселенческой и этноконфессиональной структуры населения во второй половине XIX – начале XX вв...……....61
3.2. Геодинамика политических и административных границ …...……..…63
3.3. Геодинамика численности населения ……..……...65
3.4. Трансформация поселенческой структуры сельского населения….……67
3.5. Трансформация поселенческой структуры городского расселения……..72
3.6. Трансформация этнической структуры населения……76

3.7. Геодинамика этноконтактных зон ……...80
3.8. Трансформация конфессиональной структуры населения…….84
ГЛАВА 4. ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПСКОВСКОГО РЕГИОНА В XX – XXI ВВ. ……..…….90
4.1. Источниковая база по изучению поселенческой и этноконфессиональной структуры населения в XX – XXI вв. …….90
4.2. Геодинамика политических и административных границ ……...96
4.3. Геодинамика численности населения ..…… ...99
4.4. Трансформация поселенческой структуры сельского населения..……..112
4.5. Трансформация поселенческой структуры городского населения……..122
4.6. Трансформация этнической структуры населения ……..130
4.7. Геодинамика этноконтактных зон ..……...140
4.8. Трансформация потенциально-конфессиональной структуры населения….146
Заключение……...164
Литература……166
Приложения……..193

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация российского общества в постсоветское время сопровождается значительными сдвигами в структуре населения. С позиции географии населения важна пространственная выраженность этих изменений, сопряженная с трансформацией системы расселения. Любая региональная система расселения формируется на протяжении длительного времени и потому не раз подвергается подвижкам, вызванным различными государственными преобразованиями и общим ходом социально-экономического развития. Поэтому оценка глубины происходящей трансформации структуры населения возможна только сквозь призму географического анализа изменений, происходивших на предшествующих этапах развития общества и системы расселения.

К одному из староосвоенных регионов России относится Псковская область, система расселения которой изначально формировалась как мелкоселенная. Псковский регион, на протяжении столетий располагавшийся на политическом и этнокультурном пограничье, постоянно находился под прессом вызванных внешними и внутренними факторами государственных, административных, культурных и социально-экономических преобразований. Несколько последних десятилетий регион находится в состоянии депопуляции, являющейся результатом значительной естественной убыли и миграционного оттока населения, что также сказывается на разных срезах структуры населения. В связи с этим становится актуальным изучение за длительный период трансформации тех срезов структуры населения региона, которые наиболее подвержены влиянию совокупности обозначенных факторов. К этим срезам структуры населения, пространственно-временная динамика которых пока что недостаточно изучена на уровне Псковского региона, относятся этническая и конфессиональная структура населения, а также поселенческая структура, характеризующая систему расселения в регионе.

Территориальные рамки исследования ограничены Псковским регионом. Данный регион рассматривается несколько шире, чем современная территория

Псковской области. Он включает также соседние земли, на протяжении определенных временных интервалов административно связанные с центрами, ныне расположенными в границах Псковской области, особенно с Псковом и Великими Луками.

Хронологические рамки исследования охватывают губернскую, советскую и современную эпохи, т. е. полностью XVIII, XIX, XX вв. и начало XXI в.

В качестве объекта исследования выступает население Псковского региона.

Предмет исследования – пространственные аспекты трансформации поселенческой и этноконфессиональной структуры населения Псковского региона.

Цель исследования – выявление закономерностей пространственной трансформации поселенческой, этнической и конфессиональной структуры населения Псковского региона за последние три столетия.

Задачи исследования:

– провести уточнение понятия «структура населения», рассмотреть различные подходы к выделению структурных срезов населения и определить среди них место поселенческой, этнической и конфессиональной структуры населения;

– выявить факторы, влияющие на трансформацию поселенческой, этнической и конфессиональной структуры населения Псковского региона, а также проследить закономерности их пространственно-временной динамики, опираясь на методы, используемые в географии населения и исторической географии (временных срезов и диахронический);

– дать оценку влияния на поселенческую структуру населения Псковской области проведенных в советское время преобразований сетки административно-территориального деления на районном уровне;

– в процессе апробации методики расчета потенциального религиозного состава населения на региональном уровне оценить степень возможного отклонения рассчитанного потенциального религиозного состава населения от реального.

Теоретико-методологической базой послужили научные труды по вопросам методологии географии населения (А.И. Алексеев, Н.В. Зубаревич, С.А. Ковалев, Г.М. Лаппо, А.Г. Махрова, Г.М. Федоров и др.), отдельно по географии сельского и городского расселения (А.И. Алексеев, С.И. Брук, Н.В. Зубаревич, Г.В. Иоффе, С.А. Ковалев, Н.Я. Ковальская, А.Г. Махрова, Т.Г. Нефедова, С.Г. Сафронов, Ю.А. Симагин, В.А. Шупер и др.), этнической географии (В.С. Белозеров, О.И. Вендина, С.А. Хрущев и др.), конфессиональной географии (С.А. Горохов, П.И. Пучков, С.Г. Сафронов и др.), а также работы по методологии смежных взаимосвязанных научных направлений – культурной географии (А.Г. Дружинин, А.Г. Манаков, Л.В. Смирнягин, В.Н. Стрелецкий и др.), исторической географии (Л.Б. Вампилова, В.С. Жекулин, В.Н. Стрелецкий и др.).

Работа опирается на результаты исследований, посвященных изучению динамики структуры населения региона на протяжении различных временных интервалов, представленные в трудах Я.Е. Водарского, М.В. Кабузана, А.Г. Манакова, А.Л. Шапиро и др. Также использованы работы, касающиеся динамики административно-территориального деления России (в т. ч. Псковского региона), Я.Е. Водарского, С.А. Тархова, Б.Н. Харлашова, В.Л. Янина и др.

В работе используются разработанные в зарубежной и отечественной географии концепции «центр-периферия» (Дж. Фридман и др.), этноконтактных зон (И.И. Крупник и др.), методики расчета индекса этнической мозаичности (Б.М. Эккель и др.) и потенциального религиозного состава населения (С.Г. Сафронов и др.).

Информационную базу исследования составили источники о населении и расселении в пределах Псковского региона в разные исторические эпохи, представленные в работах археологов, историков, демографов, экономистов и географов. Были использованы статистические материалы XIX – начала XX вв. В первую очередь, это «Памятные книжки», списки населенных мест Псковской и соседних губерний. Основной информационной базой исследования с конца XIX в. по настоящее время явились материалы государственных переписей населения. Кроме того, в работе использовались материалы печатных изданий, в которых

предоставлены статистические сведения в период наибольшей нестабильности сетки административно-территориального деления Псковского региона (1927–1960 гг.), архивные источники за 1958–1979 гг. и статистические сборники за 1990–2017 гг. Также были использованы многочисленные картографические источники.

В работе были применены следующие методы: сравнительно-географический, историко-географический, картографический, графический, статистический, качественные методы (анализ, описание, наблюдение), метод временных срезов, диахронический метод, методы по изучению этноконтактных зон с расчетом индексов этнической, языковой и религиозной мозаичности. Использовано программное обеспечение Google Планета Земля Про.

Научная новизна работы состоит в следующем:

– установлены пространственные закономерности трансформации поселенческой, этнической и конфессиональной структуры населения Псковского региона на районном (уездном) уровне, начиная с XVIII в. по настоящее время;

– оценено влияние факторов мелкоселенности системы расселения и приграничности Псковского региона на трансформацию поселенческой, этнической и конфессиональной структуры населения в различные временные интервалы;

– на основе авторской методики дана оценка последствий упразднения в советское время административно-территориальных единиц районного уровня для системы сельского расселения Псковской области;

– признана необходимость корректировки результатов при использовании методики определения потенциального религиозного состава населения на уровне административных районов Псковской области и соседних территорий.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке подхода к изучению территориальных закономерностей трансформации поселенческой, этнической и конфессиональной структуры населения Псковского региона за длительный исторический период. Основой этого подхода стали традиционные в исторической географии методы временных срезов и диахронический, а также

методики, используемые в географии населения, культурной, этнической и конфессиональной географии, в частности, расчет индекса этнической мозаичности (ИЭМ), индекса религиозной мозаичности (ИРМ) и др.

Кроме того, автором апробирована методика расчета потенциального религиозного состава с опорой на традиционное вероисповедание определенного этноса. Новизна данной методики связана с введением специального коэффициента, позволяющего учитывать в этих расчетах региональные особенности конфессиональной структуры отдельных этносов.

При разработке проектов преобразований административно-территориального деления Псковской области предложено использование разработанной автором методики оценки последствий данных преобразований для сельского расселения, учитывающей мелкоселенность региона. Данная методика может быть применена к другим регионам с мелкоселенной системой расселения.

Практическая значимость исследования. Основные результаты диссертационного исследования могут быть использованы при разработке программ стратегического развития Псковской области, особенно в разделах, посвященных демографической ситуации в регионе, его системе расселения, поселенческой и этнической структуре населения.

Материалы, полученные в результате проведенных исследований, нашли применение при проведении занятий в Псковском государственном университете в рамках учебных курсов «География Псковской области» (бакалавриат «география») и «Историческая география и культурное наследие Псковского региона» (магистратура «география»).

Апробация результатов работы и публикации. По теме диссертации опубликовано 20 научных работ общим объемом 47,15 п.л. (с личным вкладом 19,7 п.л.), в т. ч. 4 статьи в изданиях из перечня ВАК РФ и 2 монографии (в соавторстве).

Основные положения диссертации были представлены на международных и всероссийских конференциях, в т. ч. на международной научно-практической

конференции «Проблемы устойчивости эколого-хозяйственных и социально-культурных систем трансграничных регионов» (Псков, 2014); X и XI международных научно-практических конференциях «Изборск и его округа» (Изборск, 2014, 2015); международной научно-практической конференции «Социально-политические и эколого-хозяйственные проблемы развития Балтийского региона» (Псков, 2015); Шестых Псковских региональных краеведческих чтениях (Печоры, 2015); V Международной конференции «Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований» (С.-Петербург, 2015); Большом географическом фестивале (С.-Петербург, 2015, 2016, 2017, 2018); 32-й ежегодной сессии экономико-географической секции Международной Академии регионального развития и сотрудничества (МАРС) «Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных регионов России» (Псков, 2015); международной студенческой научной конференции «Молодежь. Наука. Будущее» (Оренбург, 2016); международной научно-практической конференции «Историческая география Восточной Европы: природное и культурное наследие» (Псков, 2016); IV Всероссийской студенческой научно-практическая конференции «География, экология, туризм: научный поиск студентов и аспирантов» (Тверь, 2016); международной научно-практической конференции «Первые и Вторые Максаковские чтения» (Москва, 2016, 2017); Всероссийском конгрессе молодых ученых-географов «Геопоиск – 2016» (Тверь, 2016); Летней научной школе 2016 «Приграничное измерение межгосударственных взаимодействий» (Курск, 2016); Второй всероссийской научно-практической конференции «Трансграничная инфраструктура России. Российское пограничье: социально-политические и инфраструктурные проблемы» (Москва, 2017); Международной научно-практической конференции «Региональные проблемы экологии и природопользования» (Псков, 2017); Международной научно-практической конференции «Проблемы региональной экологии и географии» (Ижевск, 2017).

Степень достоверности результатов исследования. Результаты проведенного исследования прошли апробацию на многочисленных научных и научно-практических конференциях, а также представлены в публикациях в ряде рецензируемых научных журналов. Степень достоверности полученных выводов обосновывается переработкой большого объема первичных, в особенности, статистических данных с построением многочисленных картосхем.

Структура и содержание работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и приложений. Объем диссертации составляет 232 страниц. Работа содержит 12 таблиц и 128 рисунков, включающих 3 диаграммы и 125 картосхем, а также 36 приложений. Список литературы содержит 292 источника, в т. ч. 21 на иностранных языках.

Первая глава посвящена теоретическим, практическим и методологическим аспектам развития отечественной географии населения. Приводится конкретизация понятийного аппарата. Прослеживается взаимосвязь географии населения с культурной географией и возможности использования ее методологических подходов для изучения структур населения и системы расселения.

Вторая, третья и четвертая главы посвящены практическим результатам диссертационного исследования, построенные по временным интервалам. Вторая глава охватывает период XVIII – первую половину XIX вв., третья глава – вторую половину XIX в. – 1926 г., четвертая глава – период с 1926 г. по настоящее время.

Основные защищаемые положения

1. Из различных срезов структуры населения наибольшей устойчивостью во времени обладают поселенческая, этническая и конфессиональная структуры. На трансформацию поселенческой структуры населения Псковского региона наибольшее влияние оказывали демографические процессы, на трансформацию этноконфессиональной структуры населения – пограничность региона.

2. Особенностью системы расселения Псковской области является ее мелкоселенность, имеющая, в первую очередь, природные предпосылки. Данная особенность напрямую отражается на специфике поселенческой структуры

населения региона. При этом в течение XVIII–XIX вв. росла значимость политико-административного и социально-экономического факторов. Начиная с XX в. трансформация поселенческой структуры населения региона наиболее подвержена влиянию центр-периферийных отношений, при этом периферийное положение области привело во второй половине столетия к ее депопуляции.

3. Заметный вклад в депопуляцию сельской местности Псковской области во второй половине XX в. внесли административно-территориальные преобразования на районном уровне. В конце 1950-х и начале 1960-х гг. данные преобразования сопровождались укрупнением административных районов и изменением функций центральных населенных пунктов. В условиях мелкоселенности региона это привело к негативным сдвигам в системе расселения, ускорившим депопуляцию сельской местности.

4. На трансформацию этнической и конфессиональной структуры населения Псковского региона в определенные временные интервалы заметное влияние оказывало его приграничное положение. Его влияние усиливалось или ослабевало в разные временные интервалы в зависимости от преобладания контактной или барьерной функций границы. Установление государственных рубежей обычно сопровождалось процессами нарастания моноэтничности в регионе, превращение их в административные – росту полиэтничности.

5. Изучение конфессиональной структуры населения в настоящее время затруднено в связи с отсутствием полноценного учета населения по вероисповеданию. Оценка конфессиональной структуры населения Псковского региона в советское и постсоветское время опиралась на методику определения потенциального религиозного состава населения, в которой различные этнические группы населения рассмотрены с позиции их традиционного вероисповедания. Но в регионах со сложным этноконфессиональным составом населения предложено использование коэффициента, учитывающего конфессиональную структуру каждого этноса по отдельности в том случае, если представители этноса в конкретном регионе традиционно исповедуют разные религии.

ГЛАВА I
ГЕОГРАФИЯ НАСЕЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

1.1. Становление и развитие географии населения

География населения, или география населения и населенных пунктов, – это раздел социально-экономической географии (общественной географии), призванный изучать территориальную организацию населения. Основной задачей географии населения является изучение закономерностей и пространственных особенностей формирования и развития населения и населенных пунктов в различных природных, исторических и социально-экономических условиях. В отечественной науке принято выделять два блока географии населения: 1) изучение населения в качестве территориальных общностей; 2) изучение населенных пунктов, их сетей и систем (систем расселения).

В настоящее время в качестве направлений географии населения обычно рассматриваются: демогеография, этническая география, география миграций, география рынка труда и занятости, география расселения. Последняя изучает расселение и его типы, системы и сети населенных пунктов, их густоту и людность, выполняемые функции. География расселения делится на географию сельского расселения и географию городского расселения. Сельское расселение изучается также в рамках интегральной науки – руралистики, а городское расселение – в рамках геоурбанистики. Также в географию населения иногда включают конфессиональную географию, которая по сути занимает пограничное положение, входя одновременно в географию населения и культурную географию [9]. Аналогичное положение занимает этническая география.

Конфессиональную географию, или географию религий, часто рассматривают помимо пограничного внутридисциплинарного положения также как междисциплирнаное – на стыке географии с религиоведением и теологией [121].

В число задач географии населения входит изучение численности, структуры и размещения населения, рассмотренных в процессе общественного воспроизводства и взаимодействия с окружающей природной средой. В частности, в географии населения исследуется влияние социально-экономических и природных условий на особенности формирования территориальных групп расселения и систем населенных мест, а также на закономерности их развития.

При этом необходимо отметить, что теория расселения является фундаментальным научным понятием, включающим в себя ряд отдельных научных концепций (единая система расселения, теория центральных мест, «центр-периферия»). Одной из основных концепций является ***единая система расселения***, под которой понимается система взаимосвязанных городских и сельских поселений, которые объединены транспортно-производственными связями, единой инфраструктурой и др. Эта концепция была разработана К.К. Шешельгисом и применена в целях создания рациональной единой системы расселения Литовской ССР [262].

Теория центральных мест была представлена немецкими учеными В. Кристаллером [281] и А. Лешем [133]. По их мнению, поселения можно разделить на две группы. Одни поселения является центрами, т. е. центральными местами, другие поселения, находящиеся на прилегающей территории, тяготеют к этим центрам. Ими же были выделены типы центральных мест.

Джон Фридман на примере Венесуэлы разработал концепцию ***«центр-периферия»*** [285]. Согласно данной модели небольшой по территории центр, объединяющий в себе самые передовые технологические и социологические достижения, противопоставляется огромной периферии (отдаленных и слаборазвитых территорий), служащей источником ресурсов и потребителем инноваций. Эта модель применима на разных территориальных уровнях: локальном, региональном и глобальном.

Среди других моделей (концепций) региональной системы расселения также следует выделить ***агломерационную, линейную, полосно-узловую.***

Системы расселения могут отличаться по структуре и характеру урбанизированности территорий. Главными факторами, определяющими тип системы расселения, могут служить производство и транспортная инфраструктура. Системы расселения подвержены трансформации под действием различных факторов, одновременно обеспечивая целость самой системы и каркаса расселения. Величина и взаимоотношения населенных пунктов определяются объемом и характером производственной деятельности. Более крупные поселения притягивают к себе более мелкие. Чем больше поселение, тем обширнее территория тяготения к нему [21].

Территориальные особенности размещения населения обычно исследуются комплексно. В этом принимают участие представители разных наук, как естественных, так и гуманитарных. При этом основу составляют такие дисциплины, как демография, география населения и геодемография. Вместе с тем, в изучении территориальной организации населения участвуют представители таких наук, как история, экономика, социология и экология. Для комплексного анализа расселения территории используются показатели, которые отражают численность и динамику населения, расовый, этнический и конфессиональный состав населения, а также демографические процессы, включая рождаемость, смертность, естественный и механический прирост населения.

В настоящее время вопрос об изучении воспроизводства населении находится в тесном взаимодействии с историческими, социологическими и экономическими науками, географией населения, этнографией и др. Это позволяет рассматривать данный вопрос с точки зрения географических закономерностей формирования и развития населения и населенных пунктов в определенных социально-экономических и природных условиях. Именно география населения выявляет объективные закономерности, в первую очередь пространственные, направляющие вектор развития структуры, размещения и территориальной организации населения.

Начиная с XVII–XVIII вв. наблюдается тенденция к более детальному изучению населения. Благодаря необходимости статистического учета населения начинает формироваться демография, разрабатываются методы по обработке результатов учетов населения. Параллельно с географией свое развитие получила этнография. Начали составляться описания отдельных народов и региональные описания населения конкретных стран. В отличии от демографии, география населения и этнография сначала ориентировались на полевые наблюдения, детальные, но «выборочные», часто лишь маршрутные, которые могли раскрыть только качественную сторону явления [110].

К XVII в. был накоплен значительный географический материал, который был обобщен немецким ученым Варениусом в труде «Всеобщая география». В этой работе автор предпринял попытку создания теории географии, причем один из разделов труда был посвящен населению.

Географические исследования, специально посвященные изучению населения, появились лишь в XIX в. География населения как наука, видимо, начала формироваться в первой половине XIX в.

Становление отечественной географии населения происходило одновременно с формированием экономической географии в XVIII в., в первую очередь, благодаря трудам М.В. Ломоносова и И.К. Кириллова [110].

В России первые работы, посвященные географии населения и населенных пунктов, можно найти в трудах К.И. Арсеньева [16], П.П. Семенова-Тян-Шанского [110], П.И. Кеппена [104; 105], А.И. Воейкова [41; 42] и В.П. Семенова-Тян-Шанского [227].

Вплоть до конца XIX в. многие ученые в России работали одновременно в областях географии, статистики населения и хозяйства, демографии, этнографиии. Так, П.И. Кеппен, один из основателей РГО, составил карту размещения населения в Российской империи к середине XIX в. и первую достаточно точную этнографическую карту Европейской части страны [105]. Он впервые пытался распределить население Российской империи по сословиям и состояниям [110]. Анализом размещения населения Российской империи на

1858 г. занимался А.Б. Бушен. Им же была разработана типология населенных мест страны [31]. К.И. Арсеньев занимался изучением различий в занятиях населения по губерниям и географией городов России. В «Гидрографическо-статистическом описании городов Российской империи» он связал географическое положение городов на водных путях и динамику их развития [16].

П.П. Семенов-Тян-Шанский был выдающимся статистиком и потому стал одним из инициаторов первой Всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г. Он долго был руководителем Центрального статистического комитета, внеся большой вклад в изучение населения страны во второй половине XIX в. Им был проведен анализ карты плотности населения страны, составлен «Географическо-статистический словарь» в пяти томах, где он охарактеризовал все города и крупнейшие села, а также станицы и слободы Российской империи. Он же стал организатором многотомного издания «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» [199]. В этом труде П.П. Семенов-Тян-Шанский представил региональную характеристику населения и поселений России. Кроме того, он проводил экспедиционные комплексные географические, социологические и демографические исследования населения страны.

А.И. Воейков, будучи климатологом, также внес свой вклад в развитие географии населения. В работе «Распределение населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека» [42] им был проведен анализ карты плотности населения мира, а в очерке «Людность селений Европейской России и Западной Сибири» [41] он представил обзор региональных различий в сельском расселении с объяснением их причин.

В.П. Семенов-Тян-Шанский, будучи сторонником антропогеографии, был одним из авторов разделов, посвященных населению в многотомном издании «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Он занимался изучением городов и сельских поселений страны, им была написана книга «Город и деревня в Европейской России» [227]. Им же, совместно со статистиком Н.М. Штруппом, была составлена и издана подробная карта всех торговых и промышленных пунктов среди городских и сельских пунктов на начало XX в.

Позднее, в 1920-е гг., при поддержке Советского правительства, под руководством В.П. Семенова-Тян-Шанского была подготовлена более подробная дозиметрическая карта Европейской части России. Планировалось издание карты плотности населения в 110 листах, но было издано только 46. Труды такого масштаба не издавались за рубежом ни в то время, ни много лет спустя [110].

В 1920–30-е гг., после ликвидации антропогеографической научной школы в России, географические исследования населения были почти полностью прекращены. Не случайно, что Н.Н. Баранский в последующем отмечал, что раздел о населении в учебниках по географии выпал бесследно, провалившись между природой и хозяйством, между физической и экономической географией [19; 20; 110]. Р.М. Кабо был одним из инициаторов возрождения исследований в географии населения [89]. Он выступил в 1941 и 1947 гг. с новаторскими для того времени программными статьями по данной теме. Он же во второй половине 1940-х гг. стал читать лекции по географии населения на географических факультетах МГУ и МГПИ. Н.И. Ляликов в 1946–48 гг. провел первую за советское время систематизацию материалов по географии населения [110]. В 1940-е гг. и в последующее время советская география населения развивалась путем соединения антропогеографического и статистического подходов к изучению населения.

До 1960-х гг. география населения считалась составной частью экономической географии, и население рассматривалось только в качестве «основной производительной силы общества». Всесоюзная переписи населения 1959 г. дала толчок к расширению исследований в географии населения, т. к. ее материалы стали впервые в послевоенный период доступны для изучения. В 1962, 1967 1973 и 1979 гг. были проведены Междуведомственные совещания по географии населения, что повлияло на дальнейшее развитие данной отрасли знания [110].

В 1970-е гг. география населения постепенно усиливала свои позиции, чему способствовало ухудшение демографической обстановки в стране и понимание роли человека в развитии экономики. В последующем развитие географии

населения способствовало социологизации экономической географии и официальному превращению последней в социально-экономическую.

В развитии географии населения как науки свой вклад внесли многие известные ученые. Среди них следует отметить В.В. Покшишевского [201; 202], В.И. Переведенцева [193; 194], которые исследовали общие вопросы географии населения и миграций населения. Ю. Г. Саушкин уделял особое внимание изучению сельских населенных пунктов и взаимосвязям человека и природы. Г.М. Лаппо, В.Г. Давидович, Б.С. Хорев занимались вопросами городского расселения и миграций [69; 128; 162; 256; 257]. Б.С. Хорев в 1975 г., работая над концепцией единой системы расселения, ввел понятие ***«опорный каркас расселения»*** и определил его как важную составную часть данной концепции [256]. В дальнейшем это понятие получило развитие среди других исследователей.

С.А. Ковалев и А.И. Алексеев затрагивали как общие вопросы географии населения, так и особое внимание уделяли географии сельского расселения [6; 8; 10; 110–112]. Составлением карт населения занимались Д.Н. Лухманов [135], О.А. Евтеев [75; 76], В.П. Семенов-Тян-Шанский [227]. С.И. Брук внес большой вклад в развитие этногеографии и этнокартографии [27; 28]. Ж.А. Зайончковская [80] и Л.Л. Рыбаковский [215–218] особое внимание уделяли изучению вопросов географии миграций. Миграционные процессы исследовались преимущественно внутри СССР. Исследования касались вопросов приживаемости новоселов в регионах нового освоения, в Сибири и на Дальнем Востоке, маятниковой миграции в развивающихся агломерациях, оттока населения из сельской местности Нечерноземья [161; 233].

Характеристикам населения и форм его расселения было отведено заметное место во многих страноведческих монографиях и в многотомной географической серии «Советский Союз» (1966–1972 гг.) [110]. В 1970-е гг. география населения стала обязательной дисциплиной, включенной в учебные планы университетов по специальности «география».

В советское время географы достаточно редко участвовали в проведении демографических исследований. Демограф и экономист С.В. Захаров в своей диссертации затронул географические аспекты демографической революции на территории России. Данная работа имела особое значение для развития отечественной геодемографии [81]. Опираясь на показатели суммарного коэффициента рождаемости и младенческой смертности он выявил основные географические закономерности демографического перехода на территории России. Благодаря его труду был опубликован ряд разделов в демографических энциклопедиях [71, с. 672–690].

Большой вклад в развитие отечественной геодемографии внес Г.М. Федоров, который сформулировал концепцию ***геодемографической обстановки*** [250]. Ж.А. Зайончковская на рубеже 1980–90-х гг. представила свой взгляд на понимание демографической ситуации и особой роли в ее формировании миграций населения [80]. Однако исследования такого типа вплоть до начала 1990-х гг. тормозились ограниченностью демографической статистики на региональном уровне [10].

Кризис 1990-х гг. привел к некоторому уменьшению количества геодемографических исследований. Однако обозначившиеся в этот период в большинстве российских регионов депопуляция, старение населения, низкая продолжительность жизни вследствие роста заболеваемости и высокой смертности, а также другие негативные демографические явления заставили вновь обратить внимание на это направление исследований. В связи с этим возникает актуальность исследований по прогнозированию движения населения. К таким работам, к примеру, можно отнести диссертационное исследование П.Л. Кириллова, где была представлена методика геодемографического прогнозирования [106].

В последние годы все чаще появляются работы, касающиеся сравнительно-географического анализа динамики и структуры населения, характеристики естественного и механического движения отдельных стран и регионов. Широкое

распространение получили исследования населения и расселения, имеющие историко-географический характер.

В первые десятилетия современной России наметился рост исследований по изучению миграций населения. В частности, это изучение миграционной ситуации в регионах страны, включая объемы и характеристики основных внешних и внутренних миграционных потоков. Активизировалась работа со статистическими и архивными материалами [10]. 1990-е гг. характеризовались высоким уровнем вынужденных миграций на постсоветском пространстве, причем преимущественно русскоязычного населения. Этими вопросами заинтересовались следующие исследователи: Ж.А. Зайончковская, Л.Л. Рыбаковский, В.М. Кабузан и др. [80; 96; 216]. Вопросами этнических миграций занимались В.С. Белозеров [22], О.И. Вендина [37], принудительных миграций в СССР – П.М. Полян [203].

В 2000-е гг. продолжаются исследования по изучению географии миграций. Помимо вышеперечисленных исследователей, данными вопросами также занимаются Ю.Г. Флоринская, Т.Г. Нефедова, Д.Н. Лухманов (внутренние трудовые миграции) [126; 162; 179], Н.В. Мкртчян, Л.Б. Карачурина (центр-периферийные аспекты миграций) [164]. Одновременно совершенствуются методы исследования в данном направлении, начинают более широко применяться нестатистические методы исследования [10].

География расселения также нашла своих последователей в отечественной науке начала нового тысячелетия. Советский опыт изучения системы расселения во многом стал основным при решении современных проблем в расселении [38]. Д.Н. Лухманов ведет разработку историко-географического метода в географии расселения [135]. Г.М. Лаппо, О.Б. Глейзер, Э.И. Вайнберг занимаются изучением тенденций и перспектив в расселении [62; 129].

Динамику численности населения в разрезе регионов России со второй половине XX в. проанализировала Т.Л. Бородина [25; 26]. Изучением поселков городского типа занимается Ю.А. Симагин [228]. Урбанизационные процессы и

их перспективы в России были рассмотрены в работах А.И. Алексеева и Н.В. Зубаревич [8].

Наиболее заметным трудом по географии расселения России, созданным в постсоветский период, можно по праву считать коллективную монографию Института географии РАН «Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен» [65], где прослеживается эволюция сельского расселения, составлены карты динамики численности сельского населения за межпереписные периоды с 1926 по 1989 гг. и др. В последующем Т.Г. Нефедовой были проанализированы тренды сельского населения по регионам России в конце советского периода и в постсоветское время с выделением пяти субширотных зон (современных типов сельской местности России) [178].

Большой вклад в изучении структур системы городского расселения внес В.А. Шупер [263; 264].

А.И. Алексеевым и С.Г. Сафроновым были проанализированы процессы сельского расселения России за поздний советский и постсоветский периоды [7]. Изменения в системе расселения в позднесоветское время (1970–1989 гг.) оказались более существенными, чем в постсоветский период (1989–2010 гг.). Авторами была предложена гипотеза, что структура сельского расселения в большинстве регионов страны приближается к состоянию равновесия.

Г.В. Иоффе в своих работах прослеживает взаимосвязь между системами сельского расселения и эффективностью сельскохозяйственного производства. Им же отмечается, что удаленность от города является одним из важнейших факторов динамики людности сельских населенных пунктов в Нечерноземье [85].

Разработкой новых методов в изучении сельского расселения занимались И.И. Голубченко (по Амурской области) [63], П.П. Туруна (по Ставропольскому краю) [248], С.В. Панков (Центрально-Черноземный район) и др. [188]. Много работ было посвящено изучению сельского расселения отдельных регионов России [10]. Результаты данных региональных исследований были отражены в кандидатских и докторских диссертациях.

Изучением территориальных особенностей эволюции системы расселения на примере республики Чувашия занимался Н.А. Казаков [98]. Население и региональная система расселения Ленинградской области послужили в качестве объекта диссертационного исследования Ю.А. Ступина, где было рассмотрены основные их направления и результаты трансформации под влиянием Великой Отечественной войны [238]. Вопросы трансформации системы расселения были рассмотрены в диссертациях А.А. Фомкиной (на примере Тверской области), А.В. Левченкова (на примере Калининградской области), Л.И. Тихоновой (на примере Рязанской области), В.В. Пуричи (на примере Алтайского края), Ф.В. Тлехурая (на примере республики Адыгея), Т.Ю. Кондаковой (на примере Ярославской области), А.Е. Зеленской (на примере республики Кабардино-Балкарии) и др. [82; 130; 212; 245; 246; 254]. Тверская область все чаще выступает в качестве полигона изучения местных систем расселения, в т. ч. с привязкой к транспортной сети [123]. Была представлена методика оценки транспортных условий сельского расселения данного региона.

В работе Н.Я. Богорсуковой ретроспективный анализ послужил основой изучения сельского расселения Краснодарского края [24].

Л.И. Попкова в своей докторской диссертации обосновывает влияние российско-украинской границы на изменения в географии населения прилегающих территорий. Была предоставлена весьма подробная картина современной географии населения нового пограничья и ее изменение в 1990-е гг. (в т. ч. по вопросам демографической структуры, национального состава населения, городского и сельского расселения, и др.) [204].

С повышением роли региональных систем расселения с целью решения местных и общегосударственных задач возникает необходимость в системном моделировании [17].

Еще в 90-е гг. XX в. в отечественной науке получила развитие география условий и образа жизни населения. Это было связано с новыми социально-экономическими условиями развития страны, изменениями в образе жизни людей. В этом направлении масштабные исследования проводились

Н.В. Зубаревич [83]. Аналогичная работа проводилась на уровне регионов, в частности, по изучению последствий экономического кризиса конца 2000-х – 2010 гг. А.М. Локшина, П.Н. Мадюскин в своих диссертациях проводили поиск методик измерения и картографирования социального неравенства [134; 137]. А.И. Алексеевым и Ю.А. Симагиным была проведена типология сельской местности России на основе разных типов расселения и особенностей образа жизни населения [5; 9]. Урбанизационные процессы и сезонная субурбанизация (в т.ч. на уровне России и отдельно Московского региона) нашли отражение в работах А.Г. Махровой [158; 159].

В постсоветское время активизировались исследования в области этнической и конфессиональной географии. В.С. Белозеров, О.И. Вендина и ряд других авторов большое внимание уделяли этническим миграциям [22; 37]. В.С. Белозеров в своей докторской диссертации рассмотрел динамические и географические закономерности этнической структуры населения Северного Кавказа [22]. Этнические группы и этническая структура Кавказа также выступает объектом исследования в кандидатской диссертации С.А. Караева [102]. С.А. Хрущев, А.В. Лысенко и др. обращались к вопросам этноэкологии [108]. На уровне регионов и других стран этнодемографическими процессами занимались А.А. Булкин, И.А. Данилова, А.Г. Манаков, М.С. Савоскул, Б.С. Хорев и др. [29; 30; 140; 154; 157]. Появляются работы, конкретизирующие динамику этнического состава населения и его мозаичность на территории России [73; 139; 222].

В тесной связи с этнической географией развивалась конфессиональная география. Как самостоятельное научное направление конфессиональная география (география религий) стала развиваться только в постсоветское время. Одни из первых работ по конфессиональной географии были выполнены исследователями из Института природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева и Института географии РАН [121; 292]. До 80-90-х гг. XX в. единичные работы были преимущественно посвящены географии религий зарубежного мира [213].

На современном (постсоветском) этапе развитие конфессиональной географии в нашей стране набирает обороты с изданием научных трудов П.И. Пучкова, в т. ч. монографии «Современная география религий», где была отражено религиозное положение в мире [213]. С.Г. Сафронов в последнее время стал одним из ведущих специалистов в изучении конфессионального пространства России. Благодаря ему появились труды, посвященные этноконфессиональному составу населения страны, исследованию территориальной структуры Русской православной церкви, географии расположения религиозной инфраструктуры, конфессионального пространства России в начале и в конце XX в. [65; 219–223]. В диссертации С.И. Андреяновой обосновывается различие понятий «религия» и «конфессия». В ее работе под конфессиональным пространством понимается категория, обладающая вполне конкретными параметрами: структурой, размерностью и морфологией [11].

С.Г. Сафронов под религиозным пространством понимает соотношение территориальных сфер влияния основных религий [219]. И.Ю. Филимонова и К.В. Горина провели исследования конфессионального пространства на примере Оренбургской области и Забайкальского края [64; 252]. С.А. Горохов в своей докторской диссертации уделяет особое внимание особенностям религиозной структуры населения в регионах мира. Автор предлагает модифицированный индекс конфессиональной мозаичности, с помощью которого была установлена степень религиозной гетерогенности регионов мира. Прослеживает связь влияния уровня конфессиональной мозаичности на величину ВВП на душу населения [66].

В последнее время в отечественной науке наметился рост интереса к исторической географии, что связано с проектом «Историческая география России» в виде издания, состоящего из 23 томов, посвященных крупным регионам страны [33]. Этот проект рассчитан на многие годы вперед. Историческая география, несмотря на свой зрелый возраст, носит явные черты молодой научной дисциплины с соответствующими проблемами развития. Историческая география на протяжении долгого времени выступала как вспомогательная историческая дисциплина, в число задач которой входило

изучение географии прошлого определенной территории. В исторической географии рассматривались преимущественно частные вопросы, причем в основном по средневековой истории России. В середине прошлого века историк В.К. Яцунский писал, что историческая география носит репутацию «науки с весьма неопределенным содержанием» [271, с. 8]. Проблемы современной исторической географии связаны с неразработанностью ее теории, а также неопределенностью объекта и предмета исследований.

В составе исторической географии принято рассматривать несколько направлений, в т. ч. историческую географию населения [270]. Историческая география населения изучает демографические, этнические, религиозные особенности населения, а также вопросы, связанные с размещением населения и его миграциями на разных этапах исторического развития [18]. В последнее время активизировались исследования в этом направлении, апробируются новые методики как на уровне крупных регионов страны, так и на уровне субъектов федерации [32; 34; 142; 147].

1.2. Понятие системы расселения и структуры населения

Наиболее широкое развитие в географии получил ***системный подход***. Данный подход в отечественной географии сформировался в 60-е гг. XX в. Само понятие «система» было заимствовано из кибернетики, при этом также проникло в ряд других научных направлений. Системный подход стал главенствующим в географии, так как сама география изначально является комплексной или системной наукой.

В теории систем можно выделить три основных понятия, используемых географами: 1) система – целостный комплекс взаимосвязанных элементов, свойства которого не сводятся к сумме свойств его составляющих частей; 2) элемент – минимальный компонент системы, дальнейшее членение которого в соответствии с целями является предельными; 3) структура – определенный тип связей между элементами системы [39].

Под ***структурой населения*** понимается распределение населения по группам по каким-либо признакам. Структура населения обычно выражает соотношение, долю различных групп людей во всем населении [230]. Структуры населения оказывают влияния на демографические процессы, являются результатом этих процессов в прошлом и предоставляют картину на определенный временной интервал времени. В «Практической демографии» (под редакцией Л.Л. Рыбаковского) структура населения понимается как соотношение между однородными элементами и (или) численно определенными группами [206].

Следует различать понятия «состав» и «структура». Под ***составом населения*** обычно понимается именно перечень элементов, составляющих население как совокупность людей. Понятие «структура» имеет более широкий смысл.

Как и любая сложная система, население является полиструктурным, т. е. может быть описано несколькими структурами в зависимости от признака, взятого за основу выделения группы людей. Различными авторами выделяются следующие структуры населения: 1) демографическая; 2) этническая; 3) конфессиональная; 4) социальная; 5) образовательно-квалификационная; 6) поселенческая. С.П. Капица в своей книге «Общая теория роста человечества» выделял такие структуры населения: 1) социальная; 2) этническая; 3) социально-экономическая; 4) половая; 5) возрастная; 6) брачная [101].

Нередко демографическую структуру рассматривают как единое звено внутренних структур (включая половозрастную, этническую, конфессиональную и др.). Однако прямое отношение к демографической структуре населения имеют половозрастная, половая, возрастная, брачная, семейная, миграционная структуры. Совокупность процессов, таких как рождаемость, смертность, брачность, разводимость, являющихся составными частями воспроизводства населения, называют ***демографическими процессами*** [12]. Остальные структуры, в т. ч. этническая, конфессиональная, социальная, образовательно-квалификационная, поселенческая и др., оказывают косвенное влияние на

демографические процессы. Действуют они непосредственно через демографические структуры [240].

В отличие от более динамично изменяющейся демографической структуры населения, более устойчивыми во времени и пространстве являются поселенческая, этническая и конфессиональная структура населения, которые требуют больших временных отрезков для изучения их трансформации. Под ***трансформацией*** (от латинского transformatio – изменение) в общественных науках обычно понимается преобразование структур, форм и способов, изменение целевой направленности деятельности. Соответственно, в социально-экономической географии под трансформацией структуры населения можно понимать заметные сдвиги в различных структурных срезах населения, имеющие ярко выраженный пространственный характер. Для выявления этих пространственных сдвигов в структуре населения на протяжении длительного интервала времени может быть востребован историко-географический подход.

Структура населения является результатом демографических, политико-административных, социально-экономических, культурных процессов, проистекавших на протяжении значительного временного интервала, поэтому для изучения ее трансформации можно воспользоваться историко-географическим подходом.

В географии населения (особенно в субдисциплине географии расселения) можно выделить структуры расселения: сельского и городского.

Также следует отличать структуры сельского и городского населения от структур сельского и городского расселения. В первом случае эти два блока являются неотъемлемыми компонентами единой структуры населения, включающей в себя разные структуры (как отдельно по сельскому, так и по городскому населению). Во втором случае речь идет о пространственном размещении населения.

Л.Н. Мазур определяет ***расселение*** как исторически сложившуюся территориально организованную сеть поселений, между которыми существуют устойчивые связи (производственные, социальные, бытовые, административные и

др.), присутствует распределение функций в соответствии с местом и ролью населенных пунктов в системе. Расселение обладает системными свойствами, в частности, динамичностью и устойчивостью [138].

Однако следует сразу отметить, что понятие «расселение» имеет более разветвленную структуру, куда входят такие элементы, как территория, население, природная, материальная, производственно-экономическая, социальная и культурная среда обитания людей. Все эти компоненты находятся в постоянном взаимодействии [138].

При этом под ***поселенческой структурой населения*** понимается пространственная форма организации общества. Понятие выражает отношение людей к территории их обитания, а именно, отношения людей между собой в связи с их принадлежностью к одному и тому же, либо к разным типам поселения [253]. Прослеживается взаимосвязь поселенческой структуры с другими структурами населения, существует неразрывная связь между ними.

Детальное определение ***этнической структуры населения*** предоставил В.С. Белозеров, под которой он понимает целостную совокупность межэтнических связей и соотношений в конкретных территориально-административных образованиях. Это понятие включает в себя не просто этнический состав населения территорий, но и характеризуется межэтническими пропорциями численности населения, различиями культурных, демографических, социальных и производственных особенностей этносов, данные в сравнении и в географическом аспекте. Элементами этнических структур являются этносы, субэтносы, этносоциальные группы [22]. Схожее определение можно дать и понятию ***конфессиональной структуры населения***.

В данной работе в качестве предмета исследования выступают пространственные аспекты трансформации этнической, конфессиональной и поселенческой структуры населения (сельской и городской), рассмотренные в тесной связи с системой расселения (сельской и городской).

1.3. Методы и подходы к изучению поселенческой, этнической и конфессиональной структуры населения

Общепринятыми методами в географии являются: картографический, сравнительно-географический, исторический, статистико-математический, метод географического районирования, метод полевых исследований и наблюдений, метод географического моделирования, географический прогноз и др. Эти методы широко используются и в географии населения.

Кроме того, в географии населения применяются методы и подходы смежных наук, изучающих население и населенные пункты. К таким наукам относятся демография, этнология, социология, экология человека и др. Практическое значение исследований, проведенных в рамках географии населения, обычно связано с разработкой и обоснованием мер региональной социально-демографической и миграционной политики, прогнозом численности и структуры населения, разработкой схем расселения, пространственного планирования территорий различного уровня.

В географии населения широко применяются методы, разработанные в исторической географии. Традиционным в историко-географических исследованиях является использование ***метода временных срезов***. Как считает В.Н. Стрелецкий, в большей степени это характеризует обществоведческие историко-географические дисциплины (историческую географию населения, социальную, экономическую, культурную, политическую географию) [236]. Историко-географический (временной) срез представляет собой «моментальную фотографию» исследуемой территории на определенную дату. Метод временных срезов предполагает, в первую очередь, картирование пространственных характеристик [35]. Он включает первоначальную статистическую и последующую картографическую обработку материала с целью выявления закономерностей пространственного развития изучаемого явления.

Следует отметить, что историко-географическое картографирование с целью проведения пространственного анализа является достаточно редким

явлением при проведении собственно исторических исследований. При использовании метода временных срезов необходимо обращать внимание на ряд параметров, таких, например, как изменчивость или стабильность сетки административно-территориального деления региона исследования [146].

В зарубежных исследованиях также получил развитие метод временных срезов, хотя там он имеет иное название. Например, в британской историографии популярен метод «кросс-секций» («исторических срезов»), который ставит задачу реконструкции «географии прошлого» [117]. Примером может служить «Историческая география Англии до 1800 г.» [278]. Одновременно с традиционным статистическим «горизонтальным подходом» в британской исторической географии используется «вертикальный подход», нацеленный на описание эволюции региона. В частности, в книге «Новая историческая география Англии» вместе с синхронными временными срезам, привязанными к определенным датам, представлены социально-географические характеристики между двумя соседними кросс-секциями, данные в диахронии [277].

Таким образом, вторым наиболее значимым методом в исторической географии является ***диахронический метод***. Этот метод представляет собой анализ динамики явлений в промежутках между «временными срезами», благодаря чему определяются общие тенденции развития географических объектов за историческое время. При использовании данного метода нужно придерживаться ряда принципов. В первую очередь, это обеспечение сопоставимости полученных результатов, выявление взаимосвязей между компонентами «ландшафт – население – природопользование», изучение преемственности процессов, установление ключевых этапов развития рассматриваемых объектов, изучение географических циклов и территориальной целостности объекта [18; 78].

Диахронический метод, как и метод временных срезов, можно отнести к традиционным подходам в исторической географии. Так, в исторической науке этот метод предполагает последовательность изложения факторов и событий, сопоставление развития следующих друг за другом культур. Л.Н. Гумилевым

диахронический подход был применен для изучения этногенеза, им же в этнографию был введен принцип неинерционных систем отсчета в историческом процессе (так называемый принцип диахронизма). Введение понятия «пассионарности» было интегрировано с данным подходом [60; 61; 68].

Особое внимание данному подходу было уделено одним из основоположников отечественной исторической географии В.С. Жекулиным. В монографии «Историческая география: предмет и методы» им дается подробный анализ методологической базы исторической географии, в т. ч. рассмотрение метода временных срезов и диахронического подхода [78]. Им было отмечено, что два этих подхода находятся в постоянном взаимодействии. Метод временных срезов разрабатывался преимущественно историками, а диахронический – географами. Основная цель диахронического подхода заключается в связке исторических (временных) срезов и определении общих тенденций в развитии географического объекта за историческое время. Метод диахронического анализа основывается на последовательном изучении пространственно-временных изменений в природе, населении и хозяйстве конкретной территории [78]. Среди основных задач диахронического анализа являются, во-первых, определение происхождения географического объекта; во-вторых, изучение стадий его развития и изменения [60; 78]. Диахронический подход получил широкое применение в палеографии, геологии, геоэкологии и физической географии.

Метод временных срезов и диахронический метод могут быть применены в изучении пространственно-временной динамики различных структур населения и системы расселения. В данном случае он применяется при изучении этнической, конфессиональной и поселенческой структур населения.

Помимо использования данных подходов, в изучении структуры населения можно применить другие методы исследования. Выше отмечено, что в состав географии населения входит ряд дисциплин, в т. ч. география расселения, этническая и конфессиональная география. Конфессиональную географию иногда включают также и в состав культурной географии, тем самым подчеркивая ее пограничное положение. Этническая география возникла на стыке

географических наук и этнографии, тесно связана с теоретической этнологией, этнической демографией, этноэкологией, исторической и культурной географией [237]. Таким образом, методология, разработанная в культурной географии, может быть востребована при изучении этнической и конфессиональных структур населения.

Среди разделов культурной географии особо нужно отметить этнокультурную географию, где были разработаны концепции геоэтнокультурных систем и этноконтактных зон [205]. А.Г. Дружинин и С.Я. Сущий [74; 239] ввели в научный оборот понятие ***геоэтнокультурная система (ГЭКС)***, под которой понимается территориальная целостность, локализованная в пределах определенного ареала и формируемая взаимодействием этнических общностей, антропогенезированных природных комплексов (ландшафтов) и особых форм пространственной организации общества (территориальных общественных систем) в процессе природопользования. По их мнению, в изучение ГЭКС на практике должны входить: анализ ландшафтной сферы, различных инвариантов территориальных общественных систем, особенностей расселения этносов, а также выявление географических особенностей и географических закономерностей формирования и трансформации этнического сознания.

Территориальная структура ГЭКС, как и геокультурных систем суперэтнического уровня, включает следующие элементы: ядро, регионы, полупериферия, периферия, этноконтактные зоны, социокультурные поля (поля воздействия одной ГЭКС на другую), этнокультурные поля (зоны культурного влияния этносов, дисперсно расселённых вне границ своих ГЭКС) [139]. Авторы концепции ГЭКС при этом отмечают, что «реалии на самом деле таковы, что определение любой территории как ядра, периферии и контактной зоны окажется корректным лишь применительно к определенной геоэтнокультурной системе. Ведь в пределах планетарной оболочки развиваются и функционируют не просто различные, но и разноуровневые геоэтнокультурные системы, поэтому территория, выступающая в одном случае как контактная зона, в иной ситуации предстает ядром и т. п.» [74]. В связи с этим авторы предлагают делать различие

между российской ГЭКС, имеющей сложную структуру и включающий целый ряд национальных ГЭКС, и великорусской ГЭКС [139].

Понятие ***этноконтактная зона (ЭКЗ)*** было введено в 1980-е гг. для обозначения территории этнокультурного контакта. Изучение этноконтактных зон было инициировано географами, а затем было подхвачено историками и другими специалистами в области гуманитарных наук [116]. В отличие от понятий «этническая граница», «территория смешанного этнического расселения» и прочее, этот термин поставил в центр внимания процесс взаимодействия народов в зонах их стыка, их исторического соприкосновения, т. е. в ареалах наиболее активного межэтнического соприкосновения [122].

Этноконтактная зона является одной из разновидностей географических границ, обладает всеми присущими этой категории географических понятий чертами и функциями. Основными функциями географических границ (государственных, административных, этнических, конфессиональных и др.) являются выполняемые ими функции. Функции границ зависят от уровня их проницаемости для того или иного явления. Можно выделить следующие функции границ: барьерная, контактная, отражающая, фильтрующая, препятствующая и др. [59; 139]. Был сделан вывод, что ЭКЗ можно отнести к категории этнических гравитационных географических границ, выполняющих преимущественно контактные функции [139].

Была осуществлена типология ЭКЗ по их положению снаружи или внутри геоэтнокультурных систем. Это внешние (расположенные на границе ГЭКС) и внутренние (на полупериферии и периферии ГЭКС, т. е. на некотором удалении от ее внешних границ). Также была предложена классификация ЭКЗ по иерархическому уровню разделяемых этнокультурных систем: 1) между метаэтническими общностями, признаками которых может служить, к примеру, религия; 2) между этносами (например, по языковой принадлежности) [139].

Степень сложности ЭКЗ можно определить количественным путем, воспользовавшись индексом этнической мозаичности (ИЭМ), который в 1976 г. был предложен и апробирован Б.М. Эккелем [265]. Данный индекс применим на

любом территориальном уровне. Формула для расчета индекса этнической мозаичности следующая:

$$P_j = 1 - \sum_{i=1}^{m} \eta_i^2 ,$$

где P_j – индекс этнической мозаичности j-го района (региона); m – число этнических групп в j-м районе (в данном случае для групп, чей удельный вес в общей структуре населения равен или более 0,1 %); η_i – удельный вес представителей i-й этнической группы в общей структуре населения j-го района.

Аналогично можно рассчитать индекс религиозной и языковой мозаичности (ИРМ и ИЯМ), где P_j – индекс религиозной (или языковой) мозаичности j-го района; m – число конфессиональных (или языковых) групп в j-м районе; η_i – удельный вес представителей i-й конфессиональной (или языковой) группы в общей структуре населения j-го района.

ИЭМ, ИРМ и ИЯМ отражают уровень разнообразия этнической и конфессиональной структур населения. В XXI в. данный подход активно применяется географами в вопросах изучения этнической и конфессиональной мозаичности населения [11; 66; 139; 182; 222; 247 и др.]. А также, опираясь на расчеты ИЭМ, были выделены этноконтактные зоны двух классов: 1) неярко выраженные (ИЭМ от 0,2 до 0,4) и 2) ярко выраженные (ИЭМ свыше 0,4).

Выводы по 1 главе

1. География населения призвана изучать закономерности и пространственные особенности формирования и развития населения и населенных пунктов в различных природных, исторических и социально-экономических условиях. География населения прошла длительный период своего развития, что послужило формированию ее сложной и разветвленной структуры, направления которой имеют право на самостоятельное развитие.

2. География населения находится в тесном взаимодействии с другими географическими и смежными научными направлениями: демографией, экономикой, историей, социологией, экологией и др.

3. Повышение значимости географии населения в постсоветский период связано с резкими сдвигами в демографических и этнических процессах в стране. В связи с этим активизировались исследования по созданию прогнозов, а также сравнительно-географическому изучению населения, в частности, изменений в системах расселения и трансформации структуры населения.

4. Структура населения является результатом демографических, политико-административных, социально-экономических, культурных процессов, проистекавших на протяжении значительного временного интервала, поэтому для изучения ее трансформации можно воспользоваться историко-географическим подходом. В отличии от состава населения, понятие структура населения имеет более широкий смысл.

5. Понятие «расселение» имеет разветвленную структуру, куда входят такие элементы, как территория, население, природная, материальная, производственно-экономическая, социальная и культурная среда обитания людей. Все эти компоненты находятся в постоянном взаимодействии. Расселение обладает системными свойствами, в частности, устойчивостью и динамичностью.

6. В географии населения используются общегеографические методы, методы и подходы смежных наук, изучающих население и населенные пункты (демография, этнология, социология и др.).

7. Некоторые разделы географии населения иногда включаются в состав смежных научных направлений. В первую очередь, это касается конфессиональной и этнической географии, которые входят также в состав культурной географии и этнографии. Пограничное положение этих направлений позволяет использовать их более широкую методологическую базу. В качестве примера можно отметить изучение *этноконтактных зон,* в том числе с помощью использования *индексов этнической и религиозной мозаичности*. Данный подход можно использовать и при изучении этнической и конфессиональной структур населения.

ГЛАВА 2
ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПСКОВСКОГО РЕГИОНА В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

2.1. Источниковая база по изучению поселенческой и этноконфессиональной структуры населения в XVIII – первая половине XIX вв.

Сведения о численности и структуре населения Псковского региона до XVIII в. можно получить из переписных книг и данных переписей 1646 и 1678 гг. Большой вклад в изучении расселения регионов России был внесен Я.Е. Водарским. Им на базе ряда сводных источников и переписных книг (Перечень, Ведомость, Табель и др.) были подведены итоги переписи 1678 г. Кроме того, им были составлены карты земель (уездов). На территории Псковского региона были выделены следующие уезды: Псковский, Великолукский, Торопецкий, Холмский и Пусторжевский [40].

В начале XVIII в. Петр I провел две общегосударственные переписи населения – в 1710 г. и 1716–1717 гг. [109]. В ходе этих переписей производился сбор материалов подворного учета населения. Правда, в 1703 г. в России была проведена еще одна перепись населения, но она была нужна исключительно для рекрутского набора. В связи с тем, что значительная часть населения скрывалась от рекрутского набора, итоги переписи оказались далеко не точными. Но и перепись населения 1710 г. была признана провальной, т. к. ее результаты показали резкое сокращение податных хозяйств (на 19,5 %). Петром I итоги данной переписи были отвергнуты, он приказал собирать подати по книгам 1678 г. Позже была проведена так называемая «Ландратская перепись» (1716–1717 гг.).

Указом Петра I от 26 ноября 1718 г. было положено начало государственным ревизиям, которые проводились с целью определения численности населения, облагаемого податями, в первую очередь, крестьян и

мещан, т. е. учета податного и не подлежащего обложению населения [92]. Ревизии (от позднелатинского revisio – пересмотр) проводились на протяжении большей части XVIII и XIX вв. [90]. Всего в России было проведено десять ревизий (1-я – в 1719–1727 гг., 2-я – в 1744–1747 гг., 3-я – в 1761–1767 гг., 4-я – в 1781–1782 гг., 5-я – в 1794–1795 гг., 6-я – в 1811 г., 7-я – в 1815 г., 8-я – в 1833 г., 9-я – в 1850 г., 10-я – в 1857–1858 гг.). Первая ревизия началась сразу после опубликования указа Сената от 22 января 1719 г. «Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок и о взыскании за утайку душ». В этом указе был сформулирован порядок проведения переписи, ее цель, территории и категории населения, на которые она распространялась. Перепись охватывала почти все категории населения страны, но ее заметным недостатком была долгая продолжительность, иногда даже нескольких лет [93].

При проведении 1-й, 2-й и 6-й ревизий учитывалась только мужская часть населения. Единицей учета мужского населения являлась «ревизская душа», которая в ходе переписи вносилась в «ревизские сказки». Первоначально Петр I планировал переписать все население, но затем был вынужден отказаться от этой идеи. Во время проведения ревизий учитывалось также и большинство неподатного населения (духовенство, отставные солдаты, ямщики и др.) [90]. Но в некоторых ревизиях не подвергались учету дворяне и чиновники.

Ревизские сказки дают возможность получить следующую информацию [14]:

– сословную принадлежность лица, подающего сказку;

– возраст на момент проведения переписи (т. е. не год рождения, по этой причине подсчитанные годы рождения по разным ревизиям часто различались);

– фамилию (если была), имя, отчество;

– место рождения;

– место постоянного жительства;

– наличие детей мужского и женского пола (кроме 1-й, 2-й и 6-й ревизий) с указанием времени и места их рождения;

– родственников и «работных людей» с указанием фамилий, имен, возраста и сословной принадлежности;

– размеры податей, уплачиваемых казне;

– имущественное положение подающего сказку (не всегда);

– национальность (в ряде случаев по ревизиям с 1-й по 5-ю);

– физические недостатки (например, по 1-й ревизии – «увечен», «слеп»).

Ревизии обычно длились один-два года, а в перерыве между ними собиралась информация, позволяющая дополнить и уточнить первоначально полученные сведения.

Самой продолжительной оказалась 1-я ревизия. В период ее проведения было издано много указов, дополняющих и уточняющих предыдущие, что в итоге сильно усложнило проведение переписи. Причем ревизия проводилась с применением жестких карательных санкций, т. к. население очень неохотно представляло сведения о себе. Поэтому 1-я ревизия была проведена не достаточно основательно.

В период проведения 2-й ревизии собирались не только сведения о наличном податном населении, но и данные о динамике населения [97; 172].

В ходе 3-й ревизии стали учитывать не только мужское население, но и женское. Основная обязанность по проведению переписи населения в сельской местности была возложена на помещиков. А из городов и посадов ревизские сказки подавались магистрами и ратушами. Контроль за подачей ревизских сказок осуществлялся губернскими, провинциальными и воеводскими канцеляриями. Елизаветой Петровной был принят указ о проведении переписи в течение пяти месяцев. Но и эта ревизия, несмотря на ряд изменений, прошла неудачно.

4-я ревизия была проведена в 1781–1782 гг. В ней был учтен опыт предыдущей ревизии и принято решение об отказе посылать специальных ревизоров на места. И, несмотря на некоторые проблемы проведения данной ревизии, она дала сравнительно более полные сведения о неподатном населении [172].

5-я ревизию, как и предыдущие, не удалось провести в сжатые сроки. Так, решение о начале проведения ревизии было принято в 1794 г., а ее результаты поступали вплоть до 1808 г. [72].

Начало проведения 6-й ревизии приходится на 1811 г. Время проведения этой ревизии было ограничено четырьмя месяцами для европейской части страны и десятью месяцами для Сибири. В ходе проведения ревизии учитывалось как мужское население, так и некоторая часть неподатного населения. В каждом уезде была учреждена ревизская комиссия для приема сказок.

7-я ревизия была проведена в 1815 г., т. е. вскоре после окончания войны с Наполеоном. Основной задачей ревизии было определение демографических потерь вследствие войны. По тем же причинам возникали сложности при проведении ревизии, во многих губерниях она проходила с нарушениями [172].

8-я ревизия была начата еще до окончания проверки 7-й ревизии в 1833 г. Данной ревизии подвергалось все податное наличное население, а также подданные России любого возраста, пола, племени и закона, состоявшие на льготах, а также те, кто отбывал другие государственные повинности. Таким образом, население учитывалось не только с целью платежа податей или для отбывания повинностей, но и просто для счета его численности. Тем самым, впервые в 1833 г. была объявлена потребность государственной администрации в получении полных данных о численности и структуре населения страны.

9-я и 10-я ревизии были проведены в 1850-е гг. В ходе 9-й ревизии впервые были перечислены лица, не платившие податей, к которым относились дворяне, чиновники, почетные граждане и др. Населению было объявлено о пользе проведения ревизий. Начали учитываться нравы, образ жизни разных народов и местностей [104]. 10-я ревизия состоялась почти сразу же по окончании 9-й. Это было связано со значительной убылью населения, связанной с многочисленными войнами эпидемиями [172].

Ревизии, проводившиеся на протяжении большей части XVIII и XIX вв., были еще далеки от современных переписей населения и проводились по другим методикам. Тем не менее, ревизии позволяли собрать данные по податному

населению с целью его налогообложения. Но именно поэтому ревизии не охватывали все население. Проводились они чаще всего в течение нескольких лет, и их результаты не были одномоментными. В связи с тем, что ревизии проводились с целью налогового обложения, часть населения пыталась укрыться от них. Помещики, которые должны были предоставить полные сведения, часто их приуменьшали. Нередки были случаи злоупотреблений со стороны чиновников и других лиц, участвующих в проведении ревизий. Недостатком являлось и то, что в ходе 1-й, 2-й и 6-й ревизий учитывалось только мужское население.

Однако, несмотря на отмеченные недостатки, ревизии дали важную информацию о населении тех лет и ныне представляют интерес для историков, демографов и историко-географов. Некоторые ревизии предоставили сведения о возрасте, брачном состоянии, национальности, сословиях, а также о численности городского и сельского населения. Когда в 1861 г. было отменено крепостное право, ревизии утратили свою главную функцию и больше не проводились [189].

В изучение результатов ревизий населения в России наибольший вклад внес В.М. Кабузан. Им были изучены методы проведения ревизий, а также проведен сравнительный анализ итогов ревизий на региональном уровне [91–96]. В книге В.М. Кабузана «Народы России в XVIII в.» [93] дается анализ динамики численности и этнического состава населения России в 1880-е гг., в т. ч. на территории Псковской и соседних губерний. В его книге «Народы России в первой половине XIX в.: численность и этнический состав» [94] даны сведения об итогах ревизий, а также материалов церковного и административно-полицейского учета населения. В работе «Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX вв.» [91] проанализирована динамика численности населения в XVIII–XIX вв. по результатам прошедших ревизий. Сведения о конфессиональном составе за XVIII – начало XX вв. представлены в труде В.М. Кабузана «Распространение православия и других конфессий в России в XVIII – начале XX в. (1719–1917 гг.)» [95].

Кроме ревизских сказок, численность и структуру населения в XVIII–XIX вв. можно оценить с помощью материалов административно-полицейского и

церковного учетов населения. Значительный вклад в изучение этих материалов внес Б.Н. Миронов. Церковный учет в то время представлял данные о рождении, крещении, венчании и исповеди. Наиболее ранние результаты церковного учета сохранились с 1690 г. Данные сведения касаются только православного населения, но именно оно составляло в XVIII в. подавляющее большинство населения страны. Что же касается других конфессий, то аналогичные сведения сохранились с 20–30 гг. XIX в. [173].

Кроме того, в Российской империи велись метрические книги, где можно увидеть реестры рождений, смертей и браков с начала XVIII в. по 1918 г. Метрические книги представляют собой хронологические списки событий за год, которые делятся на три основные части: 1) записи «о рождающихся»; 2) часть «о бракосочетающихся»; 3) блок «об умирающих». Метрическое книги велись в церковных и государственных учреждениях. В этих книгах можно найти также информацию о конфессиональной принадлежности населения, месте жительства, социальном статусе, возрасте и т. д. Однако в них не вносились младенцы, умершие до крещения, а также самоубийцы [259]. Православные метрические книги велись с 1722 г., лютеранские – с 1764 г., католические – с 1826 г. (в некоторых приходах – с 1710 г.), мусульманские – с 1828 г., иудейские – с 1835 г. (в некоторых приходах – с 1804 г.), баптистские – с 1879 г., старообрядческие и сектантские – по 1905 г. (последние три велись полицейскими чиновниками) [13].

Еще одним документом, где были представлены сведения о численности и структуре населения, были исповедные росписи. Этот документ составлялся по каждому приходу православной церкви Российской империи на протяжении XVIII в. и начала XX в. Первая исповедная роспись была составлена в 1697 г., последняя – в 1917 г., хотя в некоторых регионах такой документ составлялся и позже. Окончательная форма исповедных росписей была определена в 1737 г. Исповедь проводилась во время Великого поста, но если люди не успевали исповедаться в этот период, то они могли сделать это в другое время, в частности, когда был Петров, Успенский и Рождественский пост. В формуляре исповедной росписи значились следующие графы: порядковый номер домов или дворов,

число людей (отдельно мужчин и женщин), фамилия (для полной семьи — одна фамилия для всех, для супругов — только имя и отчество, а для детей — только имя; если же умер один из супругов, то в живых отмечалось вдовство), возраст и количество детей старше одного года. Обычно исповедную роспись подписывал настоятель храма [86; 160].

2.2. Геодинамика политических и административных и границ

Территория Псковской земли к XVII в., по мнению Б. Н. Харлашова, занимала площадь 21,9 тыс. кв. км (без Себежского уезда). В составе Псковской земли на тот момент входило 14 уездов (Гдовский, Кобыльский, Изборский, Вышгородский, Островский, Вельевский, Вревский, Володимерецкий, Выборский, Дубковский, Вороночский, Красногородский, Опочецкий и Псковский) [255]. Себеж, Невель и Красный после русско-польской войны (1609–1618 гг.) по Деулинскому перемирию были переданы Речи Посполитой. В дальнейшем Российским государством предпринимались попытки вернуть эти города обратно, но тщетно. С 1618 по 1638 гг. эти три города входили в состав Смоленского воеводства Речи Посполитой [274]. В 1654 г. началась новая война с Речью Посполитой, которая продолжалась до 1667 г. По Андрусовскому перемирию земли Себежа, Невеля и Велижа были переданы России, но ненадолго. В 1678 г. данные территории вновь вошли в состав Речи Посполитой. В конечном итоге под конец XVII в. территория, предшествующая Витебской губернии, находилась в составе трех воеводств – Инфлянтского, Полоцкого и Витебского (в частности Витебский повет) [273].

Инфлянтское воеводство было образовано в 1620 г. из латгальских земель и находилось под совместным управлением Короны Польской и Великого княжества Литовского. Центр воеводства находился в Динабурге. В результате польско-шведской войны 1600–1629 гг., по Альтмаркскому перемирию, Речь Посполитая лишилась большей части Лифляндии, которая отошла Швеции, но сохранила за собой остальную часть Лифляндии (Инфлянты Польские).

Последующие войны с Швецией и Россией позволили Речи Посполитой закрепить за собой данную территорию [286].

Полоцкое воеводство было образовано в 1504 г., а с 1569 г. находилось в составе Речи Посполитой [272].

С XVIII в. начинается губернская эпоха, связанная с проведением петровских, а затем екатерининских реформ. В 1708 г. указом Петра I территория России была разделена на 8 губерний, которые делились на уезды. Практически вся территория современного Северо-Запада вошла в состав обширной Ингерманландской (с 1710 г. – С.-Петербургской) губернии. Псковский регион также вошел в ее состав. Согласно второй петровской реформе 1719 г., С.-Петербургская губерния была разделена на 11 провинций, среди которых были Псковская и Великолукская провинции [242]. Территория Псковской провинции фактически унаследовала границы Псковской земли XVI–XVII вв., но с дополнением Пусторжевской земли. Территория Великолукской провинции также могла унаследовать границы того же времени, хотя остается спорным вопрос, куда были включены территории Холмского, Жижицкой и Торопецкой земель. Порховский уезд в то время входил в состав Новгородской провинции.

Указом Екатерины I в 1727 г. была образована Новгородская губерния, куда вошли Псковская и Великолукская провинции [242]. Последующие изменения в сетке АТД происходили во время правления Екатерины II. В результате первого раздела Речи Посполитой, которое произошло в 1772 г., часть Витебского воеводства (преимущественно территория Витебского повета) [280], территория Инфлянтского воеводства, значительная часть Полоцкого воеводства (за исключением южной части) вошли в состав новообразованной Псковской губернии. В состав данной губернии вошли Псковская и Великолукская провинции, а также территории новых земель – Полоцкая (значительная часть бывшего Полоцкого воеводства) и Двинская (бывшая Польская Лифляндия). В том же году, из Могилевской губернии была выделена Витебская провинция (преимущественно территория бывшего Витебского повета). Таким образом, Псковская губерния имела в своем составе пять провинций, разделенных на

16 уездов. Центром губернии была назначена г. Опочка. Гдовский и Порховский уезды были оставлены в составе Новгородской губернии.

Псковская губерния в этом виде просуществовала недолго, лишь до 1776 г. Из-за сложности управления столь обширной губернией, было принято решение о создании Псковской и Полоцкой губерний. Двинская, Полоцкая и Витебская провинции образовали единую Полоцкую губернию с 11 уездами (Велижский, Витебский, Невельский, Городокский, Себежский, Суражский, Полоцкий, Дриссенский, Люцинский, Режицкий и Динабургский). В состав вновь образованной Псковской губернии вошли территории Псковской и Великолукской провинций, а также Порховский и Гдовский уезды со стороны Новгородской губернии. Центр губернии располагался в г. Пскове. В губернии было 10 уездов (Псковский, Гдовский, Лужский, Островский, Опочецкий, Новоржевский, Порховский, Великолукский, Торопецкий и Холмский). Одновременно были ликвидированы провинции и изменена схема уездов. В 1777–1778 гг. были учреждены Псковское и Полоцкое наместничества. В 1781 г. Гдовский и Лужский уезды были переданы в состав С.- Петербургской губернии. Через год из Псковского уезда был выделен Печорский уезд [67; 241].

В 1793 г., в результате второго раздела Речи Посполитой, Лепельский уезд был передан в состав Полоцкого наместничества.

В 1796 г. указом Павла I были вновь восстановлено разделение на губернии. В Псковской губернии были упразднены Печорский, Новоржевский и Холмский уезды, и в итоге в губернии стало 6 уездов: Псковский, Великолукский, Опочецкий, Островский, Порховский и Торопецкий.

В 1802 г. указом Александра I были восстановлены Новоржевский и Холмский уезды. Полоцкая губерния вместе с Могилевской в 1796 г. были объединены в Белорусскую губернию. Тогда из упраздненной Полоцкой губернии в единую губернию вошли следующие уезды: Велижский, Витебский, Городокский, Динабургский, Люцинский, Невельский, Полоцкий и Себежский. Одновременно были упразднены Лепельский, Дриссенский и Режицкий уезды. В 1802 г. Белорусская губерния была разделена на Витебскую и Могилевскую

губернии. Витебская губерния была разделена на 12 уездов (Велижский, Витебский, Городокский, Динабургский, Дриссенский, Лепельский, Люцинский, Невельский, Полоцкий, Режицкий, Себежский и Суражский) [241].

В 1823 г. Псковская губерния была приписана к Остзейским провинциям, но в 1830 г. вновь становится самостоятельной губернией с 8 уездами [156]. Через год часть Холмского уезда была передана Демянскому уезду Новгородской губернии.

2.3. Геодинамика численности населения

В XVII в. население Псковской земли имело положительную динамику, несмотря на политические потрясения на рубеже XVI–XVII вв. В XVIII в. рост численности населения региона замедлился. Это было связано не только с оттоком населения в С.-Петербург и другие крупные города, но и с включением в состав Российского государства прибалтийских земель, что лишило Псков роли приграничного и международного торгового центра. Война 1812 г. также негативно отразилась на демографических процессах в регионе [174]. Тем не менее, положительный естественный прирост приводил к росту численности населения Псковской губернии в отдельные годы.

Южная часть современной Псковской области в конце XVII в. входила в состав Речи Посполитой, располагаясь на стыке трех воеводств: Инфлянтского, Полоцкого и Витебского. Большую часть Витебского воеводства, вошедшего в дальнейшем в состав Витебской губернии, занимал Витебский повет. Его население в середине XVII в. составляло 80280 чел. Большая часть Полоцкого воеводства также вошло позже в состав Витебской губернии (в 1772 г., в 1793 г. Лепельский уезд). В середине XVII в. население Полоцкого воеводства составляло 185632 чел. Но в результате русско-польской войны 1654–1667 гг. многие территории Речи Посполитой потеряли часть населения. В Полоцком воеводстве до войны проживало 162478 чел., а после – 40930 чел. (потери составили 74,8 % населения). В Витебском повете проживало соответственно

70245 и 26624 чел. (потери составили 62,1 % населения). Именно приграничные территории Речи Посполитой понесли наибольшие потери в численности населения [275; 289]. Вполне вероятно, что часть населения активно переселялось на другие территории, подальше от мест военной активности, в т. ч. в соседние Псковскую, Пусторжевскую и Великолукскую земли. Инфлянтское воеводство в дальнейшем фактически полностью вошло в состав Витебской губернии.

Сведения о динамике численности населения на территории в границах Витебской губернии можно получить, начиная с 3-й ревизии. Между 3-й и 4-й ревизиями эта территория была включена в состав Российской империи. Прирост населения на протяжении ста лет отличался нестабильностью. Так, между 6-й и 7-й ревизиями наблюдается значительная убыль населения, связанная с военными действиями в период Отечественной войны 1812 г.

В книге В.М. Кабузана «Народы России в XVIII в.» сведения о численности населения по итогам трех первых ревизий представлены по 18 уездам Северо-Запада России [93]. Границы уездов, скорее всего, были даны по состоянию на XVI–XVII вв., и по ним были выполнены соответствующие расчеты. Используя ранее составленные карты Псковского региона и соседних территорий, в первую очередь, В.Л. Яниным [268], Б.Н. Харлашовым [255], В.А. Аракчеевым [15] и Я.Е. Водарским [40], с помощью программы Google Планета Земля Про была подсчитана площадь уездов. Расчеты показали, что наиболее крупными уездами в границах Псковской провинции были Псковский, Пусторжевский и Гдовский, а наименьшими размерами обладали Володимерецкий и Вревский уезды. В границах Великолукской провинции самым крупным был Великолукский уезд [93].

Большой прирост населения отмечался практически во всех уездах региона. Это объясняется наличием довольно значительных массивов удобной для земледелия земли. В данном отношении Псковский регион стоял на уровне наиболее обеспеченных земледельческими угодьями территорий Центрально-Промышленного района. По данным Генерального межевания, в Псковском регионе на каждую ревизскую душу (согласно итогам 3-й ревизии) приходилось

5,2 десятин пашенной и 6,2 десятин всей освоенной земли [93]. Одновременно в обеих провинциях Псковского региона наблюдались повышенные темпы естественного прироста, что являлось началом проявления «демографического взрыва».

Население в первой половине XVIII в. в Псковской губернии росло самыми высокими темпами в пределах Озерного края (северо-западных территорий России) – более 40 % между 1-й и 2-й ревизиями. Однако в последующие годы темпы роста населения заметно снизились, и Псковская губерния в этом плане уступила лидерство Санкт-Петербургской губернии. Несмотря на чрезмерно высокий удельный вес частновладельческого крестьянства, Псковская губерния обладала наиболее благоприятными природно-климатическими условиями во всем Озерном крае. Как и ранее, в отдельных уездах отмечался повышенный прирост населения (в Дубковском уезде – 31 %, во Вревском – 30,9 %, в Выборском – 29,5 %, а в Кобыльском уезде наблюдалась убыль на 0,5 %) [93].

Имеющаяся статистика позволяет рассчитать показатели ***плотности населения*** вышеупомянутых уездов Псковской губернии (Приложение 1). В регионе явно преобладало сельское население, доля городского населения была незначительна. Города и пригороды в XVIII в. находились в глубоком упадке. Большинство городов и пригородов мало отличалось от сельских поселений.

По результатам 1-й ревизии наибольшей плотностью населения характеризовались Володимерецкий и Воронечский уезды (более 10 чел. на кв. км). В Великолукской провинции в этом плане выделялся Великолукский уезд. Наименьшей плотностью населения обладали северные и южные уезды Псковской провинции, Холмский уезд Великолукской провинции. По результатам 3-й ревизии в лидерах оставались те же самые уезды. Низкую плотность южных уездов (Вышгородский, Красногородский и Опочецкий) можно объяснить их пограничным положением с Речью Посполитой. Эти территории часто в XVI–XVII вв. находились в зоне российско-польских военных конфликтов, что тормозило рост населения в этих уездах. Северные уезды (Гдовский и Кобыльский), помимо своих неблагоприятных природных условий, находились в

в зоне русско-шведского противостояния. Данный район граничил с Шведской Ингерманландией, но в результате Северной войны (1700–1721 гг.) этот регион вошел в состав России. Еще в конце XVI в. началось бегство православного населения (русских, карел, ижоры, води) с земель, занятых шведами. Отток населения достиг своего апогея в 1656–1658 гг., в период русско-шведской войны [261]. Предполагается, что население перемещалось из приграничных районов вглубь Псковского региона, что могло сказаться на повышенной плотности населения внутренних уездов.

Наиболее показательным с точки зрения динамики плотности населения является период между 1-й и 3-й ревизиями. Южная и центральная части Псковской провинции отличались наибольшим ростом плотности населения. Некоторые из этих территорий до 1772 г. были пограничными с Речью Посполитой, где были ужесточены условия жизни местного населения, что стимулировало миграции в сторону России. Северная война также коснулась территории Речи Посполитой, при этом сильнее всего пострадали пограничные с Псковским регионом Полоцкое и Витебское воеводства, откуда происходил отток населения [70]. Одновременно из России шел отток старообрядцев, бежавших за границу от преследований церкви и государства. Приграничные и центральные уезды Псковской губернии могли выступать в качестве плацдарма для их временного проживания с дальнейшим передвижением за границу. Северные уезды (особенно Гдовский и Кобыльский) отличались наименьшим ростом плотности населения. На демографических процессах в этих уездах оказывала влияние их близость к новой столице. Быстрое развитие С.-Петербурга требовало постоянного пополнения трудовых ресурсов.

В Витебском регионе наблюдались низкие темпы прироста населения в 60–70-е гг. XVIII в. (7,9 %). Перепись населения здесь проводилась в 1773 г., при этом основной прирост населения пришелся на 70-е гг. XVIII в. (1772–1782 гг.), т. е. на начальный период после включения этих территорий в состав Российской империи [93]. По расчетам В.М. Кабузана, в данном регионе с 3-й по 4-ю ревизию население могло вырасти на 16 %. Самый низкий прирост был зарегистрирован в

уездах, приграничных с Речью Посполитой и Лифляндией. В Дриссенском уезде отмечалась убыль в 7,5 %, в Режицком – на 1,5 %, в Динанбургском – прирост на 0,1 % [93].

В период между 3-й и 4-й ревизиями прирост населения в Псковской губернии, как и в Олонецкой, был самым низким в пределах Озерного края (17,5 %). Население из этих губерний переселялось в более развитые регионы, особенно в С.-Петербургскую губернию. Окраинные уезды, в т. ч. Лужский и Гдовский, отличались наименьшими показателями прироста населения на всей территории С.-Петербургской губернии. Уезды Псковской губернии характеризовались разнообразными показателями прироста населения. К примеру, северная часть губернии (Псковский, Печорский, Островский, Опочецкий и Порховский уезды) отличалась повышенными показателями прироста населения (от 23 до 33 %), а юго-восток – пониженными (в Торопецком уезде – 0,8 %, Холмском – 2,5 %, Великолукском – 7,3 %). Псковский регион оставался в лидерах по доле крепостного населения: 3-я ревизия – 74,9 %, 4-я – 70,9 %, 5-я – 67,4 % [93].

В первой половине XIX в. прирост населения в Псковской губернии стал минимальным в Озерном крае и одним из самых низких в России. Число жителей губернии выросло лишь на 12,6 %. Но в Витебской губернии этот показатель был еще ниже. Приток легальных переселенцев был невелик, но сохранялся значительный миграционный отток из Псковской губернии. Например, в 1846–1847 гг. из Псковской губернии в Курганский и Ишимский уезды Тобольской губернии убыло 15,2 тыс. государственных крестьян [96].

Учитывая тот факт, что Псковская губерния с 1772 по 1776 гг. включала пять провинций (Псковскую, Великолукскую, Витебскую, Полоцкую и Двинскую), которые в дальнейшем были разделены между Псковской и Витебской губерниями, была предпринята попытка сопоставления уездов этих провинций по площади и численности населения за разные годы. У В.М. Кабузана в издании «Народы России XVIII в.» [93] представлены сведения по численности

населения уездов и губерний, начиная с 3-й по 5-ю ревизии. При этом границы уездов рассматривались по состоянию на первую половину XIX в.

По имеющимся данным размеров площадей уездов, которые представлены в «Памятных книжках» [184–186], можно сделать расчеты плотности населения уездов (по картам на 1820 г.). В.М. Кабузан систематизировал сведения о численности населения по итогам 3-й ревизии по уездам по состоянию на XVII в. и на начало XIX в. Далее удалось подсчитать плотность населения уездов, применив при этом данные по их площади на середину XIX в. (из «Памятных книжек»). Численность населения Псковского уезда рассмотрена, включая данные о Печорском уезде (Приложение 2).

В 60-е гг. XVIII в. Псковский регион носил исключительно аграрный характер. Северная и восточная части региона отличались наименьшей плотностью населения. Данные территории характеризуются повышенной лесистостью и заболоченностью. Геополитические и социальные процессы, происходящие ранее на соседних территориях и в приграничье, могли стать следствием повышенной плотности расположенного в центре Псковского региона Новоржевского уезда. Уезды Витебского региона отличались высокой плотностью населения, особенно в этом плане выделялись Витебский и Лепельский уезды.

К 1862 г. плотность населения уездов Псковского и Витебского регионов претерпела некоторые изменения. Наиболее плотно заселенными стали Псковский, Динабургский и Витебский уезды. Эти уезды находились в зоне влияния крупнейших городов двух рассматриваемых регионов (Псков, Динабург и Витебск). Северные и юго-восточные уезды Псковского региона, как и ранее, характеризовались невысокой плотностью населения. Стали четко просматриваться в пространственном аспекте контрасты в плотности населения. Практически вся территория Псковской губернии с благоприятными природно-климатическими характеристиками характеризовалась повышенной плотностью населения (см. Приложение 2).

Высокий естественный прирост населения и миграционный приток повлияли на динамику населения в течение периодов между 3-й и 5-й ревизиями, а также между 5-й ревизией и 1862 г.. Шло активное переселение эстонцев и латышей в Псковский регион, особенно в его северные уезды. Островский и Опочецкий уезды оказались на пути передвижения старообрядцев в Латгалию, и часть из них осела в данных уездах. Кроме того, до 1772 г. оба эти уезда были приграничными с Речью Посполитой, и через них шло активное передвижение населения за рубеж, во-первых, со стороны России, связанное с усилением закрепощенности крестьян, рекрутскими наборами и др., во-вторых, со стороны Речи Посполитой, где наблюдались притеснения местного православного населения. Причем, даже после первого раздела Речи Посполитой эти миграции не прекратились.

Повышенный рост плотности населения Полоцкого уезда между 3-й и 5-й ревизиями можно объяснить тем, что Полоцк с 1776 по 1802 гг. был центром Полоцкой губернии и наместничества. Развитие Полоцка как губернского центра способствовало экономическому росту и культурному развитию города и его окрестностей [77].

Южные уезды Витебского региона (Динабургский, Дриссенский, Лепельский, Витебский, Суражский уезды) до третьего раздела Речи Посполитой (1793 г.) находились на пограничье с польско-литовским государством. Лепельский уезд только в 1793 г. вошел в состав Российской империи. Приграничное положение этих территорий сказывалось на низком приросте населения.

Во второй период (между 5-й ревизией и 1862 г.) по положительной динамике населения наиболее выделялись Динабургский и Порховский уезды. Рост населения стимулировался активным развитием Динабурга, который стал главным экономическим центром (наравне с Витебском) Витебской губернии. Динабургский уезд также оказался самым заселенным в Витебской губернии. Вместе с тем, в Латгалию продолжали переселяться старообрядцы, в особенности,

со стороны Пскова, Новгорода и Москвы. Большинство из них являлось «федосеевцами» [258]. Много старообрядцев осело также в Порховском уезде.

В 1791 г. по указу Екатерины II вся территория Витебского региона оказалась в пределах «черты оседлости» еврейского населения. Евреи проживали преимущественно в городских поселениях, т. к. им запрещалось заниматься сельским хозяйством. За счет быстрого развития городов отмечался существенный рост населения в Динанбургском, Витебском и Режицком уездах, в чем большую роль сыграли евреи, приглашенные из Прибалтики и Польши властью и отдельными феодалами [70]. В 1802 г. Витебск стал центром губернии, что отразилось на росте численности населения города и всего Витебского уезда.

События Отечественной войны 1812 г. отозвались «эхом» через полвека, т. е. к 1862 г., на динамике населения некоторых уездов Витебского региона (Дриссенский, Полоцкий, Себежский, Суражский и др.). Путь французских войск пролегал через эти земли, где происходили военные столкновения (например, в Полоцке, Клястицах и др.) (Приложение 3).

2.4. Трансформация этнической структуры населения

На протяжении большей части XVIII в. Псковский регион в этническом отношении был чисто «русским» регионом. При проведения первой ревизии доля русского населения в Псковском регионе составляла 99,2 %. В соседних Новгородской и С.-Петербургской губерниях, согласно данным М.В. Кабузана, доля была ниже (95 и 68,8 % соответственно). Это было связано с высокой долей в структуре населения в этих регионах других этнических групп. Так, в С.-Петербургской губернии отмечался повышенный процент финнов (20 %) [93], которые интенсивно заселяли Ингерманландскую землю еще в XVI–XVII вв. Переселения финнов начались после 1617 г., когда Ингерманландия отошла Швеции (по Столбовскому миру). Первоначально эти земли планировалось заселить немецкими и голландскими переселенцами, но из-за суровости климата и сложности обработки местных почв они здесь не прижились. Шведское

правительство было вынуждено заселить запустевшие земли финскими крестьянами. Основной поток из Финляндии пришелся на период после Кардисского договора 1661 г. [107; 261].

В Новгородской губернии (согласно данным М. В. Кабузана) компактно проживали карелы и вепсы. После 1617 г. карелы интенсивно переселялись с Карельского перешейка не только на Тверские земли, но и на Новгородчину. Два крупных переселенческих потока было направлено в сторону Валдая и Тихвина, что способствовало формированию слабовыраженных этноконтактных зон – ***Карело-Валдайской*** и ***Карело-Тихвинской***, которые в последующем полностью растворились [139].

В Псковском и Опочецком уездах, граничивших с Лифляндией и Инфляндией, проживало небольшое число эстонцев. Также в Островском и Псковском уездах проживали латыши. Эстонцы и латыши стали активно переселяться в Псковский регион лишь в XIX в., особенно ближе к концу столетия, что отразилось на этнической структуре населения приграничных территорий [93].

В Изборском уезде население было смешанным: русские, «чухны» (ныне сету) и латыши. В Островском и Вышгородском уездах проживали «латыши греческого вероисповедания», вероятно, потомки «латыголы» [200].

В Псковском регионе по результатам 3-й ревизии латыши составляли 0,06 % населения, а по 5-й – 0,07 %. Латыши проживали преимущественно в Псковском и Печорском уездах, в смежных районах с Лифляндией, куда активно переселялись также и эсты (эстонцы) [93]. Местные латыши были православными, что ускоряло процесс ассимиляции со стороны русского населения. Но этого нельзя сказать про местных эстов (собственно эстонцев и сету), переход к православию которых не приводил к их ассимиляции со стороны русских [52].

На территории Псковского, Гдовского и Опочецкого уездов в XIX в. сохранялись островки прибалтийско-финского населения, которые поддерживались притоком выходцев из Эстонии (Эстляндской и Лифляндской

губерний). К середине XIX в. численность эстонцев в Гдовском уезде достигла 2832 чел. П.И. Кеппенем была определена численность эстонцев в Псковской губернии примерно в 8 тыс. Сету, проживающие в западной части Псковского уезда, между Изборском и границей с Лифляндской губернией, насчитывали примерно 9 тыс. чел. Существуют версии о переселении эстонцев в XVI–XVII вв. в окрестные земли Псково-Печерского монастыря, а также в начале XVIII в. (особенно в годы Северной войны) в Гдовский уезд, где они приняли православие [52]. В окрестностях бывшего пригорода Красный в Опочецком уезде проживали так называемые «красногородские эстонцы», которые, вероятно, в XVII в. переселились с современной территории проживания сету. Существует версия, что эти эстонцы прибыли из Дерптского уезда. На протяжении трех ревизий численность ряда народностей не учитывалась, и можно предположить о более глубокой истории проживании эстонского населения в Псковском регионе. Тоже самое можно сказать о люцинских эстонцах, проживающих в то время в соседних Инфлянтах Польских [144]. Но известно, что в Псковской губернии проживало 2,3 тыс. иноземцев (в основном немцы и поляки), прибывшие из прибалтийских губерний, Польши и Литвы [200].

Себеж, Невель и Усвяты до 1772 г. находились в составе Речи Посполитой. Местная белорусская шляхта перешла в католицизм и ополячилась. Основная масса белорусского населения в 1595 г. перешла в Брестскую унию. Там же проживало много евреев, которые занимались в основном торговлей и ремеслами. После включения этих территорий в состав России, белорусы, являющиеся здесь коренным населением, после расторжения Брестской унии были возвращены в православие. Во второй половине XVIII в. в Невельский и Себежский уезды активно переселялись русские раскольники [200].

В Торопецком и Великолукском уездах, вблизи польской границы, находилось несколько деревень польской шляхты, выселившихся из Литвы и Белоруссии, численностью до 300 чел. Поляки вели крестьянский образ жизни, занимались земледелием и промыслами [200].

В первой половине XIX в. Псковский регион не характеризовался пестротой этнического состава. Псковская губерния во всем Озерном районе (Северо-Западе России) считалась самым «русским» регионом. Здесь доля русского населения превышала 98 %. Но на фоне XVIII в. доля русских снизилась, что объясняется усилением миграционного притока переселенцев (эстонцев и латышей) в Псковский, Островский и Опочецкий уезды. Латыши проживали в основном в Островском уезде.

В XVIII–XIX вв. шло интенсивное переселение эстонцев в Псковскую и С.-Петербургскую губернии. В пределах С.-Петербургской губернии они размещались первоначально в Гдовском уезде (2,66 %). Эстонцы проживали преимущественно в приграничных территориях с Прибалтикой. Общая доля эстонцев в Псковской губернии составляла чуть более 1 %. Здесь они проживали в основном в Псковском уезде. В XVIII в. (3-я и 4-я ревизии) доля эстонского населения в Псковском уезде составляла около 3,5 % (6,2 % согласно 8-й ревизии [94]), в Опочецком – 0,5 %. Сюда они прибывали из Дерптского уезда [93].

Карелы жили преимущественно в Лужском уезде С.-Петербургской губернии [142]. Здесь же проживала ижора (в северной части уезда).

В Великих Луках и в Великолукском уезде были зарегистрированы казаки, численностью примерно более 500 чел., предками которых являлись яицкие и донские казаки. В XVII в. они были переселены в разоренный край и получили землю на службу без права продажи [200].

Витебская губерния, в отличие от Псковской, характеризовалась значительной пестротой этнического состава. Основным населением здесь были белорусы (по 3-й ревизии – 73,6 %, по 5-й – 73,87 %, по 10-й – 61,93 %) [93; 94]. В состав Витебской губернии входила Латгалия (бывшее Инфлянтское воеводство), где основным населением были латыши (или латгальцы, отличаюшиеся от латышей католическим вероисповеданием). Это были территории Динанбургского, Режицкого и Люцинского уездов. Здесь же проживало много эстонцев. Во второй половине XIX в. их доля резко сократилась. Эстонцы расселялись среди преобладающего латышского населения,

подвергаясь быстрой ассимиляции [93; 94]. На территории современной Латгалии в то время проживало много русских-раскольников, белорусов и поляков. Поляков в остальной части Витебской губернии проживало немного (примерно 5 %), в Себежском уезде их было 14 %. Русские-раскольники в Витебской губернии по результатам 5-й ревизии составляли 3,79 %, 10-й – 5,47 % [94].

Во второй половине XVIII в. доля еврейского населения на территории Витебского региона была около 2 % [93]. До 20-х гг. XIX в. существовала сложность при учете евреев. Так, как показали итоги 7-й ревизии, еврейское население любыми путями пыталось уклониться от ревизского учета и последующего подушного обложения [92]. В первой половине XIX в. доля еврейского населения в губернии не превышала 8 % [94].

2.5. Трансформация конфессиональной структуры населения

К началу XIX в. конфессиональное пространство Псковской губернии было достаточно однородным. Православные составляли подавляющее большинство населения. К середине XIX в. доля приверженцев православия (включая единоверцев) в пределах всего региона исследования оставалась высокой, особенно в границах Псковской губернии. Православие исповедовали преимущественно представители трех главных ветвей восточных славян – великороссы, малороссы и белорусы. В Псковском уезде проживали представители народа сету (самоназвание «сето», раньше их называли «псковскими эстами» или «полуверцами»), которые, в отличие от эстонцев, в XVI в. приняли православную религию [153–155].

В трех южных уездах Псковского региона (Себежском, Невельском и Велижском), входивших вплоть до 1924 г. в состав Витебской губернии, доля православного населения была заметно ниже, что связано с высокой долей других конфессиональных групп (в частности, римско-католиков, иудеев, старообрядцев). Эти земли до 1772 г. находились в составе Речи Посполитой, чем и объясняется специфика конфессионального состава местного населения в XVIII

и XIX вв. По сути, это была территория контактной зоны двух культурных миров (русско-православного и польско-католического с заметным еврейско-иудейским компонентом), имеющих в то время как этническое, так и конфессиональное выражение. Еще одним значимым конфессиональным компонентом в пределах региона в XIX в. стали протестанты (преимущественно лютеране) – выходцы из Эстляндской и Лифляндской губерний.

Старообрядцы (раскольники) в уездах Псковской губернии составляли небольшой процент населения. Раскольники уходили на окраины России сразу после 1667 г., а с 1685 г., с момента введения суровых законов против них, началось их бегство за рубеж – в Речь Посполитую, шведскую Прибалтику и другие земли. Их маршрут пролегал через псковские земли, где оседали некоторые из них [124]. В большинстве случаев старообрядцы проживали в сельской местности. Наиболее высокой долей старообрядцев отличались три уезда – Опочецкий, Себежский и Невельский. В большинстве случаев повышенная доля старообрядцев объясняется фактором приграничности уездов, или же расположением последних в наиболее глухих уголках региона.

Первые сведения о появлении старообрядцев на территории Себежского и Невельского уездов относятся ко второй половине XVII в., а в XVIII в. шло интенсивное переселение их на эти территории. Многие старообрядцы были выходцами из Новгородской земли. Как правило, они уходили в польские владения, т. к. в то время поляки содействовали этому бегству, рассчитывая на них как на ярых врагов своего отечества [267]. В Невельском уезде в основном это были представители радикальной группы старообрядцев – федосеевцы [124]. Община Феодосия Васильева прожила в уезде примерно девять лет, но из-за грабежей польских солдат была вынуждена переселиться в Великолукский уезд (Вязовскую волость), затем на Ряпинскую мызу Юрьевского уезда. В 1719 г. община старообрядцев-федосеевцев была разогнана русскими солдатами, после чего они переселились в Речь Посполитую, Лифляндию, Курляндию и в Псковский регион [23]. Массовая эмиграция староверов в польско-литовское государство продолжалось на всем протяжении XVIII в. Переход границы обычно

проходил в спокойном режиме. Например, из приграничного Великолукского уезда этот процесс занимал день. Пограничный контроль был организован на низком уровне (заставы были небольшие и находились друг от друга на большом расстоянии). Миграционные потоки старообрядцев за рубеж в основном были направлены из Псковской, Великолукской и Новгородской провинций. Об этом упоминала Анна Ивановна в одном из своих указов в 1739 г. [114].

Основным оплотом раскольников служил посад Сольцы в Порховском уезде, где их численность преобладала над православными. В руках старообрядцев находилась льняная промышленность. Значительное число старообрядцев и единоверцев было сосредоточено также в Пихалинской волости Псковского уезда. Старообрядцы-беспоповцы проживали в Пикалихинской и Посадской волостях в западной части Псковского уезда, в Вязовской волости Великолукского уезда, Усохинской волости Опочецкого уезда, в Оршанской волости Новоржевского уезда, в Зезюлинской волости Холмского уезда, а также были разбросаны небольшими группами по всей губернии [200].

На территории Псковского региона также проживали приверженцы Римской католической церкви, среди которых было много поляков, литовцев, латгальцев и др. Повышенный удельный вес католиков в регионе объясняется его расположением в то время на рубеже с римско-католической частью Европы. До 1772 г. Псковская губерния граничила с польско-литовским государством, наследием которого являлось последующее сохранение в южных уездах региона соответствующей религии.

Последователи римско-католической церкви были наиболее многочисленны в городских поселениях. Католические храмы в то время были в Пскове, Великих Луках, Острове и Опочке. Также еще поляками в XVII в. (в период Речи Посполитой) были построены костелы в Себеже и Невеле [124]. В середине XIX в. доля римско-католиков была наиболее высока в трех южных уездах, входивших тогда в состав Витебской губернии. Здесь их доля была повышенной не только в городских, но и в сельских поселениях. Особенно высокая доля римско-католиков была зарегистрирована в Себежском уезде (свыше 13 %).

Среди нехристианских направлений в Псковском регионе наиболее широко был представлен иудаизм, который исповедовали евреи. Синагоги находились в Пскове, Острове, Опочке и Великих Луках (Псковская губерния), Невеле и Себеже (Витебская губерния, с 1924 г. – в Псковской губернии). Причем в двух последних городах евреи составляли значительную часть населения, что объясняется их вхождением до 1772 г. в состав Речи Посполитой, т. е. они находились в пределах уже отмеченной выше этнокультурной контактной зоны.

Наследием бывшей границы с Речью Посполитой стала узаконенная в Российской империи «черта оседлости» еврейского населения, в пределы которой вошла соседняя с Псковской Витебская губерния. В общем процентном соотношении на протяжении второй половины XIX в. Себежский, Невельский и Велижский уезды находились в лидерах по доле иудеев. Евреи жили практически замкнуто от другого населения, оставались приверженцами своей религии и почти не подвергались ассимиляции [143].

Среди протестантских течений на территории региона было наиболее распространено лютеранство, приверженцами которого являлись латыши, эстонцы, финны, немцы и др. Повышенная доля протестантов стала следствием положения Псковского региона на границе с лютеранской частью Прибалтики (бывшими шведскими владениями – Эстляндией и Лифляндией). До XIX в. в городах Псковской губернии было построено три лютеранские кирхи: две в Пскове (эстонская и немецкая) и одна в Опочке [124]. В конце XVIII в. лютеране в основном проживали в Псковском и Островском уездах [95].

В 1744 г. была составлена новая инструкция, предписывающая крестьян из Лифляндии, принявших православную веру, обратно не возвращать. Этим объясняется постоянное пополнение православными эстонцами сету («полуверцев») Псковского уезда Псковской губернии. Также «полуверцы» упоминаются в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии. В последующем сведения о проживании «полуверцев» на севере Псковского региона были очень скудными. Вероятно, они растворились в новой волне прибалтийских переселенцев, нахлынувшей уже в XIX в. [52; 144].

Выводы по 2 главе

Первоначально система расселения Псковского региона формировалась в прямой взаимосвязи с природными условиями данной территории. На трансформацию системы расселения и поселенческую структуру населения оказывали влияние частые войны, эпидемии и природные катаклизмы. Период XVIII – первой половины XIX вв. характеризуется неустойчивостью внешних и внутренних границ региона. Это было время реформ, преобразований всероссийского масштаба.

Вплоть до конца XVIII в. Псковский регион и соседние территории выступали в качестве зоны геополитических интересов нескольких государств, став ареной военных действий русских с литовцами, ливонцами, поляками и шведами, последствия которых можно было наблюдать долгое время. Приграничное положение региона сказывалось не только на частых военных столкновениях, наиболее заметно отражающихся на поселенческой структуре населения, но и на трансформации этнической и конфессиональной структур населения. Вместе с проникновением новых этнических групп в моноэтничную структуру населения Псковского региона стали проявляться и развиваться этноконтактные зоны.

В связи с историческими процессами, происходящих в соседних территориях на протяжении несколько веков, регион оказался на стыке пересечения трех конфессиональных плит: православной, католической и лютеранской. Псковский регион с момента включения его в состав Российского государства принял или же сам продуцировал несколько конфессиональных волн, каждая из которых была чаще всего связана с изменениями государственных границ. Так, например, с XVII в. Псковская земля стала участвовать в качестве транзитного региона в движении старообрядцев на запад (в Шведскую Лифляндию) и юго-запад (в Речь Посполитую). В конце XVIII в., после первого раздела Речи Посполитой, обозначилась католическая диффузия с юга (благодаря полякам, переселявшимся в города Псковской губернии).

ГЛАВА 3
ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПСКОВСКОГО РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

3.1. Источниковая база по изучению поселенческой и этноконфессиональной структуры населения во второй половине XIX – начале XX вв.

В XIX в. стали периодически выпускаться печатные издания, где содержались сведения о населении того или иного региона. Так, во многих губерниях Российской империи выпускались «Губернские ведомости», «Обзоры губерний» и др. издания. В период с 30-х гг. XIX в. и вплоть до 1917 г. в большинстве губерний и областей выпускались памятные книжки. Данные издания представляют наибольшую ценность с точки зрения накопления статистической информации за период второй половины XIX в. – начала XX в.

Памятные книжки традиционно включали четыре раздела: адрес-календарь, административный справочник, статистический обзор и научно-краеведческий сборник. В двух первых разделах давались сведения об административно-территориальном делении губернии, приводились списки населенных мест. Таблицы населения чаще всего включались в статистический раздел. Эти сведения придают памятным книжкам особую ценность при проведении историко-географических исследований. С их помощью можно достаточно полно представить картину жизни губернии, уезда, конкретного населенного пункта в определенном году [187]. По Псковской губернии памятные книжки издавались с 1850 по 1917 гг., по С.-Петербургской губернии, куда входили Гдовский и Лужский уезды – с 1835 по 1915 гг., по Витебской губернии, куда входили Себежский, Невельский и Велижский уезды – с 1861 по 1914 гг.

В 1861 г. в России было отменено крепостное право, и ревизии населения больше не проводилось, т. к. в них уже не было необходимости. В городах и

губерниях стали проводиться переписи населения, первоначально представляющие полицейские «народосчисления». Потом, особенно в С.-Петербурге и Москве, стали проводиться общенаучные переписи населения. В других регионах, в т. ч. в Псковской губернии, также проводились городские переписи.

В 1897 г., благодаря инициативе П.П. Семенова-Тян-Шанского, была проведена Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Она проходила одновременно по всей территории империи и по единой схеме. В переписной лист входили следующие пункты: пол, возраст, место прописки и постоянного места жительства, национальность, сословие, вероисповедание и др. Перепись продолжалась в течение трех месяцев. Ее итоги были опубликованы в 89 томах, издание которых растянулось до 1905 г. [190–192].

Благодаря итогам переписи 1897 г. можно оценить общую численность населения Российской империи и его размещение по различным регионам страны. Кроме того, был произведен сбор сведений по полу, возрасту, брачному состоянию, семейному положению, родному языку, грамотности, вероисповеданию, занятиям, дающим средства для существования, а также по отраслям народного хозяйства и др. В начале XX в. были предприняты две попытки проведения переписей населения (в 1910 г. и 1915 г.), но они закончились неудачей.

Результаты первой переписи населения наиболее часто вводят в научный оборот как одни из самых надежных источников статистических сведений по населению в дореволюционное время. Одним из недостатков переписи 1897 г. является выявление этнической принадлежности с помощью вопроса о родном языке, а также частично и вопроса о вероисповедании. Лингвистика в то время была развита довольно слабо, ряд языков именовали наречиями, наречия – языками. В итоге были выделены далеко не все этнические общности [28].

2 октября 1918 г. в Псковской губернии было создано губернское статистическое бюро, которое в 1926 г. было преобразовано в отдел. В дальнейшем подобные учреждения были организованы в уездах губернии [251].

В 1920 г., в разгар гражданской войны, была проведена перепись населения, охватившая 72 % населения страны. В дальнейшем, в 1923 г., был проведен сбор сведений о населении в городских поселениях, одновременно с переписью промышленных и торговых предприятий. Вторая по масштабности, и первая в Советском Союзе перепись населения прошла 17 декабря 1926 г. В переписной листок были включены следующие вопросы: пол, возраст, этническая принадлежность, родной язык, грамотность, место рождения, продолжительность проживания в месте переписи, наличие физических и психических заболеваний. Материалы по итогам этой переписи были опубликованы в 56 томах. Результаты переписи 1926 г. стали применяться при расчетах численности населения, уровня смертности, строились демографические прогнозы на последующие годы.

В соседних прибалтийских государствах, куда вошли западные окраины Псковского и Островского уезда в 1920 г., также проводились переписи населения, результаты которых могут быть применены для оценки численности и состава населения республик. В период 1920–1940 гг. в Латвии было проведено четыре переписи – в 1920, 1925, 1930 и 1935 гг., в Эстонии – в 1922 и 1934 гг.

3.2. Геодинамика политических и административных границ

Вторая половина XIX в. характеризовалась устойчивостью административно-территориального деления Псковского региона. После 1917 г., одновременно с различными общегосударственными преобразованиями, проводились и административно-территориальные реформы. Весной 1917 г. в ходе «областной реформы», была образована Северная область с центром в Петрограде. В состав области были включены восемь губерний, в т. ч. Псковская и С.-Петербургская губернии. Губернии продолжали существовать в составе единой области.

В 1920 г. последовало изменение внешних границ. Прибалтийские республики после Октябрьской революции 1917 г. были провозглашены советскими республиками. Однако в результате Первой мировой войны и

гражданских войн советская власть там была свергнута. В 1920 г. Советской Россией были подписаны два мирных договора с соседними республиками – Тартуский (с Эстонией), Рижский (с Латвией). Таким образом, Псковская губерния вновь стала приграничной, что также сказалось на трансформации структуры населения.

По результатам Тартуского договора западная часть Псковского уезда, населенная преимущественно русскими и сету, отошла к Эстонии и стала называться уездом Петсеримаа (также Сетумаа, Печорский уезд). Согласно Рижскому договору западная часть Островского уезда с преимущественно русским населением отошла Латвии. С 1920 по 1925 гг. эта территория вошла в состав Лудзенского (бывшего Люцинского) уезда. В 1925 г. из северной части уезда был образован Яунлатгальский уезд с центром в Яунлатгале (до 1925 г. – Пыталово, с 1938 г. – Абрене). Территории, отошедшие в 1920 г. к Латвии, находились в составе данного уезда и составили его основу. Это были следующие волости: Аугшпилсская (до 1925 г. Вышгородская), Гаурская (Гавровская), Каценская (Качановская), Линавская (до 1925 г. Толковская) и Пурвмальская (до 1925 г. Боковская). В 1923 г. из Эстонии была передана Латвии часть Лавровской волости Печорского уезда, 1 июня 1924 г. произошло объединение новоприсоединенной территории с Калнапедсзкой волостью, и была образована Педедзеская волость [287; 288; 290]. Население Педедзеской волости составляло и продолжает составлять преимущественно русское население [196; 197].

В Псковской губернии до 1924 г. сохранялось восемь уездов: Псковский, Островский, Опочецкий, Порховский, Новоржевский, Великолукский, Холмский и Торопецкий. В пределах С.-Петербургской (с 1918 г. Петроградской) губернии свои границы сохраняли Лужский и Гдовский уезды. В 1924 г. произошли очередные серьезные изменения в административно-территориальном устройстве Псковской губернии. Была упразднена Витебская губерния, из ее состава три уезда (Себежский, Невельский и Велижский) были переданы Псковской губернии. Одновременно внутри уездов происходило укрупнение волостей и велась работа по внедрению новых административно-территориальных единиц. В

1927 г. Псковская губерния была упразднена и ее территория вошла в состав Ленинградской области [2]. На этом завершилась губернская эпоха Псковского региона.

3.3. Геодинамика численности населения

Численность населения Псковского региона, включая Лужский и Гдовский уезды С.-Петербургской губернии, Велижский, Невельский и Себежский уезды Витебской губернии, в 1862 г. составляла 1066,5 тыс. чел., в т. ч. 93,4 % проживало в сельской местности. Вторая половина XIX в. характеризовалась значительным ростом численности населения Псковского региона. Регион, начиная с 1860-х гг., начал испытывать «демографический взрыв». Особенно он коснулся сельского населения, где сохранялась традиция многодетности. Это было характерно в основном для аграрных губерний, к которым относилась и Псковская губерния вместе со смежными уездами соседних губерний.

В 1859–1862 гг. была построена первая железная дорога в регионе (С.-Петербург – Варшава). Это событие, а также отмена крепостного права в 1861 г., позитивно отразились на общей экономической и демографической ситуации в Псковском регионе [124; 119]. Строительство железных дорог в регионе продолжалось и в дальнейшем (Псков – Рига в 1886–1888 гг., Бологое – Псков в 1894–1897 гг., С.-Петербург – Витебск в 1898–1904 гг., Москва – Виндава в 1897–1901 гг.). Это создавало условия для возникновения новых поселений. По мере развития индустрии строились новые фабрики, заводы, при которых также появлялись новые рабочие поселки.

Согласно результатам переписи населения 1897 г. в Псковском регионе проживало 1703,9 тыс. чел. (прирост с 1862 г. составил 637,4 тыс. чел.) [190–192]. В последующие годы на общую демографическую ситуацию повлияли события Первой мировой войны, революции и гражданской войны. В 1919–1920 гг., вследствие войны и ряда лет разрухи, население региона оказалось подверженным эпидемиям сыпного тифа и других болезней. Естественный

прирост населения в это время был минимальным, но в последующие годы демографическая обстановка изменилась [210].

Результаты переписи 1926 г. свидетельствуют, что регион сумел восстановить свой дореволюционный демографический потенциал. И это несмотря на то, что Псковская губерния в 1920 г. потеряла часть Псковского и Островского уездов, перешедших в состав Эстонии и Латвии. Но, в компенсацию этих потерь, в 1924 г. к Псковской губернии были присоединены Велижский, Себежский и Невельский уезды упраздненной Витебской губернии [2]. Регион в 1926 г. насчитывал 2115,1 тыс. жителей, т. е. по сравнению с 1862 г. был отмечен двукратный рост численности населения. Доля сельского населения в пределах Псковского региона начала уменьшаться, составив в 1926 г. 91,5 %. (рис. 1) [47].

Рисунок 1 – Численность населения Псковского региона в 1862, 1897 и 1926 гг. (составлено по источникам: [46; 47; 184–186; 190–192])

3.4. Трансформация поселенческой структуры сельского населения

Псковский регион относится к старозаселенным территориям страны, поэтому внутрирегиональные различия в сельском расселении на протяжении длительного времени были не столь значительны, как в других частях страны, но и они существовали. Это можно проследить по показателям плотности сельского населения и густоты сельских населенных пунктов на уездном уровне. Наиболее плотно в регионе была всегда заселена Великорецкая низменность, будучи территорией, наиболее благоприятной для развития сельского хозяйства. Кроме того, здесь проходили многие главные сухопутные и железнодорожные магистрали. Но к концу XIX в. сельское население уже начало концентрироваться вблизи двух главных городов губернии – Пскова и Великих Лук [124].

В.П. Семенов-Тян-Шанский при районировании территории Российской империи выделял 6 типов заселения Европейской равнины. Псковский регион был отнесен к Центральному и Северо-Западному водораздельному типу (моренный подтип) [65; 227].

На протяжении всего рассматриваемого периода (с 1862 по 1926 гг.) в регионе выделялась средняя часть региона с повышенной плотностью населения. Северная часть региона (Гдовский и Лужский уезды) и его юго-восточная окраина (Холмский и Торопецкий уезды) характеризовались наиболее низкой плотностью сельского населения, на чем сказывались физико-географические особенности территории.

В период с 1862 по 1897 гг. практически во всех уездах региона был отмечен существенный рост плотности населения. На этом фоне особенно выделялись Островский и Псковский уезды, а также южные уезды региона (Себежский, Невельский и Велижский). В межпереписной период с 1897 по 1926 гг. уже не наблюдалось постоянства в динамике населения отмеченных уездов. В связи с относительной удаленностью от арены боевых действий в годы Первой мировой и гражданской войн и быстрым развитием Великих Лук, юго-

восточная часть региона (Великолукский, Торопецкий и Велижский уезды) вышла в лидеры по плотности сельского населения (Приложение 4).

Другой важной характеристикой сельского расселения является ***густота сельских поселений***, т. е. их количество на 100 кв. км. Наибольшей густотой сельских поселений, вместе с высокой плотностью сельского населения, характеризовалась опять же Великорецкая низменность. Здесь среди сельских поселений была высока доля хуторов, на что, вместе с природно-климатическими факторами, повлияло соседство с прибалтийскими губерниями, где уже тогда сложилась хуторская система расселения. В этом плане наиболее выделялись Псковский, Островский, Опочецкий и Новоржевский уезды.

Наименьшей густотой сельских населенных пунктов отличались северные уезды (Гдовский и Лужский) и юго-восточная часть региона. Ключевую роль в размещении сельских поселений здесь сыграл природный фактор. Северная часть региона, располагаясь в подзоне южной тайги, характеризуется повышенной лесистостью и заболоченностью, восточная и юго-восточная части – повышенной заболоченностью.

Хуторское землепользование получило распространение при проведении Столыпинской аграрной реформы. По данным переписи 1916 г. наиболее число хозяйств хуторского типа наблюдалось в северных и северо-западных губерниях Российской империи, куда относилась и Псковская губерния. Рост доли хуторов отмечался также в первые годы Советской власти. Крестьяне все чаще стремились создавать единоличные хозяйства, с приспособлением к естественно-географическим условиям территории, с одновременным улучшением своего экономического положения. Также сказывалось пограничное положение Псковского региона, а точнее соседство с прибалтийскими губерниями, где хуторский тип расселения являлся традиционным [115].

Столыпинская реформа была направлена на превращение крестьян в собственников своих земельных наделов. Крестьяне имели право свободного выхода из сельской общины. Процесс образования хуторов на территории Псковского региона облегчался благодаря уже сложившейся мелкоселенной

системе расселения. В начале XX в. псковские крестьяне видели преимущество в этой системе.

Одновременно решалась проблема перенаселенности деревни, аграрная реформа предусматривала переселение крестьян в слабозаселенные и незаселенные земли империи, в частности в Сибирь. В Псковской губернии вопрос перенаселенности решался путем развития местных и отхожих промыслов. Тем не менее, псковские крестьяне участвовали в общем процессе переселения в Иркутскую, Тобольскую, Томскую, Енисейскую губернии, Акмолинскую и Приморскую области [1].

Динамика густоты сельских поселений является отражением изменения общего количества сельских населенных пунктов. Можно проследить основные территориальные закономерности в динамике густоты сельских поселений в течение двух периодов – с 1862 по 1897 гг. и с 1897 по 1926 гг. В первый период наиболее высокий рост густоты поселений был отмечен в Гдовском и Лужском уездах. Одной из причин этого стало переселение сюда крестьян из соседней Прибалтики, причем основная часть притока пришлась на вторую половину XIX в. Создание новых сельских поселений стало также следствием активного железнодорожного строительства и отмены крепостного права в 1861 г. Создание крестьянами многочисленных малодворных населенных пунктов на помещичьих землях было свойственно для первого периода. Более динамичный рост густоты поселений был характерен для второго периода. В особенности в этом плане выделялись названные выше северные уезды, а также Порховский, Великолукский и Торопецкий уезды. Именно на этот период приходится действие Столыпинской реформы.

Псковская губерния уже в 1897 г. являлась лидером по густоте сельских поселений не только в Озерной области, но и в целом по стране. Но именно поэтому рост данного показателя на фоне других губерний был не столь заметен, хотя к 1926 г. в регионе и появилось много новых поселений (Приложение 5) [47].

Изменение численности сельского населения и количества сельских населенных пунктов отражались на динамике ***средней людности сельских поселений***.

Сельские поселения с наибольшей средней людностью в 1862 г. находились в северной части региона (Гдовский и Лужский уезды). В остальных уездах средняя людность сельских поселений была небольшой. Чаще всего низкая средняя людность сельских населенных пунктов отмечалась в уездах, где был повышенным показатель густоты сельских поселений. К 1926 г. в число лидеров по средней людности сельских поселений вышли Велижский, Порховский и Псковский уезды.

Данный показатель наиболее динамично рос в период с 1862 по 1897 гг. Это стало следствием значительного увеличения численности сельского населения, вызванного началом «демографического взрыва», что было связано также и с социально-экономическими преобразованиями в регионе. Во втором временном интервале (1897–1926 гг.) не было столь динамичного роста этого показателя. К 1926 г. повышенной средней людностью сельских поселений стал выделяться Псковский уезд. Вероятнее всего, на положительную динамику людности поселений уезда сказалось наличие в нем губернского центра. В остальных уездах произошло уменьшение средней людности сельских поселений, за исключением Велижского уезда. Причем данный уезд стал лидировать в этом плане в пределах всего Псковского региона (Приложение 6).

В 1920 г. западные части Псковского и Островского уездов были переданы в состав прибалтийских республик. В этот период в них отмечались сдвиги в трансформации расселения. В начале 1920-х гг. в Эстонии и Латвии проводились аграрные реформы (в Латвии повторные реформы с середины 1930-х гг.). В результате этого деревенская система с земельными переделами и помещичьими угодьями была ликвидирована. Хуторская модель явилась основной для изменения поселенческой структуры населения только что присоединенных территорий. Эта модель издавна сложилась в Латвии и Эстонии, где поселение представляло собой сумму разбросанных по частновладельческим участкам

отдельных усадеб. Это прививало некоторую ценность для аграрного прибалтийского сообщества [180].

С установлением советской власти политика по отношению к мелкоселенной, хуторской системе расселения была неоднозначной. С одной стороны, правительство не создавало препятствий для организации новых хуторов, с другой стороны, стимулировалось возникновение коллективных хозяйств, которые могли рассчитывать на любую поддержку. В 1924 г. Наркомзем РСФСР дал установку регионам на сокращение дальнейшего распространения хуторских хозяйств. Для хуторов выделялись преимущественно неудобные земли. В последующие годы эта политика активизировалась. На рубеже 1920–30-х гг. развернулась сплошная коллективизация, что способствовало формированию единых массивов земель, объединяемых в колхозы. Многие жители хуторов не препятствовали этой политике и охотно вступали в колхозы, иногда оставаясь проживать на прежних местах, другие переселялись в колхозные поселки. Можно говорить о постепенной трансформации системы расселения, ведущей к сокращению мелких СНП и укрупнению колхозных поселков, многие из которых выступали в качестве центров сельсоветов [113; 115].

Можно предположить, что на рубеж 1920–30-х гг. приходиться как раз пик численности сельских населенных пунктов в Псковском регионе.

Изначально почти повсеместно возникла следующая пространственно-организационная схема коллективизации: «одна деревня – один колхоз» (в более крупных деревнях – 2 и более колхозов), включая ближайшие поселения (хутора, выселки, заимки) [65].

Вопрос о стягивании хуторян в колхозные поселки был поддержан на высшем уровне в 1935 г. Инициатором этого процесса тогда являлась Калининская область (в ее состав входила южная часть современной Псковской области), где мелкоселенная система расселения создавала проблемы для организации колхозных хозяйств. Стали возникать планы по возведению новых поселков для переселенцев. Незамедлительно появились первые схемы сселения хуторов в районах Псковского округа Ленинградской области. В первую очередь,

это коснулось северных территорий (Гдовского, Стругокрасненского, Новосельского, Лядского, Полновского районов).

Также необходимо вспомнить о повышенной концентрации в вышеперечисленных районах эстонцев и латышей, которые на неудобных землях создавали хутора в досоветское время. Потребности в строительных материалах, нежелание покидать насиженные земли тормозило этот процесс, поэтому в 1935–1936 гг. темпы сселения были невысокими. В дальнейшем, в т. ч. в других районах, процесс по сселению в колхозные поселки усилился.

27 мая 1939 г. было предложено «ликвидировать расположенные в общественных полях колхозов хуторские приусадебные участки колхозников и сселить их к одному месту, наделив их приусадебными участками в местах сселения по уставным нормам». Этот шаг значительно ускорил ликвидацию хуторского хозяйства. К примеру, по Псковскому округу было разобрано 85 % хуторов (9356 из 11042). К 1940 г. эта работа была практически выполнена. За неповиновение к населению применялись административные наказания. В начале 1939 г. в пределах Псковского округа возникло 158 новых поселков, где расположилась вся необходимая инфраструктура. Тем не менее, в предвоенные годы мероприятия по сселению хуторов не были завершены [1; 113]. В последующие годы пространственно-организационная схема коллективизации стала трансформироваться. Причиной послужила сложность в управлении огромным количеством мелких колхозов [65].

3.5. Трансформация поселенческой структуры городского населения

Городские поселения Псковского региона имеют достаточно богатую историю. Часть поселений было основано до XVIII в. (Псков, Великие Луки, Порхов, Себеж и др.). Эти города прошли испытание временем, заполненному кризисами, войнами, эпидемиями и др. и могли по праву называться городами. На судьбу этих городов также наложилось приграничное положение территории. Поселения создавались зачастую как опорные пункты-крепости, многие из

которых были «пригородами» Пскова. Большинство из них к XVIII в. утратило свое оборонно-стратегическое значение и не вписывалось в новые реалии жизни, что предрекло им близящийся упадок.

В течение XVIII в. часть бывших «пригородов» в результате административно-территориальных реформ второй половины XVIII в. приобрели статус города. При этом тогда не существовало четких критериев и положений по наделению статуса города того или иного поселения. Екатерина II в ходе административной реформы провела тотальный пересмотр всех городских поселений, многие из них были разжалованы в сельские населенные пункты. Некоторые из городов существовали с эпохи средневековья (Остров, Печоры, Велиж и др.), но соответствующий статус получили лишь в 1770–80-е гг., с одновременным наделением их статусом уездного центра. Но целый ряд поселений (в т. ч. также бывшие «пригороды» Пскова), оказавшихся в стороне от транспортных магистралей, не могли рассчитывать на дальнейшее развитие, превратившись со временем в опустевшие городища. В итоге в конце XVIII в. больше половины вновь созданных городов не соответствовало городским критериям, основная часть их населения была занята в сельском хозяйстве. До второй половины XIX в. аграрная экономика была предопределяющей [163].

С конца XIX в., с усилившейся индустриализацией в стране, появление городов было обязано развитию и строительству железных дорог, предприятий (фабрик, заводов), которые служили в качестве градообразующих предприятий. Новые предприятия служили также в качестве «подпитки» уже существующих к тому времени городов, придавая им «второе дыхание». Развитие транспортной инфраструктуры ускорило взаимообмен между селом и городом, а также между городами, повлияв на миграционные процессы. Строительство железных дорог послужило ключевым фактором для приобретения статуса города поселениями Дно, Новосокольники, Пустошка.

В качестве городских поселений в конце XIX в. – первой трети XX в. могли выступать: города (уездные, безуездные, губернские, заштатные), пригороды, посады, местечки и др. Согласно результатам переписи населения 1897 г. в

губернском центре Пскове проживало 30,5 тыс. чел., т. е. примерно столько же, сколько было три-четыре столетия назад. Вторым по величине городом губернии являлись Великие Луки с населением 8,5 тыс. чел. За пределами Псковской губернии, но в пределах региона исследования, по численности населения выделялся Невель, который в то время был уездным центром Витебской губернии.

Доля городского населения Псковской губернии на рубеже XIX–XX вв. составляла около 7 %, что было в 4 раза ниже показателя XVI–XVII вв. Это было связано с низким уровнем развития промышленности, а также с демографическим взрывом, который во второй половине XIX в. привел к бурному росту сельского населения губернии [124]. Рост численности городского населения, даже несмотря на демографический взрыв, запаздывал по сравнению с сельским населением. Но многочисленное сельское население стало «платформой» для последующего роста городов. С отменой крепостного права население стало более мобильным, все больше крестьянского населения предпочитало уезжать в города на заработки.

В XIX в. на развитие городов стало влиять их экономико-географическое положение. Его роль возросла после строительства железных дорог в регионе. Псков и Остров, расположенные на железной дороге С.-Петербург – Варшава, стали крупнейшими центрами экспорта льна, на выращивании которого в то время специализировалась Псковская губерния. Строительство новых железных дорог способствовало росту численности населения городов и других городских поселений. Особенно это отразилось на динамике роста численности населения в городских поселениях в период с 1862 по 1897 гг. Лужский, Островский и Опочецкий уезды были лидерами по динамике роста численности и доли городского населения. Географическое положение вблизи железной дороги или почтового тракта способствовало развитию территорий.

В.П. Семенов-Тян-Шанский, в соответствии с итогами Первой всеобщей переписи населения 1897 г., предложил три шкалы для классификации городских поселений. Согласно первой классификации (по людности) выделялись

следующие городские поселения: 1) свыше 1 млн чел. – столичные города; 2) 100–1000 тыс. чел. – крупные города; 3) 40–100 тыс. чел. – большие города; 4) 10–40 тыс. чел. – средние города; 5) 5–10 тыс. чел. – мелкие города; 6) 1–5 тыс. чел. – городки.

В Псковском регионе по итогам переписи 1897 г. крупнейшим городом являлся Псков с населением свыше 30 тыс. чел., что соответствует категории средних городов. Лишь в 1926 г. его население превысило 40 тыс. чел., что по классификации В.П. Семенова-Тян-Шанского подняло его до категории больших городов. Также к категории средних городов к концу XIX в. относился город Велиж Витебской губернии с населением более 12 тыс. чел. Остальные города, согласно классификации В.П. Семенова-Тян-Шанского, относились к мелким городам и «городкам» [65; 227].

С 1897 по 1926 гг. лидерами по темпам роста численности городского населения являлись Лужский и Великолукский уезды. Значительный рост численности городского населения в Лужском уезде обеспечило появление новых рабочих поселков в период с 1925 по 1927 гг. (Струги Красные, Толмачево, Торковичи). Развитию поселков Толмачево и Струги Красные способствовало расположение на железной дороге. В Торковичах в 1870 г. был построен стекольный завод, притягивающий трудовые ресурсы. В этот же период произошло значительное увеличение численности населения Великих Лук (с 8466 по 20834 чел.). Роль города возросла в годы Первой мировой и гражданской войн. Вместе с тем, в городе происходил ускоренный рост промышленного производства (в первую очередь, благодаря строительству Великолукского паровозовагоноремонтного завода в 1901 г.).

В конце XIX – начале XX вв. продолжалось строительство железных дорог, которые связали Псковскую губернию с прибалтийским морскими портами и двумя российскими столицами – С.-Петербургом и Москвой. На железных дорогах возникали новые поселения. В 1925 г. городской статус получили Пустошка, Новосокольники и Дно. В Дно и Новосокольниках, являвшихся

узловыми станциями, были построены локомотивные депо. Население этих городов с начала XX в. по 1926 г. росло достаточно высокими темпами.

Население Пскова в начале Первой мировой войны составляло 34 тыс. чел. В 1915 г. здесь размещался штаб Северного фронта. К началу 1917 г. псковский гарнизон насчитывал 30 тыс. чел., благодаря чему численность населения города достигла 60 тыс. чел. Предполагается, что во время наступления немцев в городе могло проживать до 90 тыс. чел., что было связано с волной беженцев из Прибалтики и Польши [251].

Согласно итогам переписи 1920 г. в Пскове насчитывалось 31659 чел. Тогда же доля городского населения в Псковской губернии составляла 6,5 % [124]. По результатам переписи 1926 г. в Пскове проживало 43828 чел. Город Печоры (Петсери) с 1920 г. входил в состав Эстонии. С 1897 г. по 1922 г. население Печор выросло почти в 1,6 раза. Рост населения в городах был обеспечен не только естественным приростом, но и следствием демобилизации армии, развитием промышленности, торговли в условиях НЭПа, а также возвращением городского населения из деревень, куда их заставил уехать продовольственный кризис во время гражданской войны (Приложение 7 и 8) [251].

3.6. Трансформация этнической структуры населения

На протяжении почти всего исследуемого временного интервала население Псковской губернии можно рассматривать как мононациональное, т. к. подавляющую долю в нем составляли русские. Но были периоды, когда их доля уменьшалась вследствие миграции нерусского населения и присоединения других территорий со смешанным национальным составом жителей (например, трех уездов бывшей Витебской губернии в 1924 г.) [124].

В середине XIX в. русское население в Псковской губернии составляло более 98 %. Ближе к концу XIX в. доля русского населения в губернии уменьшилась до 97,5 % в 1883 г. и до 94,7 % в 1897 г. По результатам переписи 1897 г., доля русского населения была наименьшей в Псковском, Холмском и

Торопецком уездах [190]. Уменьшение доли русского населения было связано, в первую очередь, с миграцией в губернию эстонского и латышского населения [124].

Во второй половине XIX в. из прибалтийских губерний шло активное переселение крестьян в Псковскую, Новгородскую и Петербургскую губернии. Причиной переселения крестьян являлось высокая арендная плата за землю в Эстляндии, чрезмерная эксплуатация помещиками крестьян, недостаток свободной удобной земли. А в пределах вышеупомянутых губерний было много неиспользуемых территорий, которые местные помещики стремились эксплуатировать путем привлечения рабочей силы из Прибалтики [175].

Схожая ситуация в XIX в. сложилась с переселением латышей из Лифляндской губернии. Они также были вынуждены переселяться в Псковскую, Петербургскую и Новгородскую губернии. Земли, где селились латышские переселенцы, представляли в основном непроходимые лесные угодья, лесные вырубки и болота. По сути, латышское население в сельской местности было распространено в пределах тех же территорий, где и эстонцы. Латыши проживали преимущественно на хуторах [131].

Данные национальные группы переселялись преимущественно на территорию Холмского и Торопецкого уездов Псковской губернии, Гдовского и Лужского уездов С.-Петербургской губернии. В тех же уездах также отмечалась высокая доля финского населения. Во всех остальных уездах их доля была незначительной.

В 1880–1890 гг. в северных и юго-восточных уездах образовался своеобразный тип бродячего земледельца-арендатора из латышей и эстонцев – «островня и чухны», – ищущего, куда направиться, чтобы прокормиться. Это продвижение колонистов, усилившегося в результате столыпинских реформ 1906–1916 гг., шло на восток вплоть до Сибири [200].

Эстонское население тогда рассматривалось вместе с сету (т. н. «православными эстами»), проживающими ныне в Печорском районе и соседних территориях Эстонии. В середине XIX в., по оценке некоторых исследователей,

их численность составляла 9 тыс. чел. (1,3 % от всего населения Псковской губернии) [124].

Латышское население было сконцентрировано в Псковском и Островском уездах [190]. После отмены крепостного права, в 1870-е гг. в Сетумаа (западная часть Псковского уезда) стали переселяться латыши и эстонцы, которым псковские помещики распродавали наиболее неудобные земли, тогда стали появляться хутора. Хутора богатых русских и сету появлялись лишь в 1920-е гг. [139].

В Пскове латыши православного вероисповедания составляли отельный Георгиевский приход, численностью примерно тысяча человек. Большинство латышей являлось лютеранами. Многие из них, начавшие переселяться в середине XIX в., были выходцами из Валкского уезда Лифляндской губернии. Больше 1700 латышей проживало в Столбовском сельском обществе Паниковской волости Псковского уезда вместе с эстонцами. На границе с Витебской губернии в Островском уезде, на р. Кухва были зафиксированы латгалы (инфлянты-католики) [200].

По результатам 10-й ревизии доля эстонцев в Псковской губернии составляла 1,36 %, а в 1897 г. – 2,28 %. В Псковском уезде их доля была 7,82 % (1897 г.). В соседнем с Псковской губернией Гдовском уезде С.-Петербургской губернии их доля составляла 10,49 % в 1897 г. [94; 192]. Доля эстонцев была также была повышена в Лужском уезде С.-Петербургской губернии. Кроме того, на данной территории компактно проживали финны и поляки, немцы и ижорцы [149; 192]. Финны, в отличие от соседней С.-Петербургской губернии, в Псковской губернии составляли невысокий процент в населении. Их доля была несколько повышена только в Холмской и Торопецком уездах.

По результатам переписи населения 1897 г. городские поселения Псковской губернии характеризовались заметно большим разнообразием этнического состава населения. В городских поселениях проживало около половины немцев (47,1 %), более половины евреев и поляков (56,4 % и 63,5 % соответственно) [190].

Остальные территории, которые ныне входят в состав Псковской области, в то время были этнически неоднородными. В Велижском и Невельском уездах преобладали белорусы. При этом в Себежском уезде доля русских и белорусов была примерно одинаковой. В этих уездах был также высок процент еврейского населения. В Велижском уезде была повышена доля латышей, в Себежском уезде – поляков [149; 191]. При этом в Себежском уезде доля поляков еще в начале XIX в. достигала 14 % [94]. Польское население, если брать соседние губернии, концентрировалось в Витебской, Курляндской и Смоленской губерниях, что объясняется их нахождением в прошлом в составе Речи Посполитой. Вследствие миграций поляков их повышенная доля отмечалась в городах, в особенности в губернских центрах (в т. ч. в Пскове) [139].

Велижский уезд заселяли так называемые латыши-колонисты, частью которых являлись латгальцы. В 1925 г. численность латышей составляла 1600 чел. Большинство из них являлись крестьянами. Самая большая колония была организована в Ново-Адамово Усвятской волости, где их насчитывалось 80 чел., другая латышская колония Софьянка насчитывала 150 чел. Существовали колонии и в других волостях Велижского уезда (Ильинской, Велижской). Латгальцы, проживающие в Усвятской волости, прибыли из Двинского уезда в конце XIX в., спасаясь от малоземелья и безземелья. Селились они в нескольких деревнях с несколькими сотнями жителей, окруженные лесами и болотами [235].

В 1920 г. западные части Псковского и Островского уездов были переданы в состав Латвии и Эстонии. На этих территориях была повышена доля нерусского населения: здесь компактно проживали сету, эстонцы и латыши. Так как эти территории оказались вне Псковской губернии, в ее новых границах резко увеличилась доля русского населения.

Так, без учета новых уездов, переданных из упраздненной Витебской губернии, доля русских в Псковской губернии в 1926 г. составляла 96,6 %. Однако вследствие расширения границ Псковской губернии за счет Себежского, Невельского и Велижского уездов доля русских в ней уменьшилась до 88,6 % [124].

В результате изменения границ к 1926 г. доля латышей в Островском уезде уменьшилась с 1,81 % до 0,30 %, доля эстонцев в Псковском уезде – с 7,82 % до 0,80 % [47]. Эстонское население в Псковской губернии было наиболее многочисленным в Торопецком, Холмском и Великолукском уездах [47]. Также выросла доля эстонцев в Гдовском и Лужском уездах С.-Петербургской губернии [149].

Благодаря трем новым уездам Псковской губернии, переданных в 1924 г. из Витебской губернии, в национальном составе населения губернии в новых границах увеличилась доля белорусов и евреев. В статистике XIX – начала XX вв. белорусов причисляли к русскому населению, куда также входили малороссы и великороссы. То же касается итогов переписи населения 1897 г., где по некоторым губерниям великороссы рассматривались вместе с малороссами и белорусами. Различие между тремя славянскими народами можно примерно проследить по их преимущественной языковой принадлежности. С 1897 по 1926 гг. доля белорусского населения в трех южных уездах бывшей Витебской губернии сократилась почти вдвое. Изменение границ способствовало ассимиляции белорусов на российской территории и частично их миграции вглубь Белорусской ССР.

Еврейское население в XIX в. было сконцентрировано в пределах так называемой «черты оседлости», куда входила соседняя с Псковской Витебская губерния. Еврейское население в качестве родного языка признавало или немецкий, или русский язык, поэтому более точную оценку их численности можно дать, если обратиться к статистике по вероисповеданию населения (Приложения 9, 10 и 11).

3.7. Геодинамика этноконтактных зон

Латгальская ЭКЗ наиболее ярко проявляется в северо-западной части Витебской губернии в 1897 г. Основным этническим компонентом ЭКЗ в конце XIX в. являлись латыши-католики (латгальцы). Помимо них здесь была

повышенная доля великороссов, белорусов, поляков и евреев. В трех уездах Латгалии (Люцинском, Режицком и Двинском) ИЯМ превышает 0,5. Латгальская ЭКЗ формировалась на протяжении нескольких столетий как результат этнокультурных напластований на стыке православного, католического и лютеранского миров.

Русско-белорусская ЭКЗ сформировалась на юге Псковского региона. В середине XIX в. русско-белорусская ЭКЗ была достаточно ярко выражена также в соседней Смоленской губернии, западная часть которой была преимущественно заселена белорусами, а восточная – русскими. Западная часть Смоленщины длительное время находилось в составе Речи Посполитой. Но на рубеже XIX–XX вв. русско-белорусская ЭКЗ полностью покинула Смоленскую губернию и сместилась в Витебскую и Могилевскую губернии. Аналогичный процесс проходил на псковско-белорусском рубеже, где с момента включения в 1924 г. трех бывших витебских уездов в состав Псковской губернии, произошло смещение ЭКЗ вглубь Витебской области Белоруссии. Тем не менее, ее проявление на южных землях Псковской области и поныне можно наблюдать, но в ином качестве, а именно, с точки зрения диалектных и этнографических особенностей территории.

Сето-Печорская ЭКЗ (сето-русская) расположилась на российско-эстонском пограничье в нынешнем понимании. В 1897 г. она находилась на западе Псковского уезда на границе с Лифляндской губернией. В то время она была ярко выраженной. ЭКЗ сформировалась вблизи политической границы между Ливонским орденом и Псковской землей, ставшей жестким конфессиональным барьером. Земли Сетумаа на протяжении веков находились в зоне стыка нескольких религий: православия, католицизма, лютеранства и язычества. Православная вера здесь стала доминирующей вследствие создания на этих землях Псково-Печерского монастыря. В 1920 г., когда эта территория вошла в состав Эстонской республики, ЭКЗ достигла максимальной степени выраженности (ИЭМ превысил 0,5). Сето-Печорская ЭКЗ охватывала тогда всю территорию уезда Петсеримаа, где четверть населения составляли народ сету.

Помимо них был высок процент русского и эстонского населения [139].

Лужская ЭКЗ сформировалась на севере Псковского региона (Гдовский и Лужский уезды) во второй половине XIX в. в результате миграции эстонцев и латышей. Здесь ИЯМ менялся в диапазоне 0,1–0,2 [131]. События 1914–1920 гг. (Первая мировая война, революция и гражданская война) подорвали процесс переселения эстонцев и латышей. С 1920 г. эстонское правительство проводило политику по возвращению эстонцев на их историческую родину. Одновременно в 1920-е гг. эстонские и латышские национальные меньшинства подвергались раскулачиваю с высылкой в другие регионы страны и от сталинских репрессий [136]. Растворение данной ЭКЗ пришлось только на середину 1940-х гг.

Так же по причине миграций эстонских и латышских переселенцев начала формироваться ***ЭКЗ*** на юго-востоке Псковской губернии, частично распространяющаяся на Новгородскую и Тверскую губернии. Здесь также ИЯМ находился в диапазоне 0,1–0,2 (в границах Холмского и Торопецкого уездов). Но растворение данной ЭКЗ произошло достаточно быстро, уже в 1920-е гг.

Многие ЭКЗ формировались на возвышенностях: Лужская – на Лужской возвышенности, Латгальская – на Латгальской возвышенности, Сето-Печорская – на возвышенности Хаанья, ЭКЗ на юго-востоке Псковской губернии – на Валдайской возвышенности и ее отрогах (рис. 2).

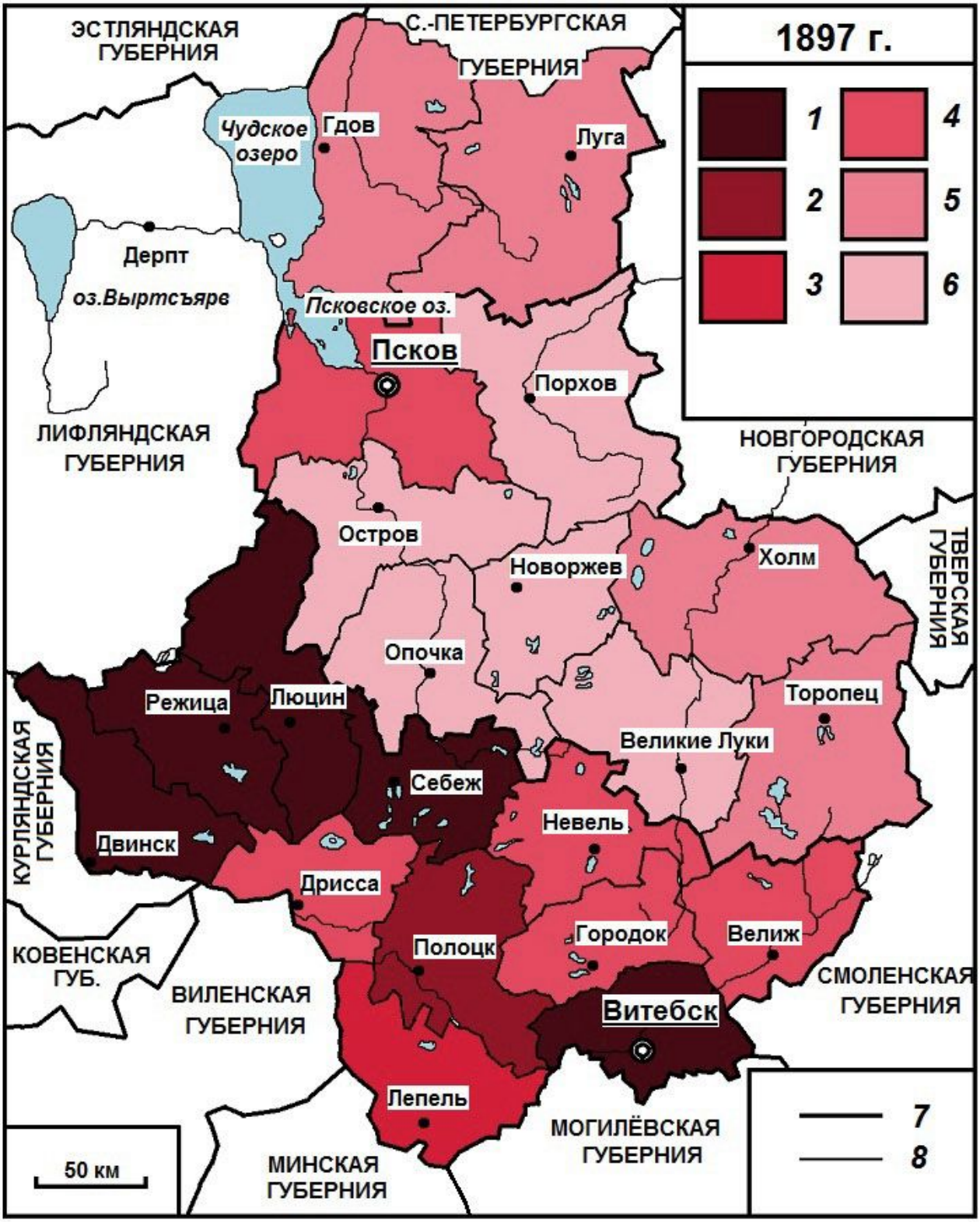


Рисунок 2 – Индекс этнической (языковой) мозаичности Псковского и Витебского регионов в 1897 г.

Величина индекса этнической (языковой) мозаичности: *1* – 0,5 и более, *2* – от 0,4 до 0,499, *3* – от 0,3 до 0,399, *4* – от 0,2 до 0,299, *5* – от 0,1 до 0,199, *6* – 0,099 и менее; границы: *7* – губерний, *8* – уездов.

3.8. Трансформация конфессиональной структуры населения

Псковская губерния в середине XIX в., наравне с Новгородской, характеризовалась явным преобладанием православного населения (включая единоверцев – более 98 %). Таким образом, эти две губернии тогда относились к числу моноконфессиональных территорий. К поликонфессиональным территориям следует отнести С.-Петербургскую и Витебскую губернии. В С.-Петербургской губернии, помимо православного (с единоверцами) населения, было много протестантов (15,2 % в 1851 г.) [95].

Единоверцами называли верующих-православных, сохранивших «старые» обряды, но подчиненных иерархии Русской православной церкви. Православие исповедовали преимущественно представители трех главных ветвей восточных славян – великороссы, малороссы и белорусы. В трех южных уездах (Себежском, Невельском и Велижском), входивших тогда в состав Витебской губернии, доля православного населения была заметно ниже, что было связано с высокой долей других конфессиональных групп (в частности, римско-католиков и иудеев).

Территория Витебской губернии находилась на хорошо выраженном этнокультурном пограничье. Эту губернию в полной мере можно было считать поликонфессиональной. Во второй половине XIX в. доля православного населения (включая единоверцев) здесь не превышала 60 %. Причиной этого являлось вхождение этих территорий вплоть до 1772 г. в состав Речи Посполитой. Поэтому здесь и в последующем, вплоть до XX в., отмечалась повышенная доля римско-католиков. Особенно высокой их долей отличались уезды Латгалии (бывшие Польские Инфлянты). К 1897 г. удельный вес представителей римско-католической церкви в губернии немного снизился (с 27,5 до 24 %). Одновременно наблюдался стабильный рост доли иудеев (с 7 до 11,8 %). Это было связано с тем, что Витебская губерния находилась в пределах т. н. «черты оседлости», вне которой, за некоторым исключением, евреям запрещалось постоянное местожительство.

В последующие годы XIX в. доля православного населения в регионе стала уменьшаться из-за роста удельного веса других конфессиональных групп. Хотя численность православного населения увеличивалась, но темпы этого роста были ниже, чем динамики всего населения. Наиболее ярко этот процесс происходил в 1859–1878 гг. В это время в Порховском, Холмском и Торопецком уездах был зафиксирован наименьший рост численности православных с единоверцами. На этом фоне в Себежском и Велижском уездах был отмечен самый высокий рост их численности. К 1897 г. доля православных в пределах региона заметно уменьшилась (в Псковской губернии составила 92,9 %).

К рубежу 1870–80-х гг. численность и доля старообрядцев значительно возросла почти во всех уездах региона, особенно в Порховском и Новоржевском. Раскольники в этот период прибывали в некоторые уезды Псковской губернии, и оседали там перед их дальнейшим передвижением в сторону ее южной и юго-западной границы (табл. 2). Политика Николая I в середине XIX в. была ориентирована на борьбу со старообрядчеством. Помещики принуждали своих крестьян принимать православие. Александр II легализовал старообрядцев, что повлияло на рост численности данной конфессиональной группы. Им было разрешено регистрировать гражданские браки, началось вовлечение городских старообрядцев в государственные дела. Во времена правления Александра III численность старообрядцев еще более увеличилась. Этому способствовал подписанный императором в 1883 г. закон «О правах старообрядцев». Большинство старообрядцев, насильно обращенных в православие в 1850-е гг., вернулось к вере своих предков [258]. К моменту проведения Первой всеобщей переписи населения старообрядцы компактно проживали в большинстве уездов Псковского региона.

Последователи римско-католической церкви были наиболее многочисленны в городских поселениях. Католические храмы в то время существовали в Пскове, Великих Луках, Острове и Опочке. Также еще поляками в XVII в. (в период Речи Посполитой) были построены костелы в Себеже и Невеле. В середине XIX в. доля римско-католиков была наиболее высока в трех южных уездах, входивших тогда

в состав Витебской губернии. Здесь их доля была повышенной не только в городских поселениях, но и в сельских. В последующие годы в большинстве уездов региона отмечался рост доли и численности римско-католиков. Этот рост был в основном достигнут за счет населения, проживающего в городах (особенно в Пскове, Великих Луках, Луге и др.). К концу XIX в. южная окраина Псковского региона по-прежнему оставалась в лидерах по доле этой религиозной группы, хотя она заметно уменьшилась за прошедшие полвека. К примеру, в Себежском уезде доля римско-католиков сократилась с 13,2 до 3,1 %.

На рубеже 50–60-х гг. XIX в. доля протестантов в регионе была пока еще невелика (меньше 1 %), зато к началу 1880-х гг. их численность и доля заметно возросли. Особенно в этом плане выделялись Псковский, Островский, Лужский, Гдовский, Холмский и Торопецкий уезды. Последние четыре уезда во второй половине XIX в. испытали значительный миграционный приток коренных жителей прибалтийских губерний (латышей и эстонцев), которые в большинстве были протестантами (лютеранами). После отмены крепостного права в прибалтийских губерниях (1816–1819 гг.) у крестьян появилась возможность беспрепятственно покидать свое постоянное место жительства, чем многие из них и воспользовались. Как было отмечено выше, принятые законы в 1849 и 1856 гг. позволили крестьянам покупать землю в собственность, но в Лифляндской и Эстляндской губерниях в этот период была высокая арендная плата за землю, чрезмерная эксплуатация помещиками крестьян, недостаток свободной удобной земли. А в пределах губерний, соседних с прибалтийскими, было много неиспользуемых территорий, которые местные помещики стремились эксплуатировать путем привлечения новой рабочей силы. Массовая миграция эстонского и латышского населения из Прибалтики шла преимущественно на территорию Псковской и С.-Петербургской губерний [136].

В связи с этим с середины XIX в. по начало 1880-х гг. заметный прирост протестантского населения был характерен для юго-восточной части региона (Холмский и Торопецкий уезды). В период с 1880-х гг. по 1897 г. северные уезды (Гдовский и Лужский) выделялись повышенным ростом численности

протестантов-лютеран. В итоге к моменту проведения Первой переписи населения пять уездов находились в лидерах по доле этой религиозной группы (Гдовский – 10,6 %, Лужский – 5,6 %, Псковский – 4,4 %, Холмский – 4,4 % и Островский – 2,2 %) (Приложения 12–16).

Среди других нехристианских направлений наиболее широко был представлен иудаизм, который исповедовали евреи. Синагоги находились в Пскове, Острове, Опочке, Великих Луках, Невеле и Себеже. Причем в двух последних городах евреи составляли значительную часть населения.

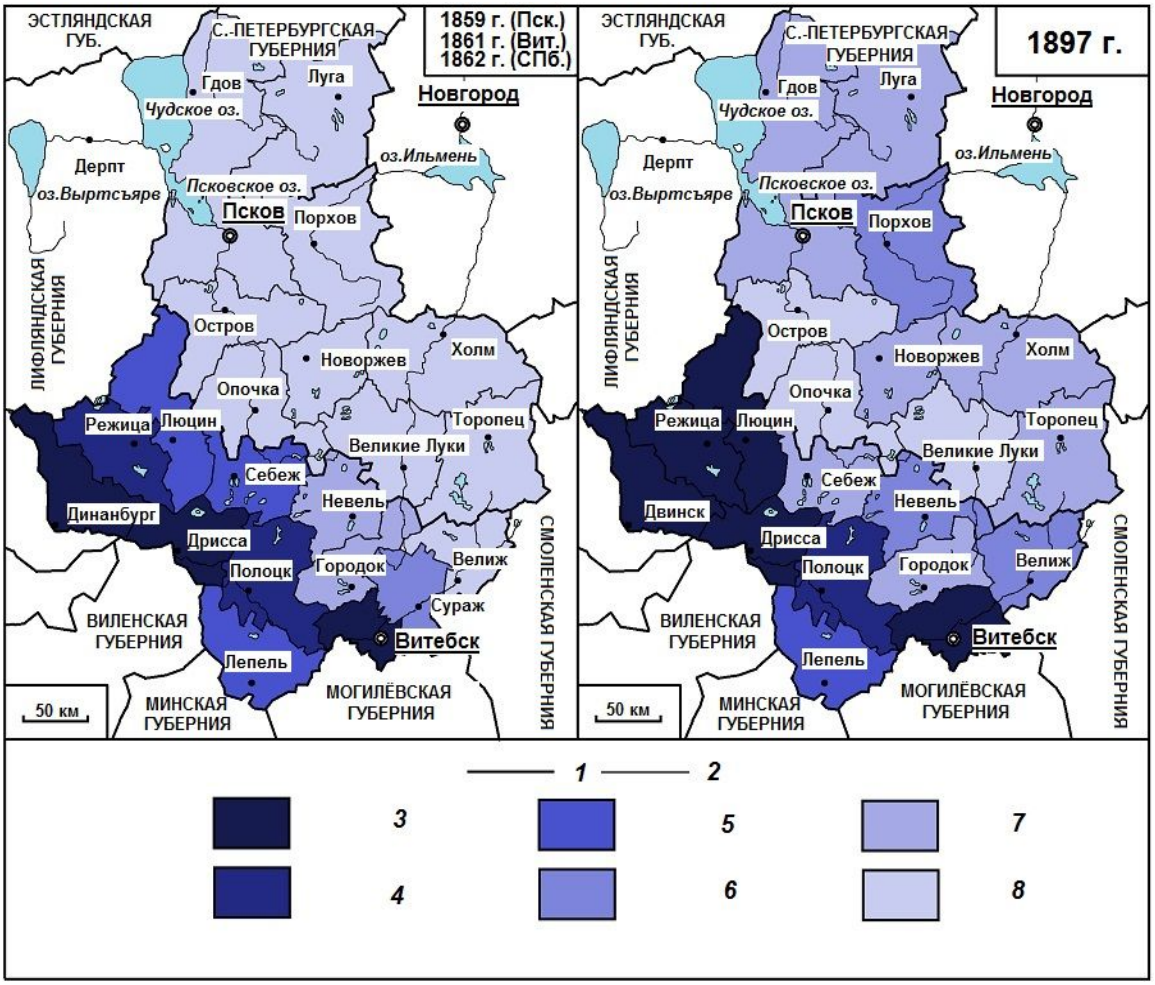


Рисунок 3 – Индекс религиозной мозаичности уездов Псковской, Витебской губерний и юго-западной части С.-Петербургской губернии

Цифрами обозначены: границы: *1* – губерний; *2* – уездов; величина индекса религиозной мозаичности: *3* – 0,5 и более, *4* – от 0,400 до 0,499, *5* – от 0,300 до 0,399, *6* – от 0,200 до 0,299, *7* – от 0,100 до 0,199, *8* – 0,099 и менее.

Высокий индекс религиозной мозаичности может служить в качестве признака контактной зоны метаэтнического уровня. Метаэтническая граница проходила в виде широкой контактной зоны через северо-запад С.-Петербургской губернии (преимущественно Ингерманландия с ИРМ более 0,4), Эстляндскую, Лифляндскую, Курляндскую и Витебскую (преимущественно Латгалия с ИРМ более 0,5) губернии [139].

Выводы по 3 главе

Рассматриваемый период времени характеризуется относительной устойчивостью административно-территориального деления, лишь к концу периода наблюдались сдвиги в границах региона. С 1920 г. Псковский регион стал вновь пограничным, а в 1924 г. из белорусских земель были переданы три уезда.

До XIX в. Псковский регион был сугубо аграрным, его население характеризовалось невысокой миграционной подвижностью. С середины века, после отмены крепостного права и начала развития промышленности, стали очевидными проявления демографического взрыва, что внесло коренной перелом в процессы трансформации системы расселения и дальнейшей динамики структуры населения региона. Отмечался рост городов за счет миграций из сельской местности. Отмена крепостного права способствовало развитию миграций крестьян на другие территории, в т. ч. с целью поиска заработка. Шло развитие промышленности, строились железные дороги, что способствовало росту городов, расширению сети других городских поселений.

Во второй половине XIX в., как запоздалая реакция на включение Эстляндии и Лифляндии в состав Российской империи, происходила массовая миграция лютеранского (эстонского и латышского) населения на территорию соседних С.-Петербургской и Псковской губерний. Правда, причиной этой конфессиональной диффузии стала отмена крепостного права в прибалтийских губерниях примерно на полвека раньше, чем на основной территории империи.

Первая мировая война, революция и гражданская война привели к новой трансформации структуры населения, приведя к заметным подвижкам и в системе

расселения региона. Последующие изменения политических и административных границ (передача западных территорий в состав прибалтийских государств, включение трех уездов упраздненной Витебской губернии в состав Псковской губернии) способствовали созданию условий для очередной трансформации этнической и конфессиональной структуры населения региона.

ГЛАВА 4
ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПСКОВСКОГО РЕГИОНА В XX – XXI ВВ.

4.1. Источниковая база по изучению поселенческой и этноконфессиональной структуры населения в XX – XXI вв.

Период 1920–30-х гг. для некоторых территорий СССР характеризовался крайней неустойчивостью сетки административно-территориального деления. Территории Псковского региона это коснулось в первую очередь. В этот период была упразднена Псковская губерния (в 1927 г.) и образованы Псковский и Великолукский округа в составе Ленинградской области. В них, вместо Госстатоотдела, были созданы Псковское и Великолукское окружные статистические отделы, но позже и они были ликвидированы. В 1928 г. были изданы статистические сборники по Псковскому и Великолукскому округам, в которых были предоставлены сведения по населению, размерам территории и экономике на районом уровне [36; 211]. Наибольшие сложности возникли при составлении справочника по Великолукскому округу. При подготовке сборника учитывались прежние дореволюционные и послереволюционные издания, материалы переписи 1926 г., прочие сведения (например, по колхозам и совхозам) за 1927–1928 гг. [251].

В 1930 г. Псковский и Великолукский округа были упразднены. Но в это время появилась необходимость в сборе статистических данных в районном разрезе. В связи с этим в 1930 г. вышел в свет «Краткий статистический справочник по районам Ленинградской области», в котором были предоставлены сведения о районах бывшего Псковского округа [231]. Спустя два года был опубликован «Экономико-статистический справочник Ленинградской области» [266]. Он содержал в себе статистические материалы, которые характеризовали хозяйственную деятельность и социально-культурную жизнь Ленинградской

области. Кроме того, в справочнике были предоставлены сведения о развитии отраслей экономики за 1928–1931 гг. Справочник создавался в период нестабильности сетки АТД, поэтому в нем был приложен перечень ликвидированных районов.

В 1935 г., после выделения из Ленинградской области ряда районов в состав Калининской области, был издан статистический сборник, который содержал ряд сведений о южных районах современной Псковской области [100]. Спустя год Ленинградским облисполкомом было выпущено издание «Административно-экономический справочник по районам Ленинградской области» [4]. В нем было предоставлено описание районов, которые напрямую подчинялись облисполкому (северная часть современной Псковской области), а также районов Псковского пограничного округа. В справочнике даются сведения о городах, поселках (рабочих и дачных), сельсоветах, предприятиях и учреждениях [251].

Следующая перепись состоялась в 1937 г., но по многим причинам она была признана неудачной. Дело в том, что в период с 1933 по 1937 гг. прогнозировался рост численности населения в СССР с 165,7 до 180,7 млн чел., однако перепись дала совсем иные результаты (менее 163 млн чел.). Одной из причин уменьшения численности населения был голод 1932–1934 гг., когда погибло около 7 млн чел., но властями данный факт не признавался. Кроме того, много хлопот переписчикам доставлял вопрос: «верующий или неверующий».

Так как перепись 1937 г. была признана неудачной, был поставлен вопрос о проведении другой переписи – в 1939 г. [49]. Всесоюзная перепись населения 1939 г. также прошла с некоторым напряжением. Но в этот раз прогнозируемое число жителей страны было подтверждено итогами переписи (более 170 млн чел.). Итогов переписи 1939 г. к настоящему моменту дошло немного и по ним мы можем получить лишь общую картину расселения какого-либо региона.

Период с середины 1930-х до середины 1950-х гг. характеризуется весьма скудными статистическими материалами с высокой детализацией (особенно на уровне районов, городов и прочее). Данную проблему помогают решить архивные

источники, находившиеся в учреждениях различного административно-территориального ранга.

В августе 1944 г., в связи с образованием Псковской и Великолукской областей, начали работу Управления статистики уполномоченного Госплана СССР по этим областям, которые анализировали работу народного хозяйства и осуществляли контроль за выполнением госпланов. До этого времени во всех районах и городах региона действовали инспектуры Ленинградского областного Управления народнохозяйственного учета. С марта 1948 г. данные органы государственной статистики перешли в подчинение ЦСУ СССР [251].

В 1957 г. был издан Великолукский статистический сборник. В нем была отражена картина развития народного хозяйства и культуры за послевоенные и некоторые довоенные годы [166]. В Пскове был издан аналогичный сборник, где были предоставлены также сведения за 1913 и 1940 гг. Само издание вышло в свет только в 1960 г., т. е. уже после объединения Псковской и Великолукской областей (1957 г.) [168]. Следующий сборник по Псковской области, причем уже в современных границах, был выпущен в 1968 г. в связи с 50-летием Советской власти, в котором давались также сведения за 1967 г. [169].

Следующая Всесоюзная перепись населения прошла в 1959 г. В этот период в стране стал проявляться интерес к научным исследованиям демографических и экономических процессов. Поэтому итоги переписи в значительной степени дали толчок развитию науки. Результаты переписи населения 1959 г. были опубликованы в 16 томах (первый том был посвящен СССР, остальные пятнадцать – союзным республикам). Переписной лист в то время насчитывал 15 вопросов. Вопрос о грамотности был соединен с вопросом об образовании. Поэтому респондента не спрашивали, окончил ли он среднюю или высшую школу. В отличие от переписи 1939 г., вопросы о роде занятий и месте работы поменялись местами (сначала о работе, затем о роде занятий). А для тех, кто не указал свою деятельность в качестве источника дохода, надо было указать также другой источник средств к существованию.

Спустя одиннадцать лет, в 1970 г., была проведена следующая Всесоюзная перепись населения. Она проходила с некоторыми новшествами. В переписной лист входило 18 вопросов. Причем они были построены так, что на 11 из них отвечали 100 % населения, а на 7 – лишь 25 %. С помощью выборочного метода достигалась экономия финансов и людских ресурсов. Вопрос о гражданстве был объединен с вопросом о национальности. В результате этого о национальности стали отвечать советские граждане, а о гражданстве – иностранцы. Собирались сведения о знании других языков (в частности, народов СССР). Было уделено внимание миграциям населения (следовало указать время проживания в данном населенном пункте, а для проживающего здесь менее двух лет – указать место предыдущего постоянного места жительства и причину его смены). Особое внимание во время проведения переписи уделялось трудоспособному населению. Была поставлена задача изучения продолжительности работы в разных отраслях хозяйства. Итоги переписи были опубликованы в 7 томах, а также в 10 томах под грифом «Для служебного пользования».

Перепись 1959 г. стимулировала учет сельских населенных пунктов. Нередко это приводило к регистрации не только постоянно обитаемых поселений, но и временных (фермы, станы, пасеки и др.) на которых население в основном проживало зимой и отдельно стоящие дома, их группы, в т. ч. те, которые находились поблизости от крупных СНП. Таким образом, при переписях 1970, 1979 и 1989 гг. население таких мест приписывалось к более крупным поселениям. Проблема с учетом СНП нередко сопровождалась халатностью переписчиков. В связи с этим в 1962 г. был принят указ Верховного Совета РСФСР «Об упорядочении наименований, регистрации и учета населенных пунктов». Изменение методов подсчета населенных пунктов усложнило сопоставление данных 1959 и 1970 гг. Из списков 1970 г. исчезли многие существующие мелкие населенные пункты [65].

Особое внимание стоит обратить на списки СНП, составленные отдельно на уровне сельсоветов и районов. К примеру, подобные списки имеются в Государственном архиве Псковской области (ГАПО) за 1958, 1960, 1968 гг. и др.

Эти документы имеют особую ценность, т. к. позволяют провести сопоставление с итогами переписей населения (особенно 1959 г.) и могут быть использованы для анализа системы расселения и пространственной структуры населения региона. Удалось установить количество сельских населенных пунктов в границах районов 1958 г., сопоставив их с итогами переписи 1959 г., которые и сейчас имеются на районном уровне. За 1970–1979 г. доступны неопубликованные материалы переписи, хранящиеся в ГАПО, в т. ч. по этническому составу и сведения по численности сельских населенных пунктов на уровне районов.

Большую ценность предоставляет крупномасштабный картографический материал за период 1927–1959 гг., содержащий информацию о территории в современных границах Псковской области. Это военные топографические карты РККА, Генштаба, содержащие информацию по расположению тех или иных населенных пунктов, существующих на тот момент. Карты Псковской и Великолукской областей (за 1956 и 1957 гг.) с районной сеткой могут служить материалом для сопоставления с современной картой региона, позволяя провести исследование системы расселения как в современных границах административных районов, так и прежних.

С 1970 г. при Псковском статистическом управлении начала действовать машиносчетная станция. В 1976 г. был выпущен очередной статистический сборник по Псковской области, в котором были предоставлены сведения за 1971–1975 гг. [167].

В 1979 г. была проведена очередная Всесоюзная перепись населения. Переписной лист состоял из 16 вопросов, из них 11 были предназначены для всего населения, а 5 – для 25 % жителей страны. Впервые при обработке собранных сведений были использованы ЭВМ. Стали собираться сведения о числе детей, рожденных женщиной, а также о населении в трудоспособном возрасте, занятом как в домашнем, так и личном подсобном хозяйстве. Главу семьи должны были указывать сами члены семьи, а если возникали трудности с этим вопросом, то в графе обозначали того, кто в семье обеспечивал основные средства к существованию. В переписном листе был также пункт, касавшийся тех,

кому 100 и более лет. Результаты переписи 1979 г. были опубликованы только в одном открытом томе, а также в десяти томах «Для служебного пользования».

В 1986 г. в Псковской области были издан статистический сборник «Народное хозяйство Псковской области в 11-й пятилетке» [170]. Последняя Всесоюзная перепись прошла в 1989 г., т. е. через 10 лет с момента предыдущей переписи. По своей структуре она отличалась от предыдущих. Вопросы переписи касались не только населения, но и его жилищных условий. Соответственно, количество вопросов в опроснике значительно увеличилось. Было всего 25 вопросов, 18 из которых касались непосредственно населения, а остальные 7 – его жилищных условий. Часть вопросов касалась миграций населения. Как и в двух предыдущих переписях, применялась выборочная методика опроса. Итоги переписи издавались на протяжении нескольких лет.

Перед проведением переписи 1989 г. также проводилась ревизия сельских населенных пунктов. За межпереписной период 1979–1989 гг. в Псковской области было исключено почти 1300 СНП (211 были объединены с другими СНП, 1050 были ликвидированы как фактически обезлюдевшие). Было оставлено примерно 400 СНП с сохранившейся застройкой, но без «зимнего» населения и около 10 поселений с временно проживающим «зимним» населением. Десять населенных пунктов вошло в черту городских поселений (в основном в Псков и Великие Луки), два поселения получили статус ПГТ (Палкино и Усвяты в 1985 г.) [65].

В 1991 г. был издан последний статистический сборник, посвященный народному хозяйству Псковской области [171]. В 1994 г. Псковское областное статистическое управление было переименовано в Комитет государственной статистики по Псковской области [251]. После этого ежегодно стали издаваться сборники «Псковская область в цифрах». Эти выпуски обычно были малотиражны, в них содержались в основном статистические данные о социально-экономическом положении области за один год в сравнении с несколькими предыдущими [209].

9 октября 2002 г. состоялась перепись населения, ставшая первой в истории современной России. Изначально проведение переписи было запланировано на 1999 г., т. к. по стандартам ООН она должна проходить каждые 10 лет. Но в связи с кризисом перепись была перенесена на более позднее время. В переписных листах отмечались следующие пункты: возраст, семейное положение, знание языков, национальность, образование, а также имущественное положение и состояние жилья. Последняя на данный момент перепись населения Российской Федерации была проведена 14–25 октября 2010 г. Население переписывалось, как и в 2002 г., по месту жительства, которым является населенный пункт, а также дом, квартира и др. [118].

4.2. Геодинамика политических и административных границ

В 1927 г. Псковская губерния ликвидирована как самостоятельный регион. Ее территория вошла в состав новообразованной Ленинградской области. В состав области также вошли территории упраздненных Ленинградской, Мурманской, Новгородской и Череповецкой губерний [152]. Ленинградская область была весьма обширной (360,4 тыс. кв. км). В связи с этим появилась необходимость создания округов (Ленинградский, Лужский, Псковский, Новгородский, Лодейнопольский, Мурманский, Боровичский, Великолукский и Череповецкий).

Территория современной Псковской области была поделена между тремя округами – Лужским, Псковским и Великолукским. Округа в свою очередь были разделены на районы. В Псковском округе было 18 районов, в Великолукском – 23. Гдовский, Лядский, Плюсский, Полновский и Струго-Красненский районы вошли в состав Лужского уезда [145, с. 27]. Великолукский округ недолго просуществовал в составе Ленинградской области, впоследствии в 1929 г. был включен в состав новообразованной Западной области, центром которой являлся Смоленск [3]. Площадь Западной области составляла 163,8 тыс. кв. км. На тот момент область состояла из 8 округов [249].

В 1929 г. на большей части территории страны округа были ликвидированы. С этого момента Псковский регион потерял административный статус. В 1935 г. была образована Калининская область, куда вошли Великолукские земли, за исключением Усвятского и Велижского районов, которые входили в состав Смоленской области. Были восстановлены Псковский и Великолукский округа, но в совсем иных границах. Затем был образован пограничный Опочецкий округ, а в 1938 г. был ликвидирован Великолукский округ. Одновременно почти каждый год менялись границы районов [2; 145].

В 1940–1941 гг. произошел окончательный отказ от деления областей на округа. Были упразднены Псковский и Опочецкий округа. Их районы были переданы в прямое подчинение Ленинградской и Калининской областей [2].

В годы Великой Отечественной войны территория Псковского региона находилась в зоне оккупации немецко-фашистских захватчиков. Земли к западу от Псковского региона были включены в рейхкомиссариат Остланд. Это административно-территориальное образование включало в себя прибалтийские республики и западную часть Белорусской ССР. Рейхкомиссариат был разделен на четыре генеральных округа: Эстония, Латвия, Литва и Белоруссия. Таким образом, уезд Петсеримаа оказался в составе генерального округа Эстония, город Петсери (Печоры) был центром округа Печур (Petschur, Печоры). Современные территории Качановской волости и Пыталовского района находились в составе генерального округа Латвия, округа Дюнабург (Dünaburg, Даугавпилс), Абренского района. Такое положение сохранялось вплоть до освобождения территории от оккупантов в 1944 г. Однако, в планах у немецкого командования существовал план по расширению Остланда, куда вошла бы полностью современная территория Псковской области, разделенная между Эстонией, Латвией и Белоруссией (крайний юг, современные границы Усвятского района) [84; 103].

После освобождении Псковского региона были образованы Псковская и Великолукская области (22 августа 1944 г.). Площадь Псковской области составляла 31,7 тыс. кв. км, а Великолукской – 44,8 тыс. кв. км. Псковская область

изначально в своем составе имела 17 районов, Великолукская – 23 района. 10 марта 1945 г. в составе Великолукской области было образовано четыре района: Жарковский, Подберезинский, Пореченский и Прихабский (с 1949 г. Усмынский). В начале 1945 г. из территорий Эстонской и Латвийской ССР были выделены три новых района: Качановский, Печорский и Пыталовский. Через год был образован Павский район. В 1952 г. из Невельского района был выделен Усть-Долысский район [2].

Великолукская область просуществовала до октября 1957 г., в результате чего была ликвидирована. 19 районов вошли в состав Псковской области, остальные 9 – в состав Калининской области. 29 июля 1958 г. Плоскошский район был передан в состав Калининской области, а Холмский – в состав Новгородской области [2].

Несмотря на стабилизацию областных границ, корректировка районных границ еще не была завершена. На рубеже 1950–60-х гг. районы упраздняли, восстанавливались, объединялись. 14 января 1958 г. были ликвидированы Качановский, Кудеверский, Новосельский, Подберезинский, Пожеревицкий, Полновский и Середкинский районы. 23 марта 1959 г. были упразднены Пореченский и Усть-Долысский районы; 3 октября 1959 г. – Идрицкий, Лядский, Павский, Пыталовский, Славковский, Сошихинский, Усвятский и Усмынский районы; 22 ноября 1961 г. – Палкинский район; 22 декабря 1962 г. – Куньинский район. 1 февраля 1963 г. были ликвидированы Ашевский, Дедовичский, Карамышевский, Красногородский, Локнянский, Печорский, Плюсский, Пустошкинский и Пушкиногорский районы. Одновременно были образованы Дновский, Невельский и Островский промышленные районы. Однако разделение на промышленные и сельские районы было не оправдано и было решено отказаться от подобного деления (в 1964 г.).

В течение 1964–1965 гг. были восстановлены Печорский, Куньинский, Локнянский, Пустошкинский, Пыталовский, Дедовичский и Плюсский районы. 30 декабря 1966 г. последними были восстановлены Красногородский, Палкинский, Пушкиногорский и Усвятский районы [2]. Таким образом, к началу

1967 г. завершился длительный период масштабных административно-территориальных преобразований, начавшийся с момента ликвидации Псковской губернии в 1927 г. В последующие годы корректировка административно-территориального деления происходила на внутрирайонном уровне, путем изменения границ сельсоветов, передачи населенных пунктов из одной административной единицы в другую [2; 145].

С 1 января 1967 г. сохраняется стабильная сетка районного деления Псковской области. Число районов было зафиксировано на уровне 24-х. С 26 января 1995 г. сельсоветы было принято именовать волостями. С 2005 г. начались муниципальные реформы, сопровождающиеся объединением муниципальных образований низового уровня. Этот процесс еще не завершен и вполне вероятно будет продолжен, в т. ч. на уровне муниципальных районов.

4.3. Геодинамика численности населения

В начале 1927 г., после упразднения Псковской губернии, территорию Псковского региона составляли два округа (Псковский и Великолукский) и часть Лужского округа. Регион включал 46 административных районов общей площадью 59308,5 кв. км. Псковский и Великолукский округа почти укладывались в границы ликвидированной Псковской губернии. Численность населения региона составляла 1952,7 тыс. чел. (1796,4 тыс. чел., или 92 %, составляло сельское население).

В современных границах Псковской области, но без территорий, входивших тогда в состав Латвии и Эстонии, численность населения составляла 1675,9 тыс. чел. (в т. ч. сельское население – 1548,4 тыс. чел., или 92,4 %) [36; 132; 209; 229]. По численности населения Псковский округ занимал первое место в Ленинградской области (не считая г. Ленинграда). При этом округ отличался крайне низким уровнем индустриализации, и, соответственно, низкой долей городского населения. Доля сельского населения в Псковском округе была 91,6 %. Великолукский округ характеризовался схожими показателями, что и

Псковский округ [132]. В целом, если рассматривать весь Псковский регион, то в нем проживало примерно 31 % от численности населения Ленинградской области.

Общее количество сельских поселений в границах двух округов и 5 южных уездов Лужского округа в сумме составляло 30786. В современных границах Псковской области было 25555 сельских населенных пункта (без приграничных территорий соседних республик) [132] (табл. 1). В 1927–1928 гг. под сельским населенным пунктом подразумевались все селения и одиночно расположенные хозяйства (хутора, железнодорожные будки и т. п.). Причем хутора, расположенные в тесной близости друг от друга и составляющие как бы одно гнездо, считались за один населенный пункт.

Таблица 1 — Сельское население Псковского региона в 1927 г.*

	Все население, чел.	**Сельское население, чел.**	**Доля сельского населения, %**	**Количество с. н. п.**
Псковский округ	916941	839577	91,6	12905
Великолукский округ	891706	818405	91,8	15602
Пять южных районов Лужского округа	144073	138449	88,8	2279
Псковский регион	1952720	1796431	92	30786
В границах современной Псковской области	1675884	1548404	92,4	25555

*составлено по источникам: [2; 36; 131; 132; 211; 231; 249]

В 1939 г. в границах современной Псковской области численность населения составляла 1441,5 тыс. чел. (без Качановского, Пыталовского и Печорского краев, входящих в то время в состав Латвии и Эстонии). Сельское население составляло 1239,6 тыс. чел. (86 % от всего населения). Таким образом, в период с 1926 по 1939 гг. численность населения региона сократилась в 1,16 раз (сельское население – в 1,25 раз). Одной из причин резкого уменьшения численности населения стала утрата административной самостоятельности Псковского региона, повлекшая за собой рост миграционного оттока [145]. Также

на динамику численности населения повлияли общегосударственные тенденции, носившие иногда повсеместный характер – коллективизация сельского хозяйства, голод 1932–1933 гг., репрессии, индустриализация.

Великая Отечественная война привела к катастрофическому сокращению населения Псковского региона. В годы войны практически вся территория современной Псковской области была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками и находилась в полосе партизанской борьбы. В Псковском регионе были организованы Ленинградский и Калининский партизанские края (соответственно названию областей, куда входила тогда территория современной Псковской области).

Уровень ущерба, принесенного в годы войны хозяйству региона и его системе расселения, до сих пор сложно оценить. Только на территории образованной в 1944 г. Псковской области (в границах 19 районов) численность погибших оценивается в 391755 чел. (включая расстрелянных, повешенных, убитых бомбами, в результате пыток и погибших военнопленных). Основную часть среди них составляли военнопленные (371755 чел.), большинство которых погибло в самом Пскове, где располагались концлагеря (в Крестах, на Завеличье). 85 и 46 тыс. военнопленных погибло в Порховском и Дновском районах, где также были размещены концлагеря (Дулаг-100, Колотушино и др.) [58; 181].

На этих территориях был организован Партизанский край, площадью в 10 тыс. кв. км, где находилось примерно 400 деревень, жители которых жили по законам советской власти. Здесь нередки были военные столкновения, карательные операции, особенно в местах соприкосновения с Партизанским краем. В первый год войны было решено о размещении новых партизанских баз на территории Карамышевского, Порховского и Стругокрасненского районов. На юге Псковского региона в 1942 г., в приграничных районах с Белоруссией и Латвией, также были активизированы действия партизан, что позволило созданию Братского партизанского края, включающий в себя несколько районов Калининской области и соседних районов Белоруссии и Латвии с населением свыше 100 тыс. чел., где также была восстановлена советская власть. В

дальнейшем эта работа была продолжена. В конечном итоге на современной территории Псковской области действовало 29 партизанских бригад (16 калининских и 13 ленинградских). Местное население всячески помогало партизанам. Немецко-фашистских захватчиков это сильно раздражало, что активно провоцировало на уничтожении множества деревень. Свидетельства о существовании уничтоженных фашистами деревень предоставляют крупномасштабные топографические карты в наименованиях некоторых урочищ. По некоторым оценкам, оккупантами было уничтожено 3823 деревни (примерно 15 % от уровня 1926–1927 гг.), убито 7118 мирных жителей, 150 тыс. чел. было вывезено в другие регионы [207]. По других оценкам, немецко-фашистскими захватчиками из Псковской области было насильно вывезено 112701 чел., из которых 63,4 % составляли женщины. В начале 1947 г. на родину вернулось чуть больше 97 тыс. чел. [57; 224].

После освобождения региона от немецко-фашистских захватчиков в 1944 г. были образованы Псковская и Великолукская области. На тот момент в регионе проживало 362,8 тыс. чел. В последующие годы численность населения Псковского региона росла за счет возвращения на родину населения, покинувшего край в годы войны.

В 1957 г. Великолукская область была ликвидирована и большая ее часть вошла в состав Псковской области. Первоначально Псковская область имела в своем составе 43 района. В 1958 г. два района были переданы в состав Калининской и Новгородской областей [2]. С помощью данных ГАПО была проведена оценка численности населения по 43 районам на 1958–1959 гг. [53; 54]. Численность населения Псковской области была оценена в 970,6 тыс. чел., в т. ч. сельского населения — в 717,2 тыс. чел. (73,9 %). В современных границах Псковской области тогда проживало 946,6 тыс. жителей, в т. ч. 696,2 тыс. чел. в сельской местности. Таким образом, с 1939 г. население региона сократилось в 1,52 раза (сельское – в 1,78 раз).

Количество сельских поселений в современных границах области к 1958 г. составляло 12447 (по данным переписи 1959 г. – 12590). С учетом Холмского и

Плоскошского районов число сельских поселений было оценено в 12846 [53; 54; 87; 258]. Несмотря на то, что война нанесла большой урон сельскому расселению, количество СНП оставалась достаточно большим. Тем не менее, с 1926 г. по 1959 г. число сельских населенных пунктов в современных границах Псковской области уменьшилось в 1,64 раза. Количество СНП, начиная с момента упразднения Псковской губернии, неуклонно снижалось (табл. 2).

Таблица 2 — Сельское население Псковского региона в 1958–1959 гг.

	Все население, чел.	**Сельское население, чел.**	**Доля сельского населения, %**	**Количество с. н. п.**
Псковская область (в т. ч. Холмский и Плоскошский районы), 1958 г., ГАПО	970636	717210	73,9	12846
Псковская область (в совр. границах), 1958 г., ГАПО	946643	696194	73,5	12447
Псковская область (в совр. границах), 1959 г., перепись	952388	694899	73	12590

*составлено по источникам: [2; 53; 54; 87; 260]

Численность населения Псковской области в 1959 г. составляла 952,4 тыс. чел., а в 2010 г. – 673,4 тыс. чел., т. е. за прошедшие полвека сократилась в 1,4 раза. Особенно заметно уменьшилась численность сельских жителей – в 3,5 раза.

Если брать отдельно временные интервалы с 1959 по 1989 гг. и с 1989 по 2010 гг., то можно увидеть ощутимую разницу в динамике численности населения. Так, темпы убыли населения были выше в период с 1989 по 2010 гг., чем в период с 1959 по 1989 гг., что было связано с высокой естественной убылью населения и его значительным механическим оттоком. Во второй период вместе с уменьшением сельского населения (в 1,56 раза) стало отмечаться сокращение городского населения (в 1,13 раза), что не наблюдалось в первый период. В

период с 1959 по 1989 гг. темпы убыли населения были не столь высоки (в 1,13 раза), а сельское население уменьшилось в 2,23 раза, при этом численность городского населения выросла в 2,1 раза (рис. 4).

Рисунок 4 — Численность населения Псковской области по итогам переписей с 1959 по 2010 гг. и данным 2016 г. (составлено по источникам: [44; 183; 244; 260])

В 1959 г. сельские жители составляли 73 % населения области. Сильное сокращение численности сельского населения отразилось на динамике количества сельских населенных пунктов (рис. 5). В 1959 г. по нашим оценкам в Псковской области был 12671 сельский населенный пункт (по официальным итогам переписи 1959 г. – 12590) [53; 54; 87]. В 1989 г. количество СНП уменьшилось до 8546 (сокращение в 1,5 раза) [226].

Рисунок 5 — Динамика количества сельских населенных пунктов (в т. ч. без населения) Псковской области в 1959–2010 гг. (составлено по источникам: [44; 55; 56; 87; 226; 244])

Существенное уменьшение числа сельских населенных пунктов было связано преимущественно с социально-экономическими и демографическими факторами. В 1960–70-е гг. Псковская область характеризовалась бурным развитием промышленности, и потому сельское население интенсивно мигрировало в города. Также население переезжало в другие регионы страны (особенно в г. Ленинград и Ленинградскую область, республики Прибалтики). Миграционный отток населения из сельской местности, особенно молодежи, способствовал снижению рождаемости и росту естественной убыли населения региона, что вело к недостатку сельских трудовых ресурсов, т. к. выбывшие чаще всего относились к категории лиц трудоспособного возраста [87]. Многие опустевшие СНП снимались с учета.

На 1950–60-е гг. пришелся наибольший миграционный отток населения из Псковской области, причем с 1966 г. данный процесс стал сопровождаться еще и

естественной убылью [141]. Только к концу 1970-х гг. естественная убыль населения Псковской области стала частично компенсироваться притоком мигрантов из других регионов стран. В 1980-е гг. обозначилась некоторая стабилизация в численности населения области. Причиной этого стал значительный миграционный приток извне региона (в основном из центральных и северных частей России, Белоруссии, Украины, Молдавии, Азербайджана и др.). В результате уменьшились темпы сокращения количества СНП.

В начале 1990-х гг., сразу после распада СССР, стал вновь расти отток населения из региона, в т. ч. из-за возвращения на историческую родину части украинцев и белорусов. В то же время увеличился приток населения, преимущественно русского, из стран Балтии, Средней Азии и др. Однако уже в середине 1990-х гг. данная тенденция пошла на спад, и миграционный приток уже не мог в полной мере компенсировать естественную убыль населения региона. Вследствие этого демографическая ситуация в Псковской области вновь ухудшилась [119]. В настоящее время Псковская область занимает второе место в стране по количеству сельских населенных пунктов (8351 в 2010 г.), уступая по этому показателю только Тверской области (9532 в 2010 г.). Причем регион занимает третье место в России по количеству населенных пунктов без постоянных жителей (1919 в 2010 г.), уступая по этому показателю Тверской и Вологодской областям (соответственно, 2234 и 2106 в 2010 г.) [244].

Вместе с сокращением численности сельского населения и количества СНП менялась их группировка по числу жителей. Псковский регион традиционно относится к территориям с мелкоселенным типом расселения. Причем со временем эта черта только усиливалась. Доля мельчайших сельских поселений из года в год росла. По результатам переписей 1959, 1979, 1989 и 2010 гг. наиболее высока была доля поселений, насчитывающих от 6 до 50 чел. Но их удельный вес постепенно снижался, причем уже к 2010 г. на вторую позицию вышла доля СНП с количеством жителей от 1 до 5. Эта группа населённых пунктов (около 2,6 тыс. СНП) в ближайшее время может вовсе остаться без населения.

Вместе с тем, прослеживается тенденция высокого прироста численности населения в категории поселений с числом жителей 200 и более чел. (от 18,2 % в 1959 г. до 47,4 % в 2010 г.) (Приложение 23). Сейчас почти половина сельского населения области сосредоточена именно в этой категории поселений. В самом начале рассматриваемого периода отмечался заметный рост крупных поселений. Как правило, это были центры, обладающие достаточно развитой инфраструктурой, развивавшиеся в условиях преобразований системы расселения. Тем не менее, разбросанность и мелкоконтурность сельскохозяйственных угодий способствовали сохранению значительной мелкоселенности даже в период перехода к крупным социалистическим предприятиям [110]. Шло сокращение малодворных деревень. Многие населенные пункты были присоединены к городским поселениям и крупным СНП. Основное действие этого процесса пришлось на 1960–70-е гг., когда мероприятия по реконструкции сельской местности достигало максимума с одновременным повышенным ростом городского населения. В том числе этот процесс способствовал возникновению новых ПГТ, которых в 1960–70-е гг. стало больше. Населенные пункты, расположенные вдоль железных дорог, претерпели серьезные изменения, в первую очередь это касалось станций, будок, разъездов, казарм. По некоторым оценкам их насчитывалось более 250, 230 из которых в отдельные годы были также присоединены к другим СНП, остальные были сняты с учета. Основная волна этих преобразований пришлась на рубеж 1970–80-х гг. [269]. Одновременно неуклонно росла численность СНП без жителей. В 2010 г. их доля составила 23 %.

Все эти процессы сопровождались изменениями административно-территориальной сетки районов и сельсоветов. Численность районов в последние полвека стабилизировалось на отметке 24, хотя в момент укрупнения Псковской области в 1957–1958 гг. их число достигало 41 (в современных границах). Из-за высокого уровня заселенности региона большая численность административно-территориальных единиц низового уровня была тогда вполне объяснима. Мелкоселенность региона, повышенная плотность населения способствовали

раздробленности сетки АТД для упрощения управления на местах. С изменением сетки административно-территориального деления менялась численность и функции центральных поселений. Поселения, сохранившие статус районных центров после рубежа 1950–60-хх гг., получили динамичное развитие. В них наблюдался устойчивый рост населения, они сами формировали устойчивый каркас расселения для окружающих территорий. Это продолжалось вплоть до распада Советского Союза. Райцентры в это время получили статус городских поселений (ПГТ). Бывшие райцентры в большинстве случаев оставались центрами сельсоветов, колхозов и совхозов, но их развитие сильно замедлилось.

Работа со списком сельских поселений (на 2002 г.) и топографическими картами Псковской и Великолукской областей (за 1956, 1957 и 2011 гг.) с помощью программы Google Земля Pro позволила воспроизвести систему расселения с привязкой к АТД Псковской области на начало 1958 г. Далее была проведена оценка последствий укрупнения административных районов и других административно-территориальных преобразований в советское время, начиная с 1958 г. (рис. 6). Относительно более благоприятная демографическая обстановка за период 1958–2002 гг. была отмечена для территорий, окружающих современные райцентры. С другой стороны, территории вокруг бывших райцентров в большинстве случаев характеризовались наиболее негативными демографическими показателями. Таким образом, устойчивость локальных систем расселения оказалась связанной с наличием центрального поселения, в данном случае, центра административного района.

В последние годы в Псковской области проводятся муниципальные преобразования, в ходе которых происходит укрупнение муниципальных образований низового уровня – городских и сельских поселений. С 2005 по 2016 гг. количество сельских поселений (волостей) сократилось более, чем в два раза – со 185 до 85. Основные волны муниципальных преобразований на этом уровне прошли в Псковской области в 2005–2006, 2009–2010 и 2014–2015 гг., и уже существуют планы по укрупнению муниципальных образований верхнего

уровня – муниципальных районов, которые пока укладываются в границы административных районов в соответствии с Областными законами 2005–2009 гг.

Рисунок 6 – Динамика численности населения районов Псковской области в 1958–2002 гг. (границы районов даны по состоянию на начало 1958 г.).

Цифрами обозначены: картосхема I – динамика убыли численности сельского населения (раз): *1* – 1,49 и менее; *2* – от 1,50 до 1,99; *3* – от 2,00 до 2,49; *4* – от 2,50 до 2,99; *5* – 3,00 и более; границы: *6* – государств и областей; *7* – районов на начало 1958 г.; *8* – современные центры районов; *9* – бывшие центры районов; картосхема II – динамика убыли всей численности населения (раз): *1* – 0,99 и менее; *2* – от 1,00 до 1,49; *3* – от 1,50 до 1,99; *4* – от 2,00 до 2,49; *5* – 2,50 и более; границы: *6* – государств и областей; *7* – районов на начало 1958 г.; *8* – современные центры районов; *9* – бывшие центры районов.

К примеру, в соседней Новгородской области последняя волна существенной корректировки границ муниципалитетов пришлась на 2009–2010 гг. В Ленинградской области в большинстве районов количество муниципальных образований не изменялось с 2006 г. Таким образом, в Псковской области на фоне соседних регионов Северо-Запада процесс реформирования муниципальных образований протекает более интенсивно (рис. 7).

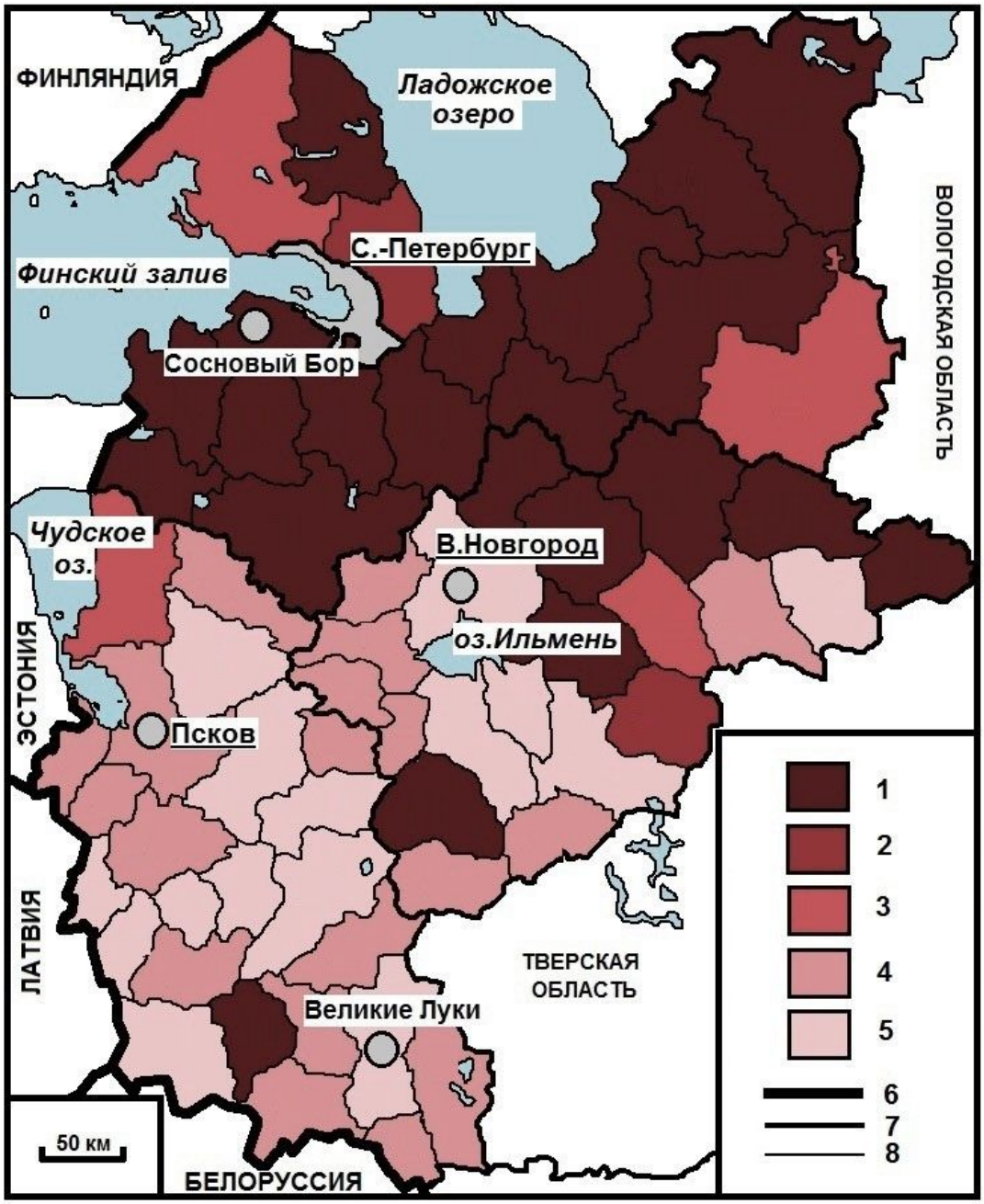


Рисунок 7 – Динамика количества муниципальных образований низового уровня в районах Северо-Запада в период 2006–2017 гг.

Изменение количества муниципальных образований в период с 2006 по 2017 гг. (2006 г.=100 %): *1* – 100 %, *2* – от 90 до 99,9 %, *3* – от 75 до 89,9 %, *4* – от 50 до 74,9 %, *5* – 49,9 % и менее; границы: *6* – государств, *7* – субъектов РФ, *8* – районов.

В последние десятилетия прослеживается целенаправленное сокращение центральных функций как районных, так и волостных центров. Как показал анализ преобразований АТД в советский период, укрупнение административных

районов негативно отразилось на системе сельского расселения региона, усилив поляризацию населения и приведя к появлению новых «окон» ускоренной депопуляции. То же касается и волостного уровня, который сейчас задействован в муниципальных преобразованиях. Каждая волость характеризуется многолетним укладом жизни, сложившимися взаимосвязями СНП с волостными центрами. В случае утраты самостоятельности какой-либо волости (ныне – сельского поселения) многолетние связи нарушаются, вызывая ускорение деградации сельской местности. В осуществляемой программе по оптимизации объектов социальной инфраструктуры бывшие центры сельских поселений и окружающая местность выступают основными площадками по закрытию школ, медицинских учреждений, магазинов и прочих объектов. Данные центры исторически выступали в качестве ядер притяжения на местном уровне, являлись узлами «опорного каркаса расселения» локального масштаба, при нарушении которого в последующие годы будут появляться новые «дыры» в системе расселения. Особенно это касается территорий, находящихся на периферии по отношению к основным социально-экономическим центрам региона.

Уже произошедшее уменьшение количества муниципальных образований низового уровня (волостей) привело к ухудшению транспортной доступности волостных центров со стороны сельских населенных пунктов. Нарушается принцип пешеходной доступности волостного центра за день, что в перспективе затормозит развитие удаленных территорий. Соответственно, ухудшится управляемость территории. В очередной раз произойдет разделение СНП на приоритетные и неприоритетные. В первом случае в более привилегированном положении окажутся СНП, находящиеся вблизи сохраненного волостного центра. В другую группу войдут СНП упраздненных волостей. Уменьшение внимания к этим территориям со стороны нового волостного центра создаст условия для превращения новоприсоединенных территорий в глухую периферию.

Таким образом, объединение как муниципальных образований волостного уровня, так и муниципальных районов, пока что соответствующих внутриобластному АТД, может привести в последующем к множеству

негативных последствий, особенно на территориях с неблагоприятными демографическими и социально-экономическими показателями. Эти вопросы должны тщательно прорабатываться с позиций исторического, социально-экономического, общественного развития и финансового положения той или иной территории, с составлением прогнозов развития различных ячеек административно-территориального и муниципального деления после их укрупнения.

4.4. Трансформация поселенческой структуры сельского населения

Псковский регион в первой половине XX в. сохранял статус преимущественно аграрной территории. Из 46 районов региона большинство обладало исключительно сельским населением. В районах, где были представлены городские поселения, доля сельского населения в 1926 г. составляла от 65,3 до 95,4 %. При этом в Псковском и Великолукском районах доля сельского населения была наименьшей.

Псковский регион в середине 1920-х гг. отличался самой высокой плотностью сельского населения в пределах Ленинградской области (27,5 чел. на кв. км). В современных границах Псковской области данный показатель составлял 28,3 чел. на кв. км (для примера, в 2010 г. – 3,6 чел. на кв. км). Повышенной плотностью населения характеризовались центральные районы Псковского и Великолукского округов. Окраинные районы уже тогда стали выделяться низкими показателями плотности сельского населения. Во-первых, это наиболее лесистые северные районы региона: Гдовский, Лядский, Плюсский, Полновский, Стругокрасненский, Середкинский и Новосельский. Другой ареал пониженной плотности сельского населения находился в юго-восточной части Псковского региона (восточная часть Великолукского округа). Это преимущественно заболоченные территории, особенно Цевельский и Холмский районы (Приложение 17).

Наибольшей густотой сельских населенных пунктов, как и в губернское время, характеризовалась Великорецкая низменность. Второй ареал повышенной густоты сельских поселений сформировался в средней части Великолукского округа. Северные, северо-восточные и южные районы Псковского региона отличались малой густотой сельских населенных пунктов (Приложение 18).

Другой из важнейших характеристик сельского расселения является средняя людность СНП. Данный показатель определяет условия жизни в населенном пункте. На размер данного показателя влияют три главные фактора: природные, социально-экономические и историко-культурные. Наиболее весомую роль играет первый фактор. Районы северной, северо-восточной и южной частей Псковского региона выделяются большой средней людностью СНП. Повышенная лесистость и заболоченность препятствовали равномерному размещению населения, и местное население концентрировалось преимущественно на дренированных участках. Поэтому на данных территориях исторически сложилось большое количество крупных населенных пунктов [124].

Значительная часть северо-восточной и южной частей региона находилась ранее в составе Порховского и Велижского уездов, которые отличались наивысшими показателями средней людности поселений. Центральные районы, расположенные в бассейне р. Великой, и юго-восточные районы Псковского региона отличались малой людностью СНП. На данных территориях имеется возможность развивать сельское хозяйство только на разбросанных небольших участках, благодаря чему расселение здесь становится более равномерным. Поэтому в этих районах исторически преобладали небольшие поселения. Местами был даже распространен хуторской уклад жизни, как, например, в соседних Эстонии и Латвии [124] (Приложение 19).

К 1957 г. Псковский регион почти вышел на современные внешние границы, лишь в 1958 г. в последний раз испытав изменение своих рубежей. Но внутреннее деление и в последующие годы многократно подвергалось реформированию. Система расселения за прошедшие три десятилетия была подвержена сильной трансформации.

Страшный урон системе расселения был нанесен в годы Великой Отечественной войны. Резко сократилась численность населения, многие сельские населенные пункты были уничтожены. Продвижения фронтов сопровождалось военными столкновениями, что приводило к разрушениям и значительным потерям, в т. ч. местного населения. Наибольшему разрушению подвергались сельские населенные пункты, находившиеся по пути движения военных колонн, вблизи от основных магистралей, промышленных центров, дислокации боевых подразделений, функционирования партизанских отрядов и др. Таким образом, географическое положение играло решающую роль в судьбе того или иного СНП. Потребовались многие годы на восстановление народного хозяйства региона. Сельское население уезжало возрождать города не только на территории Псковского региона, но и в другие регионы.

Великая Отечественная война показала, что большей живучестью обладают хутора, которые оставались не сселенными, в то время как колхозы и совхозы подвергались разорению, многие деревни были восстановлены с меньшим числом дворов, чем было до войны.

В послевоенные годы вновь была получена установка по продолжению коллективизации и сселению хуторов. В хуторской системе расселения руководство видело зло, разлагающее колхозы. Зачастую руководство шло на крайние меры. Но бывали случаи, что даже при практически снесенном хуторе люди продолжали жить там.

Относительную устойчивость хуторов можно проследить в западных районах области – Печорском, Качановском и Пыталовском, которые были образованы на территориях, переданных РСФСР из Эстонии и Латвии в 1945 г. Здесь основной была хуторская система расселения, преобладали середняцкие хозяйства. Хотя в этих районах проводилась в послевоенное время коллективизация, но она сначала не сопровождалась массовым сселением хуторов. Вплоть до 1957 г. эти районы испытывали проблемы, связанные с противниками новой власти («лесные братья», «айсарги» и др.). Из этих районов было выселено примерно 1,5 тыс. чел. Это были в основном были кулаки,

участники бандформирований, члены их семей и др. В основном их переселяли на спецпоселение в Красноярский край [225]. Хуторский уклад жизни представлялся властями с отрицательной стороны с предоставлением ряда аргументов, связанных с отдаленностью хуторов. Планы по сселению хуторов в трех районах протекали гораздо медленнее, чем на остальной территории региона. В 1960-е гг. этот вопрос стал постепенно закрываться, особенно в то время, когда усугубилось демографическое положение сельской местности. Однако в последующие годы вопрос о сокращения мелкоселенности был снова поднят [113; 115].

В начале 1949 г. в Псковском регионе началась компания по укрупнению колхозов, с 1950 г. это мероприятие приобрело всесоюзный характер. Невысокая производительность труда и расслоение коллективных хозяйств на более и менее благополучные приводили к преобразованию колхозов в совхозы. Сселение с хуторов отошло на второй план. Появилась необходимость в укрупнении деревень, которые стали центральными усадьбами крупных колхозов. Одновременно в 1950-е гг. продолжилась корректировка административно-территориальных единиц, особенно на низовом уровне. Укрупнение колхозов, сселение хуторов, корректировка административных границ и паспортизация сельского населения отразились на динамике системы расселения. В то время не учитывались система традиционных связей и инфраструктуры населения, определившейся ландшафтными условиями. Параллельно проводились мероприятия по сокращению инфраструктуры, в частности, ликвидация начальных школ, клубов, магазинов, медико-ветеринарных пунктов и др., особенно в тех сельских населенных пунктах, которые перестали быть центрами сельсоветов и центральными усадьбами колхозов после укрупнения. Население, в основном трудоспособное, активнее стало перемещаться в более крупные сельские населенные пункты и города. Паспортизация также обеспечила мобильность сельского населения. Это послужило активному перемещению сельского населения, в т. ч. в города и в другие регионы страны. Учитывая, что в Прибалтике были обеспечены наиболее комфортные условия в организации жизни сельского населения, часть эстонского, латышского и даже русского

населения поменяла свое место жительства, перебравшись в соседние Эстонскую и Латвийскую ССР.

Укрупнение колхозов продолжилось и в 1960-е гг., теперь некоторые из них достигали размеров сельсоветов. В то же время стала набирать силу программа по ликвидации неперспективных деревень и массового сокращения сельского населения. В середине 1970-х гг. новый удар по системе расселения и поселенческой структуре населения нанесла мелиорация земель. В ходе этого мероприятия подверглись ликвидации многие усадьбы и группы усадеб, что привело к началу 1980-х гг. к значительному подрыву хуторской системы расселения.

Крупные села стали доминирующими пунктами в развитии сельского хозяйства, и только они могли рассчитывать на дальнейшее свое развитие. Они служили для размещения руководства сельсовета, колхоза, совхоза, магазинов, медпунктов, школы, детских садов, дома культуры и др. Окружающие территории по отношению к центральным поселениям выступали в роли полигонов для размещения различных колхозных построек, создавая так называемый агропромышленный ландшафт [125].

Переход к многоселенной схеме организации колхозов в итоге привел к созданию следующей расселенческо-функциональной структуры: центральный поселок колхоза (совхоза) – поселок отделения совхоза (бригады колхоза) – вспомогательные, рядовые поселения (фермы, станы, жилые строения). Эта схема позволяла обеспечить жизнеспособность населенных пунктов, обладающих центральными функциями, с одновременной деградацией окружающих их поселений. Центральные СНП находились в наиболее выгодном положении, в них, как правило, размещалась вся необходимая инфраструктура, велось дорожное и жилищное строительство.

Создание моторно-транспортных станций (МТС) послужило еще одной движущей силой в трансформации поселенческой структуры сельского населения. Через МТС происходило влияние на хозяйственную деятельность, оттесняя на второй план руководящие органы низовой административной

системы. Все это приводило к рассогласованности колхозно-совхозной схемы расселения с административными (сельсоветами). Расширение сети МТС в основном возле крупных СНП, железнодорожных станций и др., где уже были предприятия хозяйственной и социальной инфраструктуры, привело к очередной трансформации системы сельского расселения, возникновению новых типов центров и новой периферии [65]. Последствия данной трансформации стали наиболее ощутимыми в 1980–90-е гг., а также продолжают проявляться и поныне. В результате последовавшей за распадом Советского Союза ликвидации колхозов и совхозов, данная схема перестала работать, и проведенное реформирование сельской местности с некоторым запаздыванием нанесло «добивающий» удар по сельской глубинке [125].

Многие мелкоселенные территории Нечерноземья, куда входит Псковская область, подверглись за прошедшее столетие значительному запустению. Вместе с сокращением сельского населения и СНП к концу 1950-х гг. изменились также и ключевые показатели сельского расселения. С усилением роли городских поселений доля сельского населения в некоторых районах уменьшилась, особенно в Псковском, Великолукском и Островском районах. В остальных районах сельское население сохраняло высокий удельный вес.

Наиболее плотно заселенной территорией Псковской области по-прежнему оставалась Великорецкая низменность. Повышенной плотностью населения характеризовались также территории, входившие в 1920–30-е гг. в состав прибалтийских республик. Северные, восточные и юго-западные районы, как и ранее, отличались относительно низкими показателями плотности сельского населения (см. Приложение 17).

Наибольшая густота сельских населенных пунктов была по-прежнему характерна для плотно заселенной Великорецкой низменности. Западные районы, ранее входившие в состав Латвии и Эстонии, также выделялись повышенной густотой сельских населенных пунктов. Здесь была велика доля хуторов, как и в соседних прибалтийских республиках. Некоторые признаки хуторского расселения можно было наблюдать и на других территориях, расположенных в

бассейне р. Великой. Другой ареал повышенной густоты СНП выделялся в центральной части Псковской области (Пушкиногорский, Сошихинский и Новоржевский районы). Здесь сеть сельских населенных пунктов сильно измельчена из-за преобладающего в этих районах холмисто-моренного рельефа (см. Приложение 18).

На показатель средней людности сельских поселений пока еще влияли преимущественно природные факторы. Параллельно с этим можно наблюдать тяготение ареалов повышенной людности сельских поселений к социально-экономическим центрам области – Пскову и Великим Лукам. Таким образом, социально-экономический фактор начал постепенно выходить на передний план в трансформации системы сельского расселения (см. Приложение 19).

В последующем, в 1960–70-е гг. стали активно проводиться мероприятия по реконструкции села. Предпринималась попытка изменения характера расселения регионов Нечерноземной зоны страны. Была поставлена цель – ликвидация неперспективных небольших деревень и укрупнение перспективных поселений. Но в результате был достигнут совсем противоположный результат. Население из неперспективных деревень более активно переселялось в городские поселения. В итоге крупные СНП стали переходить в разряд «средних», а средние – в разряд «малых». Таким образом, система расселения стала даже более мелкоселенной, чем до начала проведения данной программы [61; 120; 124].

Рост крупных сельских населенных пунктов осуществлялся, но за счет переселения населения более мелких СНП с одновременным оттоком из крупных поселений в города, в другие регионы. Впоследствии расселенные СНП массово снимались с учета. Именно этим объясняется резкое сокращение СНП в течение 1970–1989 гг. На это время пришлось ухудшение демографической обстановки, сопровождавшийся отрицательным естественным приростом и миграционном оттоком населения, в основном за счет сельской жителей. Эти процессы протекали с одновременным усилением индустриализации, сопровождавшийся росту городского населения. В расселении региона стала проявляться тенденция поляризации населения, как раз на период 1960–1980-х гг. приходиться массовое

приобретения СНП статуса поселков городского типа. В 1970-е гг. на Псковскую область пришелся так называемый «урбанистический переход», когда доля городского населения превзошла 50 %. Но на фоне соседних регионов Псковская область сильно запоздала с урбанистическим переходом. Вместе с тем, Псковская область начала принимать мигрантов и других регионов России и советских республик, что пополняло население в основном городов и крупных СНП. Этот процесс протекал до конца 1980-х гг. В это же время происходило возрастание роли поселений (городских и сельских), выполняющих центральные функции.

К 1989 г. численность сельских населенных пунктов уменьшилось, но в распределении СНП по числу жителей произошли заметные сдвиги. В общей структуре стабильный рост показывали крупные СНП (от 200 и больше чел.), в т. ч. и численность населения в них. Небольшие СНП (менее 200 чел.), доля которых по прежнему была наивысшей, характеризовались устойчивой убылью населения (см. Приложение 23).

Псковская область относится к староосвоенным регионам страны, и потому порайонные различия в плотности сельского населения здесь ранее не были значительными [124]. Плотность сельского населения Псковской области в 1959 г. составляла 12,5 чел. на кв. км. Средняя часть области (в т. ч. земли Великорецкой низменности) характеризовалась относительно повышенной плотностью сельского населения (более 10 чел. на кв. км). По этому показателю особо выделялись три административных района — Печорский, Палкинский и Пыталовский (свыше 20 чел. на кв. км). Северные районы области (Гдовский, Стругокрасненский и Плюсский) традиционно характеризовались низкой плотностью сельского населения (менее 8 чел. на кв. км) (Приложение 20).

В дальнейшем, благодаря развернувшимся процессам индустриализации и урбанизации, начали формироваться два пояса повышенной плотности сельского населения, которые окружали Псков и Великие Луки [124]. Районы средней части области стали испытывать наиболее заметное уменьшение сельского населения, и со временем превратились во «внутреннюю периферию» региона. В итоге за период 1959–1989 гг. произошли существенные изменения в структуре и формах

расселения. Все сильнее стала проявляться концентрация сельского расселения с увеличением доли мельчайших и наиболее крупных СНП [65].

В период между переписями 1989 и 2010 гг. темпы уменьшения сельского населения в Псковской области немного замедлились. Тем не менее, стали наиболее заметны два ареала повышенной плотности населения, окружающих главные города области. Расселенческие характеристики остальных районов области приобрели типичную периферийную «окраску». Но наиболее низкую плотность населения сохраняли районы, отличающиеся неблагоприятными природными условиями (повышенной заболоченностью, лесистостью и др.).

Одновременно с сокращением количества сельских населенных пунктов уменьшалась их густота (Приложение 21). Наибольшей густотой СНП, как и плотностью сельского населения, традиционно характеризовалась Великорецкая низменность. Особенно в этом плане в 1959 г. выделялись Пыталовский и Пушкиногорский районы (свыше 40 СНП на 100 кв. км). Северные, восточные и юго-восточные районы области характеризовались невысокой густотой СНП. К 1989 г., вместе со значительным сокращением количества сельских населенных пунктов, уменьшилась и их густота. В 2010 г. четко выделялись два ареала повышенной густоты СНП (западный и центральный) и два ареала с пониженной густотой сельских населенных пунктов (северный и юго-восточный). В целом густота СНП в пределах Псковской области в период 1959–2010 гг. уменьшилась в полтора раза (с 22,9 до 15 СНП на 100 кв. км).

Сокращение численности сельского населения и количества сельских поселений повлияло на динамику средней людности населенных пунктов (Приложение 22). Наблюдаемые различия в порайонных показателях по данной характеристике сельского расселения напрямую связаны с социально-экономическими, природными и историко-культурными факторами развития территорий. На картосхеме, отражающей среднюю людность сельских поселений в 1959 г., видно, как по этому показателю выделяются северные, северо-восточные и юго-восточные районы области. В губернское время большая часть этих территорий входила в состав Гдовского, Лужского, Порховского, Псковского

и Велижского уездов, которые в тот период отличались наивысшими показателями людности сельских поселений.

Особенно это отразилось на динамике средней людности СНП в период между переписями 1959 и 1989 гг. Во многих районах, занимающих полупериферийное положение (относительно Пскова и Великих Лук), данный показатель изменился наиболее сильно в худшую сторону. В последующие годы эта тенденция сохранилась. В итоге стали все более выделяться по этому показателю два района, тяготеющие к главным городам области: Псковский и Великолукский, где проявляется так называемое ***пригородное расселение***.

Псков и Великие Луки стали выступать в качестве ядер ***опорного каркаса расселения***. Данные центры втягивают в свое влияние и соседние районы благодаря устойчивым экономико-социальным, культурным и транспортным связям. Население этих районов работает преимущественно не в сфере сельского хозяйства, а в других секторах экономики (в т. ч. в промышленности и сфере услуг), и при этом совершают ежедневные поездки на работу в города [120]. Для примера можно привести соседнюю Новгородскую область, где выделяется три ядра опорного каркаса расселения – Великий Новгород, Боровичи и Старая Русса, но при этом прослеживается доминирование областного центра. В пределах Псковской области из двух ядер расселения ныне только областной центр имеет устойчивый рост, Великие Луки с конца 1990-х гг. снижают свое значение второго ядра, о чем свидетельствует убыль населения самого города и ускоряющаяся депопуляция окружающих территорий.

По показателю средней людности сельских населенных пунктов Псковская область в настоящее время занимает последнее место в стране (24,2 чел. на СНП в 2010 г.), что в 10 раз ниже по сравнению со среднестатистическим показателем по России [244].

С распадом СССР Псковская область вновь стала приграничной, что отразилась на расселении населения, особенно в приграничной полосе. В течение 1990-х гг. осуществлялся приток переселенцев из прибалтийских республик, в частности, обеспечивающих таможенную и пограничную службы. Граница вновь

стала выступать в качестве одного из ведущих факторов, влияющих на структуру населения.

Кроме фактора приграничности, на структуру населения стало оказывать большее влияние транспортно-географическое положение СНП. Это можно проследить по динамике сельского населения (в т. ч. на изменении плотности населения и людности СНП) за период 1989–2017 гг. Население все больше концентрируется вдоль основных транспортных путей (С.-Петербург – Киев, Рига – Москва), соединившие основные центры расселения. В данном случае в более выгодном положении оказалась западная часть области, через которую проходят наиболее значимые магистрали.

В последние десятилетия в Псковской области значимую роль в трансформации системы сельского расселения стало играть рекреационное и дачное население, которое пока не фиксируется статистикой, но является существенным фактором современной трансформации поселенческой структуры сельского населения. Многие деревни, в т. ч. неперспективные или даже не обладающие постоянным населением, выступают в качестве мест для размещения дачников и отдыха городского населения. Этим можно объяснить относительную устойчивость количества СНП в постсоветское время, несмотря на высокие темпы убыли сельского населения [65].

4.5. Трансформация поселенческой структуры городского населения

Самыми большими городами региона уже в 1930-е гг. являлись Псков и Великие Луки. В 1939 г. в этих городах проживало 60,4 и 34,9 тыс. чел. соответственно. Третьим городом по численности населения являлся Невель (15,6 тыс. чел.), четвертым – Дно (14,7 тыс. чел.) (Приложение 24) [49; 50]. Среди рабочих поселков в период с 1926 по 1939 гг. выделялись Чернево и Сланцы. Сланцы, расположенные ныне в Ленинградской области, находились до 1941 г. в Гдовском районе. В 1934 г. Сланцы получили статус рабочего поселка, а в 1939 г. – статус города, через два года став центром самостоятельного района, но уже в

составе Ленинградской области. Согласно итогам переписи 1939 г. в нем проживало 7,6 тыс. чел., а в 1959 г. – 35,3 тыс. чел. [49–51]. На ускоренное развитие города повлияла разработка местных сланцевых месторождений.

Чернево получило статус рабочего поселка в 1938 г. На развитие поселка повлияло строительство в 1884 г. спичечной фабрики. К 1939 г. численность населения поселка достигла 1834 чел. [49; 50]. Но в годы Великой Отечественной войны из поселка была эвакуирована значительная часть оборудования завода, а оставшаяся часть была уничтожена на месте. В дальнейшем здесь не стали восстанавливать производство спичек. По этой причине население поселка резко сократилось, и уже в 1940-е гг. он утратил статус рабочего поселка. В 1938 г., одновременно с Чернево, статус рабочего поселка получила Идрица (4224 чел. в 1939 г.) [49; 50]. Развитию поселка на начальном этапе способствовало расположение на железной дороге, до войны он был узловой железнодорожной станцией. Здесь были построены промышленные предприятия, сформированы воинские части.

Самым последним в Псковском регионе статус города получило Пыталово. Это произошло в 1933 г., когда город входил в состав Латвии и назывался Яунлатгале (с 1938 г. – Абрене) [232]. Своим возникновением Пыталово было обязано строительству железной дороги. Согласно итогам переписи 1935 г., проведенной в Латвии, в городе проживало 1242 чел.

Город Печоры (Петсери) с 1922 по 1939 гг. по темпам роста численности населения занимал второе место в Эстонии (после таллинского пригорода Нымме). Население города за этот период выросло почти в 2,5 раза (с 2013 до 4962 чел.) (Приложение 24) [276].

Среди других городских поселений по темпам роста населения выделялись железнодорожные узлы Дно, Новосокольники и Великие Луки. Начавшиеся коллективизация и индустриализация ускоряли приток населения в городские поселения. Город Дно в 1939 г. насчитывал 14,7 тыс. жителей. Это был максимум за все время существования города.

На динамике численности городского населения в период с 1939 по 1959 гг. сказались последствия Великой Отечественной войны. Тем не менее, городское население региона в этот период заметно увеличилось. Наиболее значительный рост численности жителей в это время наблюдался в Пыталово (почти в 2,8 раз) и Великих Луках (почти в 1,7 раз). Остальные города и поселки Псковской области к 1959 г. выросли незначительно или вовсе не достигли численности населения довоенного уровня. За этот период времени несколько поселений получило статус поселка городского типа, среди которых были Локня (1941 г.), Красный Луч (1958 г.) и Струги Красные (1958 г.).

Появление поселка Красный Луч было обязано строительству стекольного завода, который стал его градообразующим предприятием. С образованием в 1945 г. Печорского района, Новый Изборск получил статус города районного подчинения, но в 1956 г. был лишен этого статуса из-за малой численности населения, т. к. по новым критериям он не соответствовал уровню городского поселения.

Великие Луки с 1944 по 1957 гг. были центром самостоятельной области. Статус областного центра, а также развитие промышленности положительно отразились на динамике численности его населения. Великие Луки в этот период даже опережали Псков по темпам роста населения.

К моменту упразднения Великолукской области (1957 г.) на ее территории было 11 городов (в т. ч. 2 города областного значения) и 5 рабочих поселков. В то время в состав области входили города: Белый, Великие Луки, Невель, Нелидово, Новосокольники, Западная Двина, Опочка, Пустошка, Себеж, Торопец и Холм. Великие Луки (52,8 тыс. чел.) и Нелидово (22,3 тыс. чел.) являлись городами областного значения. Статус рабочих поселков имели: Жарковский, Идрица, Андреаполь, Локня и Пено. Городское население Великолукской области составляло 170,6 тыс. чел. (25,9 % от всего населения области) [166].

Во второй половине XX в. городское население Псковской области начало расти более динамично. В 1950–60-е гг. Псковская область подверглась ускоренной индустриализации, что отразилось и на высоких темпах урбанизации

региона [243]. В 1950-е гг. в Острове были открыты новые производства (цех Псковмаша, «Вектор», ряд предприятий пищевой и легкой промышленности). На рубеже 1960–70-х гг. численность населения Острова достигла 20 тыс. чел. [124]. Благодаря этому Остров получил, наравне с Псковом и Великими Луками, статус города областного значения, который сохранялся вплоть до 1990-х гг. Город Остров можно было по современным меркам отнести к разряду полусредних городов (от 20 до 50 тыс. чел.) (по классификации В.Г. Давидовича). Но стать одним из ядер опорного каркаса расселения (как Псков и Великие Луки) Остров так не смог, оставаясь в сфере влияния («тени») областного центра, т. к. расположен примерно в 50 км от Пскова. Четвертым городом по величине является Невель, который на рубеже 1970–80-хх гг. смог перейти в разряд полусредних городов, но этот статус утратил в начале XXI в. из-за сокращения населения. Невель находится в сфере влияния Великих Лук, располагаясь примерно 60 км от второго по величине и значимости города области.

Рост численности населения Порхова стимулировало появление в 1960-е гг. новых промышленных производств. В городе шло развитие электротехники и радиоэлектроники. К концу 1960-х гг. Порхов догнал Дно по численности населения, а в середине 1970-х гг. смог даже обойти его. В 1989 г. в Порхове прошивало около 14 тыс. чел. (Приложение 25).

Население Печор в конце 1950-х гг. составляло около 7 тыс. чел., а к концу 1980-х гг. приблизилось к 12 тыс. чел. В 1970–80-е гг. в городе было создано предприятие по производству керамических изделий, благодаря которому Печоры ускорили свое развитие. Пыталово до 1989 г. являлось одним из наиболее быстрорастущих городов области (население города выросло с 3,5 до 7 тыс. чел.) [124]. В нем в 1960–70-е гг. были построены крупные предприятия: льнозавод, швейно-галантерейная фабрика и др.

Городское население Псковской области начало интенсивно расти только с середины XX в. Так, по результатам переписи 1959 г., доля городского населения в регионе составляла 22,6 %, а в 1970 г. – уже 42,6 %. В 1976 г. доля городского населения впервые за всю историю региона превысила 50 % и это означало, что

Псковская область наконец-то совершила урбанизационный переход. На фоне соседних областей этот переход произошел намного позднее. К примеру, в Новгородской области он произошел в 1968 г., в Тверской – в 1965 г., в Смоленской – в 1972 г., в Ленинградской (включая С.-Петербург) – на рубеже XIX–XX вв. [65]. В последующем рост доли городского населения продолжился и, согласно переписи 2010 г., горожане составляли 70 % населения области.

Ранее многочисленное сельское население служило в качестве подпитки городских поселений. Рост городов и поселков городского типа сопровождался массовым присоединением к ним СНП. Прослеживались сельские вкрапления в городскую среду, сельские черты можно было наблюдать в «сельских городах и ПГТ», «деревнях в городах». К примеру, в Пскове о своем деревенском прошлом могут напомнить названия следующих районов и микрорайонов: Снятная Гора, Овсище, Корытово, Подвишенье, Себежско, Панино, Любятово, Лопатино, Кресты и многие другие. Усилившиеся миграционные потоки из сельской местности в городские поселения привносили в последние традиционную деревенскую культуру. Новые жители городских поселений не сразу принимали новый образ жизни [65].

Во второй половине XX в. некоторые сельские поселения региона получили статус ПГТ. Для получения данного статуса было необходимо, чтобы в поселке проживало свыше 3 тыс. чел., при этом 80 % населения не должно быть занято в сельскохозяйственном секторе экономики. Минимальная численность населения городов тогда была определена в 12 тыс. чел.

Всплеск возникновения новых ПГТ пришелся на 1960-е гг. В это десятилетие шесть поселений получили данный статус: Пушкинские Горы (1960 г.), Заплюсье (1961 г.), Бежаницы (1961 г.), Кунья (1966 г.), Красногородское (1967 г.) и Дедовичи (1967 г.). Заплюсье получил статус ПГТ в 1961 г., а современный райцентр Плюсса – только в 1971 г. Таким образом, Заплюсье в 1960-е гг. было самым большим поселением в Плюсском районе. Поселок развивался благодаря торфодобыче с дальнейшей переработкой торфа. Поселок Дедовичи получил статус ПГТ в 1967 г., и с этого времени численность

его населения стала расти достаточно высокими темпами. В 1980-е гг. рядом с поселком началось строительство Псковской ГРЭС, что дало еще больший толчок развитию поселения. Вблизи строящейся ГРЭС появился фактически новый поселок энергетиков. За 1980-е гг. население Дедовичей выросло в 1,5 раза [124].

Последними поселениями, получившими статус ПГТ среди нынешних районных центров Псковской области (в 1985 г.), стали Палкино и Усвяты. До этого времени Усвяты были весьма большим сельским поселением, например, в 1939 г. в них насчитывалось около 3 тыс. жителей. В то же время в Палкино насчитывалось всего 512 чел., а в 1959 г. – 925 чел. [49; 50; 208]. Зато в период с 1959 по 1989 гг. Палкино вошло в число самых быстрорастущих ПГТ области, вместе с Бежаницами и Дедовичами (Приложение 24).

В период с 1959 по 1989 гг. почти все городские поселения Псковской области показывали положительную динамику роста численности населения. Исключение составляли ПГТ Красный Луч и Заплюсье.

По степени урбанизированности на всем протяжении периода с 1959 по 2010 гг. выделялись Псковский и Великолукский районы. Количество жителей в Пскове к середине 1960-х гг. превзошло отметку в 100 тыс. чел., и областной центр перешел из разряда средних городов в категорию больших городов. Во второй половине 1980-х гг. Псков преодолел рубеж в 200 тыс. чел. Великие Луки в этот период также сохраняли динамичное развитие. Здесь 100-тысячный житель был зарегистрирован ближе к концу 1970-х гг. Вплоть до середины 2000-х гг. в регионе были 2 больших (Псков и Великие Луки), 2 полусредних (Остров и Невель) и 10 малых городов. Средние города с населением от 50 до 100 тыс. человек отсутствовали.

Период с 1989 по 2010 гг. характеризовался разнонаправленной динамикой в развитии различных городских поселений региона. Причиной этого стали экономический кризис и одновременно усугубившийся в 1990-е гг. демографический кризис. Рост численности городского населения продолжался до середины 1990-х гг., затем началось уменьшение количества городских жителей, которое продолжается и по сей день. Тем не менее, этот спад протекает

не столь интенсивно, как в сельской местности. При этом в некоторых городских поселениях по-прежнему сохраняется рост населения. Кризис стал переломным в трансформации городской системы расселения. Многофункциональные города, такие как Псков и Великие Луки, оказались более устойчивыми к новым социально-экономичеким реалиям. Остальные города и ПГТ, особенно удаленные от основных транспортных магистралей и выполняющие функции центров сельскохозяйственных районов, оказались в упадке, в частности, вызванном стагнацией сельского хозяйства. Ослабление промышленных предприятий сильно ударило по ПГТ, где они обладали градообразующими функциями, например, в Красном Луче и Заплюсье.

В 1998–1999 гг. в Острове и Печорах численность населения достигла максимума – 30 тыс. чел. 14,1 тыс. чел. соответственно. В Печорах продолжалось развитие керамического комбината, что обеспечивало приток рабочей силы в город извне. Вместе с тем, с установлением государственной границы с Эстонией, Печоры приобрели новую функцию – пограничную транспортно-таможенную. В Пыталово, как и в Печорах, было создано транспортно-таможенное управление. Численность населения города к 1996 г. достигла 7,3 тыс. чел. [165]. На росте населения в поселке Палкино (3,8 тыс. чел. в 2000 г.) сказалась его близость к областному центру.

Строительство Псковской ГРЭС стимулировало развитие ПГТ Дедовичи. Благодаря миграционную притоку численность населения в Дедовичах увеличилась до 10,5 тыс. чел. в 1997 г. В это время Себеж стремительно терял свое население – в 1979 г. в нем проживало 10,5 тыс. чел., в 1998 г. – 9,5 тыс. чел, в 2000 г. – 6,3 тыс. чел. Такое резкое сокращение населения было вызвано отделением от Себежа закрытого поселка Сосновый Бор (бывший Себеж-5). Сосновый Бор получил статус ПГТ в 1997 г. С этого времени Себежский район стал лидером в Псковской области по количеству городских поселений, которых стало три (Себеж, Сосновый Бор и Идрица). Причем в Себежском районе находится как самый старый ПГТ области, так и самый молодой.

Численность населения Пскова быстро росла до 1992 г., достигнув отметки 209 тыс. чел., а г. Великие Луки достигли максимума населения в 1998–1999 гг. – 117,1 тыс. чел. [214; 234]. Два главных города региона в последующие годы начали терять свое население. Но лишь областному центру в последнее время удалось перейти к небольшому росту населения за счет миграционного притока, благодаря чему был даже немного превышен уровень начала 1990-х гг. В начале 2017 г. численность населения Пскова оценивалась в 210 тыс. чел. Этот рост был обусловлен областным статусом города, что способствовало стягиванию в него населения из разных уголков Псковской области.

Великие Луки, наоборот, сохраняют отрицательную динамику населения и к настоящему времени уже перешли в категорию средних городов (от 50 до 100 тыс. чел.). Но город частично сохранил свой промышленный потенциал, и его до сих пор не редко называют «промышленной столицей» Псковской области [141]. Остальные городские поселения в основном прекратили свой рост на рубеже 1980–90-гг.

Несмотря на сокращение в постсоветское время численности городского населения в Псковской области пока еще не наблюдалось разжалования городских поселений в сельские. В это же время, например, в соседней Новгородской области из 32 городских поселений (10 городов и 22 ПГТ) осталось всего 21 (10 городов и 11 ПГТ) (2 ПГТ вошли в состав Великого Новгорода). В Псковской области сохраняется 14 городов и 14 ПГТ. Хотя, согласно результатам муниципальной реформы 2005–2016 гг., в области организовано только два городских округа (Псков и Великие Луки), остальные получили статус городских поселений (в границах городов или ПГТ), за исключением ПГТ Красный Луч, который вошел в состав сельского поселения Полистовский. Вопрос по преобразованию городских поселений в СНП может стать актуальным в самое ближайшее время (особенно в условиях оптимизации муниципального устройства), т. к. большинство городов и ПГТ уже не соответствует современным критериям статуса городских поселений.

4.6. Трансформация этнической структуры населения

Русское население во второй половине 1920-х гг. составляло подавляющее населения во всех районах Псковского региона. Особенно выделялись районы средней части региона, где доля русских превышала 98 %. В Псковском округе их доля была, выше чем в Великолукском округе [36; 211]. В Великолукском округе и части районов Лужского округа заметную долю в населении составляли национальные меньшинства (эстонцы, латыши, белорусы, евреи, поляки и др.). Также повышена доля этнических групп была и в уездах, вошедших в 1920 г. в состав Эстонии и Латвии. В уезде Петсеримаа по переписи 1922 г. доля русских составляла всего 63,8 %, в Качановской волости и Пыталовском крае по переписи 1925 г. 82 и 94,4 % соответственно. В 1920–30-е гг. здесь наблюдался процесс ассимиляции русского населения, поддерживаемый властями прибалтийских государств [282; 290].

В целом по всему региону (включая Лужский, Псковский и Великолукский округа, уезд Петсеримаа, Качановский и Пыталовский края) можно проследить пояс вдоль западной и южной границ региона с пониженной долей русских и внутреннее «русское ядро» (Приложение 25).

В 1939 г. в СССР была проведена очередная перепись населения, согласно которой русское население сохранило свое явное преобладание. Наиболее высокая доля русского населения (свыше 98 %) была в центральных районах Псковского округа и на севере Опочецкого округа. При этом на севере рассматриваемой территории, где была повышена доля эстонцев и латышей, русское население составляло менее 95 %.

Последние переписи на западных окраинах Псковского региона, временно вошедших в состав прибалтийских республик, проводились в 1934 г. (в Эстонии) [283] и 1935 г. (в Латвии) [284]. В это время территории Пыталовского и Качановского краев находились в составе Яунлатгальского (с 1938 г. – Абренского) уезда Латвии. Сведения переписи 1935 г. показывают значительный перевес русского населения на данных территориях. Это были одни из самых

«русских» районов как Абренского уезда, так и всей Латгалии и Латвии. Но доля русских постепенно сокращалась вследствие усиления роли латышского языка в стране, а также активного заселения приграничных районов латышами (Приложение 28).

В 1970 г. в населении Псковской области доля русских составляла 96,6 % [177]. Наиболее высокой доля русских была в населении центральных и восточных районов области. Вместе с тем, ниже всего была доля русского населения в районах, находящихся на севере и северо-западе Псковской области, что было связано с наличием на данных территориях представителей других национальных групп, в частности, эстонцев и латышей [55].

В 1989 г. русское население в Псковской области составляло 94,3 %, что по сравнению с 1970 г. ниже на 2,3 % [177]. Снижение данного показателя было связано, в первую очередь, с ростом доли украинцев и белорусов [177].

В 2010 г. удельный вес русских в населении области составлял 95 %. При этом доля русских была наибольшей в пределах области в Великолукском, Дновском, Красногородском и Локнянском районах и в Великих Луках. Наименьшая доля русских была в Печорском, Себежском, Стругокрасненском и Пыталовском районах [88]. По сравнению с 1989 г., сильное сокращение доли русских было зарегистрировано в Палкинском, Новоржевском, Себежском и Псковском районах (Приложение 29).

Белорусы в 1926 г. больше всего были сконцентрированы в Великолукском округе, преимущественно на территориях, некогда входивших ранее в состав Витебской губернии. Повышенный процент белорусского населения (свыше 5 %) наблюдался в Велижском, Усмынском, Поречском, Невельском, Усвятском и Пустошкинском районах. В целом по округу их доля составляла 3,8 %. Тем не менее, большинство белорусов сильно обрусело, большая часть населения родным языком считала русский язык и лишь 3 % – белорусский. Образ жизни белорусского населения почти не отличался от окружающего русского населения [175]. В Псковском и Лужском округах доля белорусов была достаточно низкой (Приложение 26).

Значительная часть украинцев и белорусов проживала в городских поселениях. К 1939 г. их доля заметно уменьшилась [50]. Данное сокращение объясняется, в первую очередь, их ассимиляцией со стороны русского населения и миграцией белорусов в другие регионы, в частности, в Белорусскую ССР. Белорусов в 1970 г. насчитывалось 0,66 % от всего населения Псковской области [55]. Доля белорусского населения, как и украинцев, наиболее быстро росла после Великой Отечественной войны [124]. К началу 1970-х гг. белорусов в регионе стало больше, чем эстонцев (вместе с сету – 0,54 %) [124]. Повышенная доля белорусов отмечалась в южных районах Псковской области, пограничных с Белоруссией, особенно в Невельском и Себежском районах, а также в городах Пскове и Великих Луках. Также в 1950–60-х гг. за счет миграций произошло повышение доли белорусского населения в северных районах области [55].

По данным переписи 1989 г. в Псковской области доля белорусов составляла 1,48 % [177]. Наибольшая доля белорусов по-прежнему была зафиксирована в приграничных с Белоруссией районах. В этих же районах произошел наиболее заметный рост их доли. Судя по всему, это было связано с новым миграционным притоком белорусов из соседних районов Белоруссии. Но самой высокой в 1989 г. стала доля белорусов в Пыталовском районе (5,44 %) [177], расположенном близ границы с Латвией. Их доля здесь выросла с 1970 г. на 5,2 %. В Пыталовском районе в 1980-е гг. был даже основан поселок Белорусский.

После распада СССР начался отток белорусов на родину, а также ускорился процесс их ассимиляции в русской среде. Вследствие этого доля белорусов в районах северной и средней частей области стала быстро уменьшаться [142]. В 2010 г. их доля в населении Псковской области сократилась до 1 %. Белорусы традиционно концентрировались на юге области. Из всех остальных районов по-прежнему выделялся Пыталовский (2,8 %). Наименьшей долей белорусов отличались Бежаницкий, Дновский, Великолукский, Новосокольнический и Порховский районы [88]. К 2010 г. доля белорусов в большинстве районов Псковской области заметно уменьшилась, и лишь в Новоржевском, Палкинском и Стругокрасненском районах произошел ее небольшой рост (Приложение 30).

Украинцы в 1926–1939 гг. концентрировались в больших городских поселениях (в Пскове, Великих Луках, Опочке и др.), в поселениях при транспортных узлах (Дно, Луга и др.) (Приложения 26 и 28). В 1970 г. украинцы занимали вторую позицию среди национальностей в Псковской области с долей примерно 1 % от всего населения. Доля украинского населения, как и белорусского, начала расти быстрыми темпами лишь после Великой Отечественной войны. Миграции украинцев были направлены в регионы с низким демографическим потенциалом (Прибалтику, Смоленскую, Псковскую области и др.). Благодаря этому украинцы смогли в некоторой степени компенсировать начавшуюся на этих территориях депопуляцию. По результатам переписи 1959 г. они уже занимали третье место среди национальностей, уступая лишь русским и эстонцам (включая сету). Украинцы переселялись преимущественно на север и северо-запад Псковской области [148]. Достаточно много украинцев проживало в Островском районе (в основном в г. Острове), а также в Бежаницком, Себежском, Печорском районах и главных городах области – Пскове и Великих Луках [55].

Доля украинцев в Псковской области к 1989 г. увеличилась до 1,82 %, тем самым закрепив за ними первое место в регионе среди малых этнических групп [177]. Причем рост доли украинского населения был также отмечен в соседних с Псковской областью Прибалтийских республиках. В западных районах региона, граничивших с этими республиками, в период 1970–1989 гг. отмечался также повышенный рост данной этнической группы. Если в 1950–60-х гг. украинцы в основном селились на севере и северо-западе области, то в 1970–80-е гг. – в южных районах [124]. Доля украинцев была повышена в г. Пскове, а также в окраинных районах области [177].

В 2010 г. украинцы по-прежнему занимали вторую строчку среди национальностей региона. Но их доля в населении области уменьшилась до 1,3 %, что на 0,52 % ниже показателя 1989 г. [88]. Повышенная доля украинского населения в 2010 г. отмечалась в северных районах области, западных приграничных районах, а также в г. Пскове и г. Острове (Приложение 31) [88].

Эстонцы и сету на рассматриваемой территории были наиболее многочисленными представителями народов финно-угорской группы уральской языковой семьи. В некоторых районах на севере Псковского региона эстонцы в 1926–1939 гг. составляли свыше 10 % населения. Эта территория находилась в зоне активного переселения прибалтийских народов (эстонцев и латышей) во второй половине XIX в., будучи тогда в составе С.-Петербургской губернии [175]. В миграционном движении принимали участие все слои населения, в т. ч. арендаторы, батраки, бобыли и др. Переселение эстонского населения способствовало образованию эстонского национального меньшинства за пределами территории их основного проживания. Несмотря на это, эстонское население сохранило свое национальное самосознание, культуру, язык, религию и обычаи. Восточное Причудье в народе и сейчас часто называют Чухонщиной. Ныне это территория Гдовского, Стругокрасненского и Усвятского районов Псковской области.

В пределах Великолукского округа эстонское население концентрировалось на востоке и в центре, куда также в XIX в. шел поток переселенцев (эти территории в основном находились в составе Холмского и Торопецкого уездов). Здесь их доля в среднем была ниже, чем на севере Псковского региона (от 1 до 5 %). В среднем по округу их доля была небольшой, всего 1,1 %. На границе между Псковским и Великолукским округами, в районе Бежаницкой возвышенности, также наблюдался повышенный процент эстонского населения.

Также финно-угорское население компактно проживало на территории уезда Петсеримаа, который с 1920 г. по Тартускому договору был передан в состав Эстонии (Приложения 27 и 28). Суммарная доля эстонского и сетуского населения здесь составляла 31,9 % (эстонцы – 6,5 %, сету – 25,5 %). Одновременно, в 1920–30-е гг. предпринималась попытка ассимиляции русских и сету [139; 282].

Во время немецко-фашисткой оккупации, германские власти предлагали эстонцам, подвергнувшихся коллективизации, раскулачиванию и сселению с хуторов в 1939 г., вернуться на историческую родину. Многие этим

воспользовались, в связи с чем доля эстонцев в последующие годы значительно сократилась. Ассимиляция также повлияла на динамику доли данной национальной группы [136; 150].

Эстонцы в Псковской области концентрируются в основном в районах своего традиционного обитания. В первую очередь, это территория Печорского района, где эстонцы, вместе с сету, составляли в 1970 г. 8,52 % населения [55]. Сету, в отличие от эстонцев, приняли православную религию, чему способствовало основание в XV в. Псково-Печерского монастыря. До этого сету сохраняли языческие обряды [150]. В культуре сету и поныне сохраняются элементы язычества, при этом отсутствуют элементы лютеранства, определяющие традиционную эстонскую культуру [151]. Кроме того, по-прежнему повышенная доля эстонцев в 1970 г. была зафиксирована на севере области [55].

Доля эстонцев в Псковской области в 1989 г. уменьшилась до 0,27 %, что сместило данную этническую группу на пятое место в списке национальностей региона. По-прежнему в лидерах по доле эстонского населения значились Печорский район (вместе с сету – 4,17 %), Гдовский, Плюсский и Стругокрасненский районы. Меньше всего эстонцев проживало в Себежском, Новоржевском и Невельском районах [177]. Печорский район испытал с 1970 г. наибольший спад доли эстонцев и сету, хотя и оставался лидером в Псковской области по их доле. Также быстрыми темпами уменьшалась доля эстонцев в северных районах области.

В 2010 г. эстонцы концентрировались в тех же районах [88]. Причем в Печорском районе большую часть эстонско-сетуского населения стали составлять собственно сету, хотя и их численность в постсоветское время уменьшилась в несколько раз. А в северной части области сохранились лишь «следы» пребывания ранее достаточно многочисленного эстонского населения. Эстонцы (вместе с сету) ныне составляют примерно 0,1 % населения области и замыкают первую десятку национальностей [88; 142]. В 1989–2010 гг. почти во всех районах (кроме Себежского) доля эстонцев сильно уменьшилась (Приложение 33).

Латыши, как и эстонцы, переселялись в XIX в. в Псковскую и С.-Петербургскую губернии из Лифляндской губернии. Заселение латышей происходило в основном на те же самые территории, куда селились эстонцы. Латышское население проживало преимущественно на хуторах. Активное переселение латышей происходило в 1860–90-ее гг. [175]. Латышское население в 1926–1939 гг. проживало преимущественно в северной части Псковского региона.

В Великолукском округе в 1926–1927 гг. зонами компактного проживания латышей были Бологовский район, Холмский, Октябрьский (центр – Хотилицы), Торопецкий, Ленинский (центр – Торопа) и др. [175, с. 14–16]. Таким образом, выделялась восточная и южная часть Великолукского округа, куда латыши активно переселялись (вместе с эстонцами) в XIX – начале XX вв.

Повышенный процент латышского населения по данным переписи 1925 г. отмечался в Качановском и Пыталовском краях (16,8 и 4 %), которые в то время находились в составе Латвии [290]. Однако, в период 1925–1935 гг. доля латышей в современных границах Пыталовского района увеличился с 4 % до 11 %. Политика по «латышизации» населения приносила свои плоды. Одновременно наблюдались миграционные потоки латышского населения со стороны РСФСР (Приложение 27).

Эстонские и латышские хозяйства к началу 1920-х гг. достигли высоких показателей в развитии сельского хозяйства. Это сказалось на их дальнейшей жизни. Значительная часть их была приписана к категории зажиточных и кулацких. Население было подвержено раскулачиванию с высылкой их в другие регионы страны и от сталинских репрессий. Пик раскулачивания эстонцев достиг в 1935 г. В момент репрессий (1937–1938 гг.) на расстрел осуждались в основном главы хозяйств. Эстонские и латышские семьи были подвержены депортациям, в основном на Север, Урал, Киргизию и Таджикистан [136; 153].

В 1970 г. латыши концентрировались в районах, которые в 1920–30-е гг. входили в состав Латвии и Эстонии. В Печорском районе их доля составляла

1,08 %, в Пыталовском и Палкинском районах – 0,8 и 0,53 % соответственно. В Псковской области их доля в 1970 г. составляла 0,16 % [55].

В 1989 и 2010 гг. латыши по-прежнему концентрировались в приграничных районах. В целом в пределах области их доля уменьшилась до 0,07 %, и они переместились на 13-е место среди национальностей региона (Приложение 32) [88; 177].

Латгальское население было зафиксировано в Псковском регионе, когда он входил в состав Ленинградской области. Латгальцы в 1930-е гг. проживали в основном в Усвятском районе (в селе Ново-Адамово – 616 чел.). Здесь, благодаря им, был организован национальный сельсовет – Ново-Адамовский [175, с. 16].

Поляки в основном проживали в городах Псковского региона: в Пскове, Великих Луках, Опочке, Луге и др. Многие из них переселились из других регионов. В Великолукском округе в 1930-е гг. доля поляков была высока в Себежском, Идрицком, Невельском и Велижском районах. Эти районы некоторое время входили в состав Речи Посполитой, вплоть до первого ее раздела в 1772 г. [49; 50]. В пределах Пыталовского края поляки компактно проживали в Гаурской (Гавровской) волости, где их доля превышала 2 %. Более 1–1,5 % поляков, как в сельской местности, так и в городских поселениях, проживало 1939 г. в Себежском и Идрицком районах (Приложение 26).

Среди других малочисленных народов, которые проживают в регионе, отметим также ***евреев***. Еврейское население первоначально концентрировалось в пределах т. н. «черты оседлости», где они могли свободно передвигаться, но переезд через эту черту грозил арестом, высылкой и другими административными репрессиями. Но даже в пределах «черты оседлости» им запрещалось жить в сельской местности. Компактно евреи проживали в городах и местечках южных районов Великолукского округа. Эти территории ранее входили в состав Витебской губернии. В Себеже доля еврейского населения составляла 14 %, а в Невеле – 20,4 %. В сельской местности их доля от общей численности сельского населения редко превышала 1 %. (Приложение 27 и 28) [175, с. 16–18].

После революции евреи начали мигрировать за пределы данных территорий, где ускорилась их ассимиляция. Кроме того, серьезный удар по их численности нанес геноцид евреев в период немецкой оккупации этих территорий в годы Великой Отечественной войны. В дальнейшем ускорился отток еврейского населения в крупные города страны и в Израиль [142].

Доля евреев в населении области в 2010 г. составила 0,06 %. Для сравнения, их удельный вес в населении региона в 1970 г. составлял 0,27 %, а в 1959 г. – 0,32 %. Наибольшая доля евреев в 1970 г. была в Себежском и Невельском районах, а также в Пскове и Великих Луках [55]. В Пыталовском, Новоржевском и Гдовском районах процент евреев был минимален, а в Красногородском районе евреи и вовсе не были зарегистрированы [55; 56].

По данным переписи 1989 г. евреи проживали преимущественно в городах области, особенно в Пскове и Великих Луках. Среди районов наиболее выделялись Невельский и Себежский районы, входящие в традиционный ареал проживания евреев. Меньше всего евреев было зафиксировано в Новосокольническом и Локнянском районах, и совсем их не было выявлено в Красногородском районе. В Псковской области евреи в 1989 г. составляли 0,16 % населения и занимали 6-е место по численности в списке национальностей [177].

В 2010 г., как и ранее, евреи концентрировались в городских округах – Пскове и Великих Луках, а также в Невельском районе. Минимальной доля евреев была в Локнянском, Новоржевском, Печорском, Порховском и Стругокрасненском районах. А в Красногородском, Куньинском, Палкинском и Бежаницком районах еврейское население вовсе не было зарегистрировано [88].

Цыгане, проживающие в Псковской области, относятся к северно-русской и балтийской группам цыган, куда также входят белорусско-литовские и латышские цыгане. Цыгане предположительно вышли из Индии не позднее второй половины I тысячелетия н. э. Пройдя через территорию современной Турции, они в последующем расселились по Европе. На рубеже XV–XVI вв. цыгане переселились из Германии в Литву и Ливонию. Отсюда в XVIII в. они мигрировали в западные и центральные губернии России [124].

Согласно статистике, доля цыган в послевоенное время постоянно росла. В 1959 г. их доля составляла 0,2 %, в 1979 г. – 0,29 % [55; 56]. Среди всех национальных групп они занимали в 1970 г. 5-е место, а в 1979 г. – уже 4-е. В это время цыгане по численности обошли евреев [124]. В 1979 г. наибольшая их доля была зафиксирована в центральных районах области: Пушкиногорском, Новоржевском, Псковском и Порховском, а также в Невельском районе. В Плюсском и Стругокрасненском районах их доля была самой низкой в области, а в Пустошкинском и в Куньинском районах они и вовсе не были указаны [55; 56].

В Псковской области в 1989 г. цыгане составляли 0,39 % населения [177]. Наибольшая доля цыган приходилась на Новоржевский, Пушкиногорский, Псковский и Невельский районы. Вероятно, что рост численности данной этнической группы связан не столько с миграциями извне, а столько с изменением отношения к их регистрации на территории области. Цыганам были созданы благоприятные условия для оседания, благодаря чему они охватывались статистическим учетом населения. Цыгане оседали преимущественно в центральных районах (Новоржевском, Пушкиногорском, Островском, Псковском) и юго-восточных (Куньинском и Великолукском). Однако, что касается юго-востока области, здесь последующими переписями была зафиксирована более низкая доля цыган [142]. Меньше всего цыган было зарегистрировано в Бежаницком и Локнянском районах, а также в Великих Луках.

В 2010 г. в Псковской области цыгане составили 0,5 % населения, т. е. на 0,11 % больше, чем в 1989 г. [88]. Цыгане по-прежнему концентрировались в Пушкиногорском, Новоржевском, Невельском и Псковском районах. В Гдовском, Дновском, Локнянском, Пустошкинском и Стругокрасненском районах их доля была самой низкой. Доля цыган в населении большинства районов области в 1989–2010 гг. заметно выросла (Приложение 34).

В последние два десятилетия значительно выросла доля некоторых нетрадиционных для Псковщины национальных групп, в особенности, армян, азербайджанцев, узбеков, таджиков и татар. В большинстве случаев этот рост связан с трудовыми миграциями из бывших союзных республик, в основном

закавказских и среднеазиатских, после распада СССР [142]. Так, например, к 2010 г. доля ***армян*** в населении Псковской области выросла до 0,37 %, ***азербайджанцев*** – до 0,2 %, ***узбеков*** – до 0,1 %, ***таджиков*** – до 0,07 %. Что касается татар, молдаван, чувашей и чеченцев, то их численность быстро росла вплоть до переписи 2002 г., но к 2010 г. их доля несколько уменьшилась [88; 176]. К настоящему моменту заметно изменилась структура неславянского этнического компонента, что связано с распадом СССР и сложной обстановкой в республиках Северного Кавказа [142].

4.7. Геодинамика этноконтактных зон

Русско-белорусская ЭКЗ за последние столетия постепенно смещается с современной территории России на белорусские земли. После включения Себежского, Невельского и Велижского уездов в состав Псковской губернии (в 1924 г.) здесь наблюдались достаточно высокие показатели ИЭМ. Картосхема, где отражен ИЭМ за 1926–1927 гг., позволяет оценить степень этнической пестроты этих территорий (рис. 8). В настоящее время южные районы Псковской области практически полностью «обрусели» (ИЭМ от 0,1 до 0,15) (рис. 9).

Сето-Печорская ЭКЗ, территория которой находилась в составе Эстонии в начале 1920-х гг., отличалась тогда высоким ИЭМ (свыше 0,5), что позволяет говорить о высокой степени выраженности данной ЭКЗ в то время. С тех пор началось постепенное снижение ИЭМ, свидетельствующее о растворении ЭКЗ. В настоящее время в Печорском районе ИЭМ составляет менее 0,15.

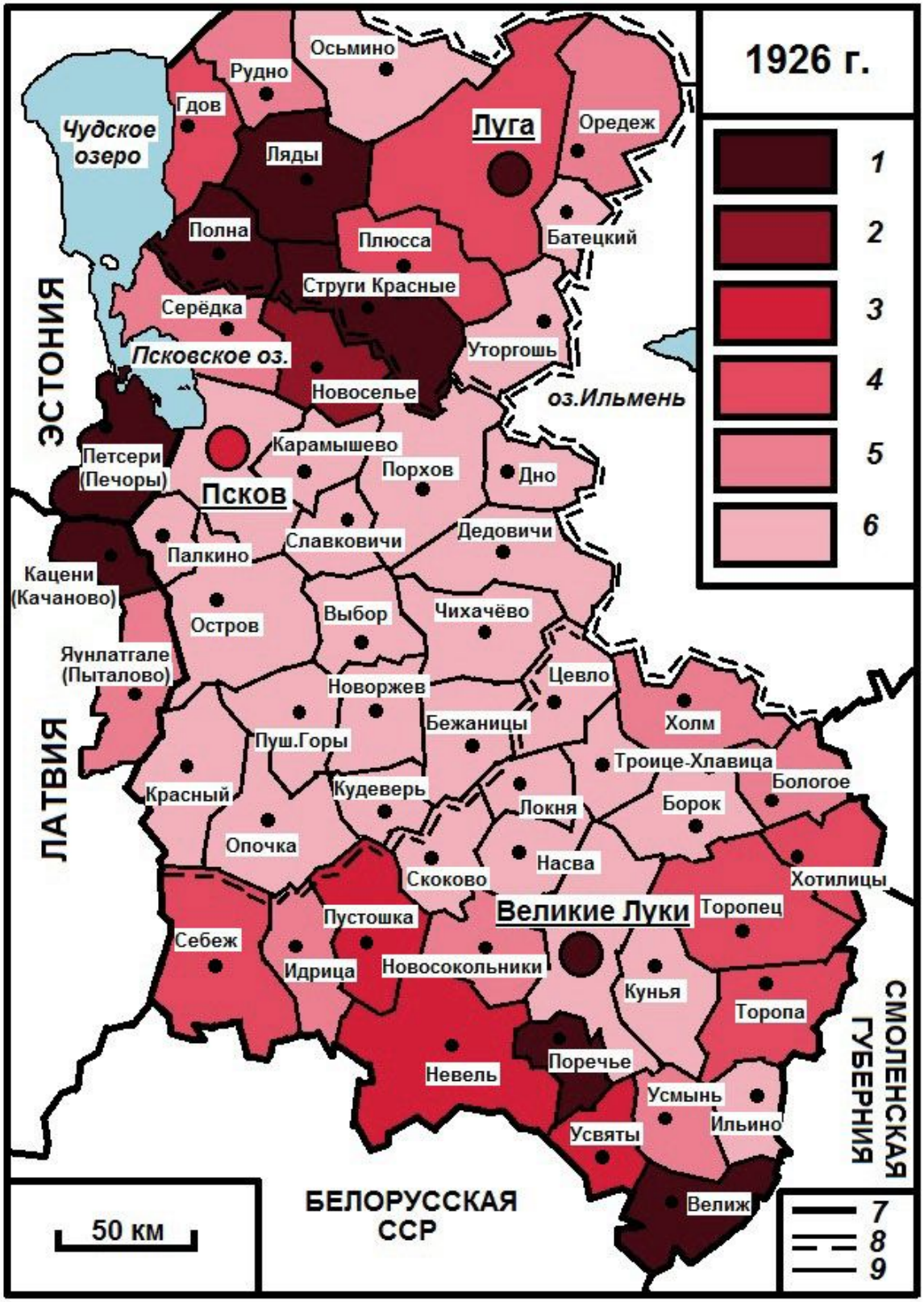


Рисунок 8 – Индекс этнической мозаичности районов Псковского региона в 1926–1927 гг.

Величина ИЭМ: *1* – 0,3 и более, *2* – от 0,250 до 0,299, *3* – от 0,200 до 0,249, *4* – от 0,150 до 0,199, *5* – от 0,100 до 0,149, *6* – 0,099 и менее; границы: *7* – государств, ССР, губерний, областей, *8* – округов, *9* – районов, волостей.

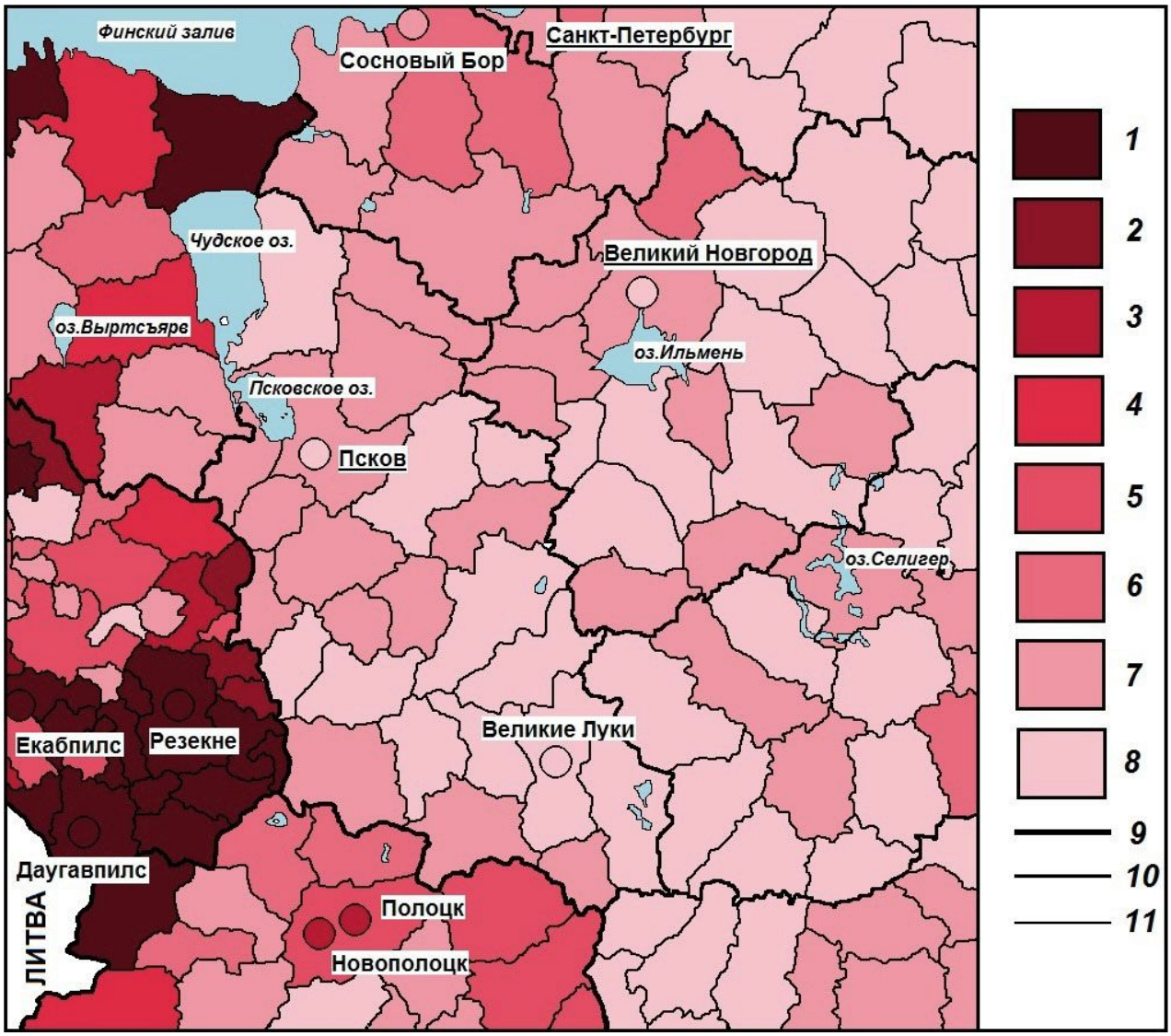


Рисунок 9 – Индекс этнической мозаичности районов Псковской области и окружающих ее территорий (по данным переписей 2010 г. в России, 2009 г. в Республике Беларусь, 2011 г. в Эстонии и Латвии)

Величина ИЭМ: *1* – 0,400 и более, *2* – от 0,350 до 0,399, *3* – от 0,300 до 0,349, *4* – от 0,250 до 0,299, *5* – от 0,200 до 0,249, *6* – от 0,150 до 0,199, *7* – от 0,100 до 0,149, *8* – 0,099 и менее; границы: *9* – государств, *10* – областей, *11* – районов, уездов (Эстония), краев (Латвия).

Лужская ЭКЗ к настоящему моменту фактически растворилась. В 1926–1927 гг. ИЭМ здесь превышал 0,3 благодаря эстонскому и латышскому населению. В начале 30-х гг. XX в. в Гдовском, Плюсском и Лядском районах Ленинградской области создавались эстонские и смешанные (с финнами и

латышами) национальные сельсоветы. До 1940-х гг. эстонское и латышское население в ЭКЗ было достаточно многочисленным [136]. Перед войной местное прибалтийско-финское население подвергалось репрессиям. Значительная часть эстонцев и латышей, проживавших на Лужской возвышенности, в конце периода оккупации вернулась на свою историческую родину [136; 279]. В 2010 г. в Плюсском и Стругокрасненском районах ИЭМ составлял 0,125–0,150. При этом относительно повышенный ИЭМ во второй половине XX столетия поддерживался благодаря белорусским и украинским переселенцам. В настоящее время вследствие ассимиляции прибалтийско-финского населения северная часть Псковской области превратилась в мононациональную территорию.

ЭКЗ на юго-востоке Псковского региона (в 1927 г. на востоке Великолукского округа), сформировавшаяся в то же время и благодаря тому же процессу переселения эстонцев и латышей, что и Лужская ЭКЗ, растворилась намного раньше последней. В 1926–1927 гг. ИЭМ составлял 0,1–0,2. Сейчас показатель ИЭМ здесь менее 0,1.

В последние годы заметно выросла доля цыган в центральных районах Псковской области (в Новоржевском и Пушкиногорском), если рост их доли будет продолжаться, то возможно формирование ЭКЗ на этих территориях. Условно данную ЭКЗ можно назвать ***Пушкиногорско-Новоржевской*** или ***Бежаницкой*** (в связи с физико-географическим адресом ЭКЗ – Бежаницкой возвышенностью). В пределах соседней Новгородской области уже фактически сформировалась слабо выраженная русско-цыганская ЭКЗ в Чудовском районе (ИЭМ=0,180).

По соседству с Псковской области сейчас можно выделить следующие ЭКЗ: Западно-Чудскую (уезд Тартумаа, Эстония), Латгальская (Латгалия, Латвия), ЭКЗ на границе Латвии и Эстонии (Валгамаа, Валкский край, Стренчский край и др.), Ингерманландская (Ленинградская область), Полоцко-Витебская (Витебская область, Белоруссия), Северо-Восточная ЭКЗ (уезд Ида-Вирумаа, Эстония).

Западно-Чудская ЭКЗ существовала уже в конце XIX в. Юрьевский уезд Лифляндской губернии был одним из двух уездов со слабо выраженной ЭКЗ

(ИЯМ=0,24–028). Здесь наблюдалась повышенная доля русского, немецкого и еврейского населения. Основные этнические компоненты данной ЭКЗ в настоящее время являются – русские и эстонцы (в основном в городах Тарту, Калласте и Муствеэ), в сельской местности, помимо русских, повышена доля финнов [131].

Северо-Видземская ЭКЗ на латвийско-эстонском пограничье в Валкском уезде в конце XIX в. имела ИЯМ=0,22. Сейчас ИЭМ в ряде административно-территориальных единиц превышает 0,3. Помимо повышенной доли латышей и эстонцев, здесь компактно проживают русские, белорусы и украинцы.

Ингерманландская ЭКЗ на рубеже XIX–XX вв. была ярко выраженной (ИЯМ от 0,5 до 0,66). В XVIII–XIX вв. здесь компактно проживали русские, белорусы, украинцы, финны, ижорцы, водь, немцы, эстонцы, латыши и др. В период 1920–1940 гг. ингерманладские финны, проживающих на этих землях, как минимум трижды были подвержены высылке в другие регионы страны [85]. Во второй половине XX в. ЭКЗ поддерживалась за счет притока сюда украинцев и белорусов. В 2010 г. наиболее высокий показатель ИЭМ был в Волосовском, Гатчинском, Всеволожском и Ломоносовском районах (от 0,2 до 0,25).

Полоцко-Витебская (русско-белорусская) ЭКЗ располагается в Витебской области между двумя ее экономическими центрами – Витебском и агломерацией Полоцка и Новополоцка. Данная ЭКЗ сформировалась как результат смещения основной зоны русско-белорусской ЭКЗ с российских на белорусские земли. Максимальный ИЭМ в 2009 г. наблюдался в Полоцком, Городокском и Витебском районах (от 0,2 до 0,25).

Постепенная ассимиляция прибалтийско-финских народов со стороны русского населения обычно сопровождалось заполнением «ниши» переселенцами из Белоруссии и Украины, за счет которых поддерживался относительно высокий ИЭМ. Такие ЭКЗ не долговечны, т. к. белорусы и украинцы быстро ассимилируются в районах основного проживания русского населения. Местные власти стимулируют приток переселенцев на пустеющие земли, но также нельзя

исключать, что полиэтничная среда ЭКЗ создает благоприятную среду для оседания представителей разных этнических групп [139].

Наиболее устойчивы ЭКЗ, формировавшиеся на стыке разных метаэтнических общностей (или цивилизаций). К таким ЭКЗ можно отнести Латгальскую.

Латгальская ЭКЗ, как отмечалось ранее, была ярко выраженной уже в конце XIX в. Здесь компактно проживали латгальцы, латыши, русские, белорусы, поляки, евреи и прочие народы. В период независимости Латвии в 1920–40-х гг. проводилось четыре переписи населения – в 1920, 1925, 1930 и 1935 гг. В этот период национальность определялась по языку, употребляемому в быту, зачастую он мог и не совпадать с родным языком [127]. В 1930-е гг. усилилась политика латышизации населения, что привело к повышенной доле латышей в этнической структуре населения как Латгалии, так и всей Латвии [99].

В 1920 г. по Рижскому договору в состав Латвии вошли современные территории Пыталовского и Палкинского (Качановский край) районов. Город Пыталово был переименован в Яунлатгале, что в переводе с латышского языка означает «Новая Латгалия». Первоначально эти земли входили в состав Лудзенского, затем Яунлатгальского (с 1938 г. Абренского) уездов. Эти территории, включая волости Качаново (Кацени) и Пыталова (Яунлатгале, Абрене), были втянуты в Латгальскую ЭКЗ. Однако, собственно латгальцев-католиков здесь было ничтожно мало, а проживали в основном латыши лютеранского вероисповедания. В 1920–40-гг. гг. доля латышей заметно выросла (в Качановской волости – до 16–17 %, в Пыталовском крае – до 4 %). ИЭМ в Качановской (Каценской) волости в 1925 г. составлял 0,3. «Новые земли» Латвии оказались пограничными в этнокультурном отношении – с лютеранским Видземе, католической Латгалией и православными псковскими землями. Качановская волость граничила также и с лютеранской Эстонией. После включения этих территорий в состав РСФСР латышский компонент стал постепенно исчезать.

Во второй половине XX в. Латгальская ЭКЗ сохраняла свое этническое разнообразие, которое поддерживалась благодаря миграционным потокам в

Латгалию (как и во всю Латвию) русских, белорусов, украинцев и других национальных групп. К настоящему времени Латгальскую ЭКЗ можно разделить на три части: южную (наиболее полиэтничную), среднюю и северную (с самыми низкими показателями ИЭМ) [139]. Южная часть Латгалии, помимо латышей, заселена русскими, белорусами и поляками. Средняя часть ЭКЗ характеризуется русско-латышским взаимодействием, и включает также польский и еврейский компоненты. Северная часть Латгалии представляет собой слабо выраженную русско-латышскую ЭКЗ с добавлением эстонского, украинского и белорусского компонентов.

Северо-Восточная (русско-эстонская) ЭКЗ расположена в Эстонии и характеризуется сравнительно высоким ИЭМ=0,449, что соответствует ярко выраженной ЭКЗ. На северо-востоке Эстонии, в уезде Ида-Вирумаа, преобладает русское население, которое в основном концентрируется в городах, в т. ч. в Нарве, Силламяэ, Кохтла-Ярве, Йыхви и др. Помимо русских и эстонцев, значительную долю в этническом составе населения здесь составляют украинцы, белорусы и финны [150].

4.8. Трансформация потенциально-конфессиональной структуры населения

В настоящее время в России официальный статистический учет верующих на уровне районов и даже субъектов федерации не ведется, в связи с этим количественные данные о религиозном составе населения можно получить только путем оценки и вспомогательных расчетов. В Российской Федерации, как и в других странах, население пользуется правом свободы совести и вероисповедания. Конфессиональная принадлежность считается личным делом человека. Учитываются только религиозные организации, но некоторые из которых стараются уклонятся от учета.

Даже в постсоветское время государственные статистические службы не решились данный пункт включить в список вопросов при проведении переписей населения в 2002 и 2010 гг. С момента перестройки и распада Советского Союза

религиозный состав населения претерпел ряд изменений, в частности, получили распространение новые религиозные течения. В связи с этим имеется потребность в учете религиозного состава населения.

В советское время религиозный состав учитывался при проведении переписи 1937 г., итоги которой были затем отвергнуты властями. Свыше 56 % населения СССР тогда указали о своей религиозной принадлежности, и это несмотря на активную антирелигиозную пропаганду. При этом вопрос о религиозной принадлежности был введен лично И.В. Сталиным во время просмотра окончательного варианта переписного листа [43; 79].

В наши дни приблизительный конфессиональный состав населения выявляется путем социологических опросов населения. К примеру, такие исследования проводят ВЦИОМ и Левада-Центр. При этом научное сообщество, как отмечает П.И. Пучков, неоднократно предлагало организовать официальный учет религиозного состава населения государственными статистическими отделами.

В условиях отсутствии официальной религиозной статистики существует потребность в поиске других способов оценки конфессиональной структуры населения. В частности, разработана методика расчета потенциального религиозного состава населения, основанного на этнической структуре населения и традиционной конфессиональной принадлежности различных этносов. Так, опираясь на итоги Всесоюзной переписи 1989 г. и микропереписи 1994 г. на уровне административных районов регионов Европейской части России, ее применил специалист по конфессиональной географии С.Г. Сафронов [65]. В настоящее время нельзя отнести большую часть жителей к активно верующему населению, тем не менее, представители разных этносов часто ассоциируют себя с определенной религиозно-культурной традицией.

Потенциальный религиозный состав населения можно определить, располагая достаточно полным перечнем этнических групп по какой-либо административно-территориальной единице. По итогам некоторых переписей населения полные перечни населения по национальностям можно получить

только в разрезе крупных административно-территориальных единиц (губерний, областей, республик и др.). В разрезе районов и городов далеко не всегда можно найти полные сведения, а только по наиболее многочисленным национальностям, что не позволяет создать достаточно полную картину потенциального конфессионального состава населения.

В настоящее время в Российской Федерации представлены все основные религии, в т.ч. христианство, ислам и буддизм со своими направлениями. Основным религиозным направлением христианства в России традиционно является православие, представленная в основном Русской православной церковью (РПЦ). Основную массу православного контингента представляют три народа, входящие в славянскую группу индоевропейской семьи. Это русские, украинцы и белорусы. Они создают так называемую платформу православного мира. Также православными являются болгары, грузины, греки, молдаване, румыны, сербы, осетины и другие. Некоторые из них следует отнести к автономным направлениям православной религии (например, Грузинская, Болгарская, Греческая и др. церкви).

Чаще всего православия придерживаются представители финно-угорской группы уральской семьи (мордва, удмурты, карелы, марийцы, коми, коми-зыряне и др.) и некоторые народы тюркской группы (хакасы, чуваши, якуты и др.). Многие из них в течение XIV–XX вв. были подвержены наибольшей христианизации. Но, тем не менее, их традиционные верования не были полностью утрачены, и в последние десятилетия протекает процесс возрождения местных верований. Невысокая степень урбанизированности, большое значение традиционной сельской культуры способствуют сохранению дохристианских верований. Из всех крупных северокавказских народов только осетинам удалось сохранить христианство, на что сказались тесные связи с соседней Грузией [220] (табл. 3).

Таблица 3 – Соотношение этнических групп и их преимущественного вероисповедания*

Православие (в т. ч. старообрядчество, единоверие и прочие автокефальные направления)	Абхазы (ислам), алтайцы (бурханизм, шаманизм), белорусы (католики, протестантизм), болгары (католики, ислам), вепсы, гагаузы, греки, грузины, якуты (традиц.), аджарцы (ислам), молдаване, мордва, магайбаки, орочи (анамизм, шаманизм), осетины (ислам), румыны, русины, русские, селькупы (анамизм, шаманизм), сербы, мегрены, сваны, долганы (шаманизм), ижорцы, камчаданы, карелы (лютеранство), кеты, коми, коми-пермяки, коми-ижемцы, манси (традиц.), марийцы (традиц.), удины (армянская апостольская церковь), удмурты (народ. верования), украинцы, хакасы (шаманизм), ханты (шаманизм), цыгане, чуваши, шорцы (шаманизм, анимизм), эвенки (шаманизм, тибет. буддизм), сету, македонцы, тофалары (шаманизм, анимизм), бесермяне, кумандинцы (шаманизм, бурханизм), ительмены, коряки, нанайцы (шаманизм, анимизм), нганасаны (шаманизм), негидальцы (шаманизм, анимизм), нивхи (шаманизм, язычество), тофалары (шаманизм, анимизм), ульчи (шаманизм, анимизм), черногорцы (ислам, католицизм), чукчи (шаманизм, анимизм), чулымцы (шаманизм), эвены (шаманизм), эскимосы (шаманизм, анимизм, атеизм, протестанизм)
Протестантизм (лютеранство, пятидесятничество, англикане, баптисты, адвентисты, методисты и др.)	Американцы (католики), немцы (католики), саамы (православие, лютеранство, традиц.), латыши (православие, католики), финны (православие, католики), эстонцы (православие, католики, атеизм), датчане, новозеландцы (маори) (католики, атеисты, буддисты, индуисты), норвежцы, шведы, лопари (шаманизм, православие, лестадианство)
Ислам (сунниты и шииты)	Абазины, аварцы, андийцы, агулы, адыгейцы, азербайджанцы, арабы, афганцы, балкарцы, башкиры, ногайцы, пакистанцы, персы, рутульцы, табасараны, таджики, талыши, татары, даргинцы, дунгане, ингуши, кабардинцы, казахи, каракалпаки, киргизы, кумыки, курды, лакцы, лезгины, турки, туркмены, узбеки, уйгуры, цахуры, черкесы, чеченцы, боснийцы, ногайцы, турки-месхетинцы, албанцы, бангладешцы (бенгальцы), берберы, булгары (волжские булгары), гвинейцы, дагестанцы, нигерийцы (христиане), суданцы (хартумцы), таты, белуджи, мишари (татары) (православие)
Армянская апостольская церковь	Армяне
Иудаизм	Евреи, горские евреи, крымчаки
Буддизм	Буряты, вьетнамцы, тувинцы, калмыки, корейцы (без религии, христианство, шаманизм, конфуцианство, даосизм, чхондогё, синтоизм), ланкийцы (шриланкийцы)
Римско-католики	Венгры, поляки, словаки (протестантизм, православие), испанцы, кубинцы, латгальцы, литовцы, французы, чехи (протестантизм, православие), бельгийцы (фламандцы), голландцы (протестанизм, атеизм), ирландцы (протестанизм), конголезцы (традиц. верования), итальянцы, словенцы (православие, ислам, протестанизм), хорваты, австрийцы, аргентинцы (протестанизм)

*в скобках обозначены другие религиозные направления, исповедующие те или иные этнические группы

Некоторые малочисленные народы российского Севера тоже нередко причисляют к православным народам. Это ненцы, ханты, манси, долганы, эвены и др. Традиционный образ жизни характерен в основном для жителей сельской местности, непосредственно в регионах их компактного проживания.

Православными в полной мере могут считаться лишь те представители малых народов, которые проживают вдали от своей этнической родины, в т. ч. в городах. В связи с этим они были включены в общую подборку представителей православных народов.

Вторым крупной религиозной группой являются последователи ислама. В Российской Федерации эту религию традиционно исповедуют народы трех языковых групп – тюркской, нахско-дагестанской и абхазо-адыгской. Кроме того, заметную долю в последние десятилетия в России стали составлять народы тюркской группы, исповедующие ислам, и являющиеся выходцами из бывших советских республик (азербайджанцы, таджики, туркмены, узбеки, казахи, киргизы).

Католицизм стал основной религией среди поляков, литовцев, латгальцев и других народов. Среди остальных христианских направлений незначительный процент составляют протестанты и римско-католики. Лютеранство является одним из наиболее распространенных течений в протестантском мире. Лютеранство является традиционной религией финнов, эстонцев, латышей, значительной части немцев и др. [65].

Практически моноэтнический компонент составляют религиозные направления иуадаизма и армяно-григориане (Армянская апостольская церковь). Иудаизм практически исключительно распространен среди еврейского населения. В настоящий момент эту религию можно назвать городской, в сельской местности иудеи представлены в гораздо меньшей степени. Значительная часть армян принадлежит Армянской апостольской церкви.

Буддизм традиционно является основной религией калмыков, бурятов и тувинцев.

Потенциальный религиозный состав населения Псковской области рассмотрен в контексте с окружающими ее регионами и странами, прежде всего, с субъектами РФ (Ленинградская, Новгородская, Тверская и Смоленская области), Витебской областью (Республика Беларусь) и странами ЕС (Эстония и Латвия).

Доля православного населения (включая старообрядчество) традиционно является в Псковской области самой высокой среди других религиозных групп. Псковскую область и соседние области можно включить в «ядро» одной большой «конфессиональной плиты» (по терминологии С.Г. Сафронова [65]) распространения православной религии. Основное распространение здесь получила РПЦ. В последние десятилетия уровень религиозности населения значительно повысился, идет возрождение православных храмов. Растет религиозное самосознание населения.

Территория Северо-Запада сейчас разделена на три митрополии РПЦ: С.-Петербургскую (включает Выборгскую, Гатчинскую, С.-Петербургскую и Тихвинскую епархии), Новгородскую (Новгородскую и Боровичскую епархии) и Псковскую (Псковскую и Великолукскую епархии). Тверская область приписана к одноименной митрополии, поделенной на три епархии: Бежецкая, Ржевская и Тверская. Ржевская епархия имеет границу с псковскими епархиями. Смоленская область в качестве митрополии напрямую подчиняется РПЦ. Соседние с Псковской областью государства (Белоруссия, Латвия и Эстония) имеют самоуправляемые церкви в составе Московского патриархата.

В 1926 г. доля приверженцев православной религии была наиболее высока во внутренних губерниях, в частности, в Новгородской. В меньшей степени это касалось пограничных губерний, а именно, Ленинградской и Псковской. Две последние губернии издавна находились на стыке с соседними «конфессиональными плитами» – лютеранской и католической. К 1926 г., если опираться на национальный состав населения, еще наблюдалось достаточно большое разнообразие в его конфессиональной структуре (табл. 4).

Таблица 4 – Потенциальный религиозный состав населения регионов Северо-Запада в 1926 г. (в %)

	1	2	3	4	5	6	7
Псковская губерния	96,9	0,02	0,0003	0,4	1,4	1,3	0,061
Новгородская губерния	97,5	0,07	0,001	0,2	1,8	0,4	0,049
Ленинградская губерния (в т.ч. Ленинград)	85,9	0,5	0,06	1,9	8,5	3,2	0,254
Череповецкая губерния	99,7	0,02	0,0003	0,05	0,2	0,07	0,0064

Цифрами обозначены: 1 – православные; 2 – мусульмане; 3 – армяно-григориане; 4 – римско-католики; 5 – протестанты; 6 – иудеи; 7 – индекс потенциального религиозного состава (ИПРМ) [48].

В 2010 г. на Северо-Западе России прослеживались следующие основные ареалы проживания потенциально-православного населения: восточная часть Ленинградской области, центральная и юго-восточная часть Псковской области, внутренние районы Новгородской области. В этот ареал вписываются в основном районы с наиболее сложной демографической ситуацией, находящиеся в периферийном положении по отношению к крупным городам и центрам сосредоточения других религиозных группировок.

Наименьшей долей православного населения характеризуются приграничные территории, где концентрируются этнические группы, исповедующие преимущественно другие религии (католичество, лютеранство, иудаизм). Это, в первую очередь, окрестности С.-Петербурга, некогда находившиеся под шведским господством (Ингерманландия), север Псковской области и северо-запад Новгородской области, куда переселялись в прошлом эстонцы и латыши. Также доля потенциально-православного населения понижена в наиболее урбанизированных территориях, в особенности в С.-Петербургской агломерации, из-за большей полиэтничности городского населения.

В соседних прибалтийских государствах отмечается высокий процент потенциально-православного населения, что является следствием интенсивных

миграций русскоязычного населения в советский период. Особенно высока доля потенциально-православного населения в приграничном с Псковской областью регионе Латгалии, где издавна сформировалась ярко выраженная этноконтактная зона с поликонфессиональным составом населения (римско-католики, лютеране, православные, старообрядцы, иудеи).

По неофициальным данным, в соседней Латвии доля православного населения ниже, чем лютеран и римско-католиков, т. е. занимает третью позицию по числу приверженцев. С учетом преимущественного вероисповедания той или иной национальной группы, православие и старообрядчество должно выходить на второе место в Латвии, уступая только лютеранству. Расхождение в рангах вызвана тем, что некоторые национальные группы могут исповедовать нетрадиционную для них религию, например, белорусы, часть которых причисляет себя к римско-католикам. Такая ситуация типична для Латгалии.

Соседняя с Псковской областью Эстония традиционно относится к лютеранскому миру, но, согласно имеющимся сведениям, в последние десятилетия православие вышло на первое место, потеснив лютеранство. В настоящее время Эстония относится к числу наименее религиозных государств мира, значительная часть эстонцев причисляет себя к атеистам. К православным в основном причисляет себя русскоязычное население, доля которого в стране остается достаточно высокой (особенно в уезде Ида-Вирумаа) (Приложение 35).

Вторым наиболее распространенным конфессиональным компонентом в России является группа приверженцев ислама. Если в 1926 г. на Северо-Западе их доля была незначительна, то сейчас мусульмане выходят на вторую позицию среди религиозных групп. Их процент рос одновременно с миграциями народов, традиционно исповедующих эту религию. В советское время представители исламского мира часто переселялись в сельскую местность, особенно вблизи от основных транспортных магистралей, центров расселения, где можно было заниматься торговлей и работать в различных сферах. Особенно это было характерно для 1970–80-гг. Часто их привлекали в качестве разнорабочих на строительство промышленных предприятий [65]. С конца 1980-х гг. и по

настоящее время мусульманские общины интенсивно пополняются выходцами из Северного Кавказа и Средней Азии. В 2010 г. доля потенциально-мусульманского населения стала заметной фактически во всех районах. Особенно в этом плане выделяется С.-Петербург и его окрестности (табл. 4 и 5), (см. Приложение 35).

Таблица 5 – Потенциальный религиозный состав Псковской области и окружающих её регионов и стран в 1959 и 2009–2011 гг. (в %)

		1	2	3	4	5	6	7
Псковская область	1959	98,7	0,07	0,01	0,13	0,77	0,32	0,026
	2010	98,3	0,85	0,37	0,09	0,24	0,06	0,034
Новгородская область	1959	98,9	0,14	0,05	0,07	0,57	0,2	0,022
	2010	98	1,23	0,31	0,07	0,21	0,05	0,039
Ленинградская область	1959	96,4	0,35	0,04	0,26	2,24	0,49	0,070
	2010	96,9	2	0,44	0,11	0,45	0,08	0,061
Санкт-Петербург/Ленинград	1959	92,7	0,88	0,15	0,57	0,52	5,08	0,138
	2010	95,8	2,4	0,47	0,11	0,2	0,57	0,082
Тверская область	1959	99,1	0,28	0,02	0,07	0,3	0,21	0,018
	2010	96,8	1,98	0,66	0,06	0,15	0,05	0,063
Смоленская область	1959	99	0,05	0,01	0,1	0,08	0,56	0,020
	2010	98	1,02	0,51	0,09	0,11	0,1	0,040
Эстония	1959	22,6	0,26	0,05	0,33	76,3	0,45	0,367
	2011	28,8	0,29	0,11	0,26	69,9	0,13	0,428
Латвия	1959	31,3	0,17	0,05	12,4	54,4	1,8	0,590
	2011	32,7	0,1	0,13	11,3	54,4	0,31	0,584
Витебская область (Белоруссия)	1959	97,4	0,08	0,02	0,34	0,11	1,95	0,051
	2009	98,3	0,24	0,1	0,98	0,07	0,18	0,034

Цифрами обозначены: 1 – православные; 2 – мусульмане; 3 – армяно-григориане; 4 – римско-католики; 5 – лютеране; 6 – иудеи; 7 – индекс потенциального религиозного состава (ИПРМ) [45; 51; 195].

Среди представителей остальных христианский течений почти столетие назад существенный процент составляли протестанты (в основном лютеране) и римско-католики. В последующие годы их доля снижалась, что было связано с их ассимиляцией, миграциями некоторых этнических групп в другие регионы, в т. ч. за рубеж (немцы, эстонцы, латыши и др.). Доля этнических групп, являющихся активными последователями католической и протестантской (в основном

лютеранской) религий, наиболее высока в приграничных районах. Здесь наблюдается преемственность прошлых исторических процессов, сопровождающихся миграциями (добровольными и принудительными) некоторых этнических групп, а также изменением границ с лютеранским и католическим мирами. В связи с этим лютеранские общины на Северо-Западе являются одними из наиболее многочисленных в стране.

Римско-католики широко представлены в городских поселениях, они имеют большую общину в С.-Петербурге (в основном поляки и литовцы) [65]. В последнее время в ареалы распространения основных религий внедряются другие направления христианства, а точнее, протестантизма (баптизм, адвентизм, пятидесятничество и др.). Если лютеранство исповедуют в основном представители определенных этнических групп (прежде всего финны, эстонцы, латыши и немцы), имеющих традиционный ареал обитания, то остальные протестантские течения чаще всего нельзя соотнести с определенными национальностями и территориями. Ныне «ядра» католической и лютеранской «конфессиональных плит» сместились на территорию Прибалтийских государств (католической – в Латгалии, лютеранской – на остальной территории Латвии и в Эстонии), где доля католического и лютеранского населения остается достаточно высокой (см. Приложение 35).

Две другие религии, а именно, иудаизм и Армянскую апостольскую церковь, можно считать национальными, т. к. они тесно связаны с еврейской и армянской культурами. Их пространственная структура за прошедший век пережила ряд изменений. В 1828 г. в состав Российской империи было включено Эриванское ханство, коренное население которого составляли армяне. В советский период начались миграции армян во внутренние регионы страны, особенно в крупные города. В 1926 г. среди всех губерний Северо-Запада доля армян была наиболее высокой в Ленинградской губернии (включая Ленинград). Но особенно быстро их доля стала расти после начала армяно-азербайджанского конфликта и распада СССР (Приложение 36).

История иудаизма в России неразрывно связана с формированием многочисленной диаспоры еврейского населения, оказавшейся в пределах России в результате разделов Речи Посполитой. Евреи, которые не приняли христианство в 1791 г., были ограничены «чертой оседлости». В настоящее время иудаизм практически превратился в городскую религию. Следы сельского иудаизма фактически утрачены. Снятие черты оседлости, Вторая мировая война, еврейская эмиграция, а также их ассимиляция, связанная с изменением их этнокультурного самосознания, привели к значительному снижению численности евреев в России. Если в 1926 г. иудеи находились в тройке ведущих религиозных группировок в регионах Северо-Запада, то в 2010 г. – только на шестом месте. Исключение составляет С.-Петербург, где иудеи занимают более высокий удельный вес в конфессиональной структуре населения.

На Северо-Западе, кроме С.-Петербурга, повышена доля иудеев в центрах регионов и ряде других городов. Прежде всего, это Псков, Великий Новгород, Великие Луки и Сосновый Бор. Невельский район остался чуть ли не единственным «островком» в пределах существовавшей на юге Псковской области «черты оседлости», но и здесь численность еврейского быстро сокращается. Эти «островки» прослеживаются также в соседней Витебской области и в Латгалии, где еврейское население издавна составляло значительный процент (см. Приложение 36).

Для определения разнообразия потенциального конфессионального состава населения районов Северо-Запада можно ввести показатель ***индекс потенциальной религиозной мозаичности (ИПРМ)***, рассчитываемый по такому же принципу, что и индекс религиозной мозаичности (ИРМ).

Наиболее поликонфессиональными регионами Северо-Запада являются С.-Петербург и его окрестности. Показатели ИПРМ в некоторых районах превышают 0,050 (в Гатчинском и Волосовском районах свыше 0,100). В начале XX в. Ингерманландия являлась наиболее поликонфессиональным регионом на Северо-Западе (ИРМ составлял свыше 0,4) [139] (рис. 10).

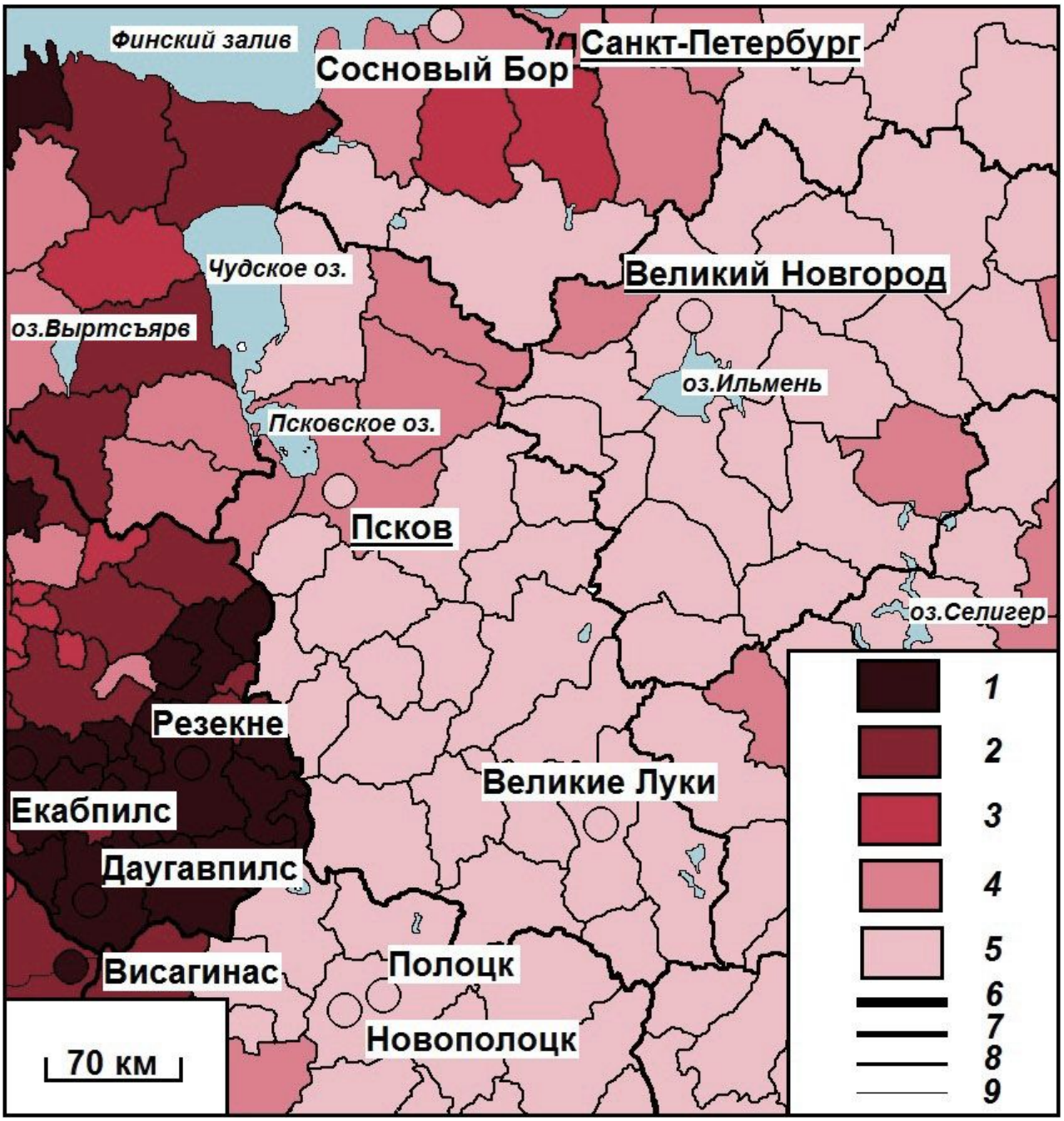


Рисунок 10 – Индекс потенциальной религиозной мозаичности районов Псковской области и соседних территорий в начале XXI в.

Величина индекса потенциальной религиозной мозаичности: *1* – 0,400 и более, *2* – от 0,200 до 0,399, *3* – от 0,100 до 0,199, *4* – от 0,050 до 0,099, *5* – 0,049 и менее; границы: *6* – государств, *7* – субъектов РФ, *8* – районов, городских округов (РФ и Белоруссия), краев (Латвия), уездов (Эстония и Латвия), *9* – районов и самоуправлений Литвы.

За прошедший век этот показатель существенно снизился, но тем не менее эта территория продолжает быть лидером на фоне остальных районов Северо-Запада России. Также особо нужно выделить С.-Петербург. Город издавна находился в зоне интенсивного межнационального и межцивилизованного контакта, через него проходили пути движения разноязычного населения, что привело к формированию в нем многонационального и многоконфессионального состава населения. Это превратило С.-Петербург в один из религиозных центров страны [198]. На остальной территории Северо-Запада России, в т. ч. в Псковской области, контактные конфессиональные зоны практически растворились.

Соседние Латвия и Эстония, несмотря на некоторое снижение полиэтничности населения после распада СССР, по-прежнему характеризуются повышенным разнообразием конфессиональной структуры населения. Здесь сформировались ярко выраженные контактные зоны (особенно приграничная Латгалия, где состыковались три ведущих компонента христианства – православие, католичество и лютеранство). Таким образом, благодаря расчету индекса потенциальной религиозной мозаичности, появилась возможность визуально проследить границы современных «конфессиональных плит» (православной, католической и лютеранской), что и было апробировано применительно к Северо-Западу России и прилегающих к нему территориях.

Рассчитанный потенциальный религиозный состав населения не всегда совпадает с реальным, в связи с чем возникает необходимость в рассмотрении расхождений между ними. Опираясь на результаты Первой всеобщей переписи населения 1897 г. был рассчитан коэффициент отклонения (*Ко*), апробированный по итогам последующих переписей применительно к Псковскому региону:

$$Ко = \frac{N1}{N2}$$

где *N1* – потенциальный конфессиональный состав;

N2 – реальный конфессиональный состав.

Ко ≈ 1 свидетельствует о примерном соответствии официальных данных и рассчитанных показателей потенциального конфессионального состава

населения; *Ко* > 1 означает превышение показателя над официальными данными; при *Ко* < 1 показатель ниже уровня официальных данных.

По результатам расчетов *Ко* для уездов Псковской и Витебской губерний по итогам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. был сделан вывод, что значительные отклонения в основном свойственны для территорий с большой интенсивностью межэтнических и межконфессиональных контактов (табл. 6).

Таблица 6 – Отклонение в показателях конфессионального состава уездов Псковского и Витебского регионов (по данным переписи 1897 г. и расчетов потенциального конфессионального состава)

	Очень высокое (более 50 %)	**Высокое (10–49,9 %)**	**Среднее (5–9,9 %)**	**Низкое (менее 4,9 %)**
Православие (единоверие, старообрядчество)	–	Двинский, Дриссенский, Люцинский, Полоцкий, Режицкий	Лепельский	Витебский, Городокский, Себежский, Невельский, Велижский, Гдовский, Лужский, все уезды Псковской губернии
Римско-католики	Торопецкий, Себежский, Невельский, Велижский Двинский, Дриссенский, Лепельский, Люцинский, Полоцкий, Режицкий	Гдовский, Лужский, Псковский, Порховский, Опочецкий, Новоржевский, Великолукский, Витебский, Городокский	Островский	Холмский
Лютеране	Торопецкий, Невельский, Велижский, Витебский, Двинский, Люцинский, Режицкий	Лужский, Псковский, Новоржевский, Великолукский, Холмский, Себежский, Городокский, Дриссенский, Лепельский, Полоцкий	–	Гдовский, Опочецкий, Порховский, Островский
Иудеи	–	–	–	Все уезды регионов

В этих условиях с большей вероятностью этнические группы могут исповедовать не традиционную для себя религию. К примеру, среди белорусов и латышей (точнее, латгальцев) Витебской губернии повышена доля католиков, и вместе с тем, среди латышей, эстонцев и поляков встречаются приверженцы православия. Православными являются также сету, в то время проживавшие на территории Псковского уезда Псковской губернии и называемые тогда православными эстами (или полуверцами).

Апробация данного коэффициента применительно к итогам переписей населения советского и постсоветского периодов позволила прийти к выводу, что он требует корректировки, учитывающей потенциальную конфессиональную структуру каждого этноса по отдельности. В настоящее время подавляющее большинство русских, украинцев и белорусов можно отнести к православным, соответственно коэффициент для каждого из перечисленных этносов будет близок к 1. Тоже относится и к евреям, приверженцам иудаизма, и армянам, относящимся к Армянской апостольской церкви.

Но, например, эстонцев, проживающих в 1989 г. в Псковской области, можно разделить на две конфессиональные группы – на лютеран (собственно эстонцев) и православных сету (сето) примерно в соотношении 6:4 (*Ко* = 0,6 и 0,4 соответственно) (табл. 7).

Таблица 7 – Динамика коэффициента отклонения на примере эстонцев (вместе с сету) Псковской области (губернии) с 1897 по 2010 гг.

Годы	**Православие (включая единоверцев и старообрядцев)**	**Лютеране**	**Итого**
1897	0,648	0,352	1,0
1959	0,576	0,424	1,0
1989	0,421	0,579	1,0
2010	0,197	0,803	1,0

Таким образом, данный коэффициент требует корректировки как в зависимости от региона, так и года проведения переписи населения.

Выводы по 4 главе

В 1927 г. численность населения Псковского региона достигла своего максимума, затем, после потери регионом статуса губернии, происходило постепенное уменьшение населения, сопровождающееся ростом доли городского населения. Система сельского расселения региона претерпела значительную трансформацию в 1930-е гг. вследствие коллективизации и сселения хуторов. Великая Отечественная война нанесла новый удар по системе расселения и структуре населения региона, последствия которого ощущаются и по сегодняшний день. С 1926–1927 гг. количество сельских населенных пунктов в регионе (в современных границах) сократилось примерно в 2–3 раз.

С середины XX в. ускорившаяся индустриализация дала толчок росту городов и ПГТ. Усилился переток сельского населения в городские поселения. Шел процесс концентрации населения в городских и крупных сельских поселениях, чему способствовала программа 1960–70 гг. по реконструкции села. В это же время ряд крупных сельских поселений получил статус ПГТ. В 1970-е гг. Псковская область совершила урбанистический переход, но запоздала в этом плане на фоне соседних регионов. В это время Псковская область вошла в состояние глубокого демографического кризиса. Возросла роль центр-периферийных отношений в трансформации поселенческой структуры населения региона. В результате территориальная организация населения в регионе приобрела четкую центр-периферийную структуру, представленную двумя центрами (Псков и Великие Луки), двумя полупериферийными поясами, внешними периферийными поясами и внутренней периферийной зоной, сложившейся в средней части области, на значительном удалении от Пскова Великих Лук.

С распадом СССР произошел очередной сдвиг в системе расселения. Сложная экономическая ситуация, а также новые общественные отношения привели к массовому закрытию колхозов и совхозов. В результате увеличился отток молодого населения непосредственно в городские поселения. В сельской местности значительно выросла смертность (из-за повышенной доли пожилого

населения). Обозначившийся приток населения из бывших советских республик не смог заметно повлиять на демографическую ситуацию в сельской местности, т. к. был направлен в городские поселения, что стимулировало их рост до середины 1990-х гг.

В настоящее время развитие системы расселения достигло той стадии, когда оказался почти исчерпан демографический потенциал сельской местности. Перемещение населения уже происходит из райцентров, причем не только в главные города региона (Псков, Великие Луки), но и в крупнейшие города страны (в С.-Петербург, Москву) и их окрестности. Несмотря на обозначенные проблемы, темпы сокращения количества СНП с 1989 г. замедлились, но при этом увеличилось число СНП без постоянного населения. Вместе с тем, рост числа дачников и рекреантов в Псковской области ведет к созданию новой формы сезонного, или временного, расселения. Вопрос дачного расселения заслуживает особого внимания и, соответственно, отдельного исследования.

Количество районов в Псковской области в последние полвека стабилизировалось на уровне 24-х, хотя в 1957–1958 гг. их число достигало 41 (в современных областных границах). С изменением сетки АТД менялись функции центральных поселений. Населенные пункты, сохранившие статус районных центров после укрупнения сетки АТД в конце 1950-х и начале 1960-х гг., получили динамичное развитие, сформировав каркас расселения для окружающих территорий. В них наблюдался устойчивый рост населения и они в итоге получили статус городских поселений. Бывшие райцентры в большинстве случаев сохраняли статус центров сельсоветов, колхозов и совхозов, но их развитие сильно замедлилось.

Относительно более благоприятная демографическая обстановка за период 1958–2002 гг. была отмечена для территорий, окружающих современные райцентры. С другой стороны, территории вокруг бывших райцентров в большинстве случаев характеризовались наиболее негативными демографическими показателями. Таким образом, устойчивость локальных систем расселения оказалась связанной с наличием центрального поселения, в данном случае, центра административного района.

Этническая структура населения в данный период претерпела значительные изменения. События двух первых десятилетий XX в., а также передача в 1924 г. в состав Псковской губернии трех уездов упраздненной Витебской губернии, где преобладало белорусское и еврейское население, привели к началу новой трансформации этноконфессиональной структуры населения Псковского региона. Но еще долгое время продолжали существовать этноконтактные зоны на севере и северо-западе региона, в основном благодаря проживавшим там эстонцам, сету и латышам.

После Великой Отечественной войны этническое разнообразие в регионе поддерживалось в основном благодаря миграционному притоку белорусов и украинцев, которые в больше степени, чем другие этнические группы, были подвержены ассимиляции со стороны русского населения. К последней переписи 2010 г. этноконтактные зоны на территории Псковской области почти полностью растворились. Государственная граница стала все в большей степени играть роль этнического барьера. Таким образом, динамика внешних границ региона, как государственных, так и республиканских, служила важнейшим фактором трансформации этноконфессиональной структуры населения как приграничных районов, так и всего региона в целом.

Для оценки сложности потенциального религиозного состава населения предложено применить индекс потенциальной религиозной мозаичности (ИПРМ), рассчитываемый по такому же принципу, что и индекс религиозной мозаичности (ИРМ).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Трансформация поселенческой структуры населения Псковского региона на протяжении различных временных интервалов происходила при доминировании разных факторов. Под влиянием природных условий в регионе сформировалась мелкоселенная система расселения. Псковская область и ныне характеризуется самой высокой в стране густотой и низкой средней людностью сельских поселений. В течение XVIII–XIX вв. возрастала значимость политико-административного и социально-экономического факторов. Под влиянием этих факторов, с начала XX в. Псковский регион превратился в демографического «донора» соседних более развитых регионов, а во второй половине столетия оказался в состоянии депопуляции. На трансформацию поселенческой структуры населения региона наиболее заметное влияние стали оказывать центр-периферийные отношения на разных уровнях – от государственного до локального.

2. Заметный вклад в депопуляцию сельской местности Псковской области во второй половине XX в. внесли административно-территориальные преобразования, в особенности, укрупнение районов Псковской области в конце 1950-х и начале 1960-х гг. Автором разработана методика оценки последствий укрупнения административных районов Псковской области, учитывающая мелкоселенный характер расселения в регионе. Негативный опыт предшествующих административно-территориальных преобразований в Псковской области должен быть учтен при разработке аналогичных проектов в наше время.

3. На трансформацию этнической и конфессиональной структуры населения Псковского региона в определенные временные интервалы заметное влияние оказывало его приграничное положение. На протяжении большей части периода исследования регион был моноэтничным и моноконфессиональным, за исключением своей крайней южной части, до 1772 г. входившей в состав Речи Посполитой. На характер этноконфессиональных процессов оказывал влияние

политический статус западной и южной границ региона. Установление государственных рубежей обычно сопровождалось процессами нарастания моноэтничности в регионе, превращение их в административные – проникновением иноэтнических групп населения и росту полиэтничности ряда районов и городов.

4. Для оценки конфессиональной структуры населения Псковского региона в советское и постсоветское время автором была использована методика определения потенциального религиозного состава населения, основанная на связи «этнос – традиционная религия». Однако данная методика, апробированная по итогам переписи 1897 г., дала не достаточно точный результат. В связи с этим автором был предложен коэффициент, учитывающий конфессиональную структуру каждого этноса по отдельности в тех случаях, когда представители этноса в конкретном регионе традиционно исповедуют разные религии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аграрная реформа П.А. Столыпина в Псковской губернии. К 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина. – Режим доступа: http://www.archive.pskov.ru/slovo-arhivnomu/slovo-arhivnomu/slovo-arhivnomu/slovo-arhivnomu/slovo-arhivnomu/slovo-arhivnomu/d-25

2. Административно-территориальное деление Псковской области (1917–1988). Справочник. В 2 кн. № 1 / Ред. Т.Е. Герасименок и др. – Л.: Лениздат, 1988. – 454 с.

3. Административно-территориальное устройство Ленинградской области. – Л.: Издательство Леноблисполкома и Ленсовета, 1933. – 444 с.

4. Административно-экономический справочник по Ленинградской области. – Л.: Издательство Леноблисполкома и Ленсовета, 1936. – 392 с.

5. Алексеев, А.И. Аграрный характер российского менталитета и ход реформ в сельской местности России / А.И. Алексеев, Ю.А. Симагин // Российские регионы в новых экономических условиях. Под ред. Ю.Г. Липеца. – М.: Ин-т географии РАН, 1996.

6. Алексеев, А.И. География населения и социальная география / А.И. Алексеев, С.А. Ковалев, А.А. Ткаченко // Вестник МГУ. Сер. 5. География. – 1983. – № 3.

7. Алексеев, А.И. Изменения сельского расселения в России в конце XX – начале XXI в. / А.И. Алексеев, С.Г. Сафронов // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2015. – № 2.

8. Алексеев, А.И. Кризис урбанизации и сельская местность России / А.И. Алексеев, Н.В. Зубаревич // Проблемы прогнозирования. – 2000. – № 4. – С. 138–146.

9. Алексеев, А.И. Многоликая деревня / А. И. Алексеев. – М.: Мысль, 1990. – 266 с.

10. Алексеев, А.И. Отечественная география населения в постсоветский период: основные направления и тренды их развития / А.И. Алексеев,

М.С. Савоскул, С.Г. Сафронов // Региональные исследования. – 2016. – № 2 (52). – С. 55–65.

11. Андреянова, С.И. Структура и особенности формирования конфессионального пространства Северного Кавказа: автореф. дис. … канд. геогр. наук: 25.00.24 / С.И. Андреянова. – Ставрополь, 2015. — 23 с.

12. Антонов, А.И. Демографические процессы в России XXI века / А. И. Антонов, В. М. Медков, В. Н. Архангельский. – М.: Грааль. – 2002. – 168 с.

13. Антонов, Д.Н. Метрические книги: Время собирать камни / Д.Н. Антонов, И.А. Антонова // Отечественные архивы. – 1996. – № 4; № 5.

14. Антушева, Е.Б. Генеалогия, история семьи, Писцовые книги, ревизские сказки, переписи. – Режим доступа: http://subscribe.ru/archive/history.genealogy4your/200812/20101728.html

15. Аракчеев, В.А. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках / В.А. Аракчеев. – Псков: Псковская областная типография, 2004. – 360 с.

16. Арсеньев, К.И. Статистические очерки России / К.И. Арсеньев. – СПб., 1848. – С. 53–58, 489.

17. Архипов, Ю.Р. Системное моделирование регионального расселения: дис. ... д-ра геогр. наук: 25.00.24 / Архипов Юрий Романович. – М., 2002. – 342 с.

18. Бакулина, Т.И. Историческая география Сибири / Т.И. Бакулина, В.А. Ермолаева. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. – 248 с.

19. Баранский Николай Николаевич (1881–1963) // Институт географии и его люди: К 90-летию со дня образования / Ред.-сост. Т.Д. Александрова; Отв. ред. В.М. Котляков; Рецензенты: В.А. Снытко, А.Л. Чепалыга; Институт географии РАН. – М.: Наука, 2008. – С. 131–132.

20. Баранский, Н.Н. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии / Н.Н. Баранский // География населения / Вопросы географии. Сб. 5. – М., 1947.

21. Белова, А.В. Роль полусредних городов в развитии эксклавного региона России – Калининградской области: дис. … канд. геогр. наук: 25.00.24 / Белова Анна Валерьевна. – Калининград, 2017. – 198 с.

22. Белозеров, В.С. География и динамика этнической структуры населения Северного Кавказа: дис. … д-ра геогр. наук: 11.00.02 / Белозеров Виталий Семенович. – М., 2000. – 334 с.

23. Беспоповцы. – Режим доступа: http://www.pravenc.ru/text/78246.html

24. Богорсукова, Н.Я. Ретроспективный анализ заселения и формирования сельского расселения на территории Краснодарского края: дис. … канд. геогр. наук: 25.00.24 / Богорсукова Нелли Яковлевна. – Краснодар., 2004. – 207 с.

25. Бородина, Т.Л. Типология региональной динамики населения России в постсоветский период / Т.Л. Бородина // Вопросы географии. Сб. 141. Проблемы регионального развития. – М.: Изд. дом «Кодекс», 2016. – С. 191–208.

26. Бородина, Т.Л. Типология региональной динамики населения России во второй половине XX в.: дис. … канд. геогр. наук: 25.00.24 / Бородина Татьяна Львовна. – М., 2006. – 140 с.

27. Брук, С.И. Развитие советской географии населения / С. И. Брук и др. // Известия АН СССР, серия географическая. – 1977. – № 5.

28. Брук, С.И. Этнический состав населения России / С. И. Брук // Народы России: энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – С. 24–36.

29. Булкин, А.А. Географическая разобщенность и субэтносы карел: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Булкин Александр Анатольевич. – СПб., 2005. – 178 с.

30. Булкин, А.А. Миграции как ведущий фактор развития карельского этноса // Вестник географического факультета. – 2003. – Вып. 3. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. – С. 20–24.

31. Бушен, А.Б. Наличное население России за 1858 г. / А.Б. Бушен. – СПб.: Наука, 1863. – 23 с.

32. Вампилова, Л.Б. Метод временных срезов в исторической географии населения: монография / Л.Б. Вампилова, В.С. Дементьев, А.Г. Манаков. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. – 204 с.

33. Вампилова, Л.Б. О проекте подготовки научной серии коллективных монографий «Историческая география России» / Л.Б. Вампилова // Глобальные и региональные проблемы исторической географии: Материалы IV международной науч. конф. по исторической географии. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, ВВМ, 2011. – С. 91–95.

34. Вампилова, Л.Б. Региональный историко-географический анализ. Система методов исследований в исторической географии: Монография. Кн. 2 / Л.Б. Вампилова. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2008. – 152 с.

35. Вампилова, Л.Б. Теория регионального историко-географического анализа / Л.Б. Вампилова // Псковский регионологический журнал. – 2010. – № 10. – С. 129–140.

36. Великолукский округ Ленинградской области. – В. Луки: Изд. окружного стат. отдела, 1928. – 254 с.

37. Вендина, О.И. Мигранты в Москве. Грозит ли российской столице этническая сегрегация / О.И. Вендина. – М.: Центр миграционных исследований, 2005. – 88 с.

38. Владимиров, В.В. Проблемы развития теории расселения в России / В.В. Владимиров, Н.И. Наймарк. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 376 с.

39. Владимиров, В.В. Справочник проектировщика / В.В. Владимиров, Н.И. Наймарк, Г.В. Субботин и др. – М.: Стройиздат, 1986. – 325 с.

40. Водарский, Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века: Численность, сословно-классовый состав, размещение / Я.Е. Водарский. – М.: Наука, 1977. – 266 с.

41. Воейков, А.И. Людность селений Европейской России и Западной Сибири / А.И. Воейков // Известия РГО. Т. 45. – 1909. – Вып. 1–3. – С. 21–71.

42. Воейков, А.И. Распределение населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека / А.И. Воейков // Изв. имп. Русского геогр. общества, 1906.

43. Волков, А.Г. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда / А.Г. Волков. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund08.html

44. Всероссийская перепись населения 2002 года. – Режим доступа: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11

45. Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php

46. Всесоюзная перепись населения 1926 г. РСФСР и ее регионы. Населенные места. Наличное городское и сельское население. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_26.php?reg=0

47. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. Том 9. – С. 2–13. Том 17. – С. 2–3.

48. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=1

49. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Численность наличного населения СССР по районам и городам. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_2.php

50. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6

51. Всесоюзная перепись населения 1959 года. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3

52. Выскочков, Л.В. Об этническом составе сельского населения Северо-Запада России / Л.В. Выскочков // Петербург и губерния. – Л., 1989. – С.113–121.

53. ГАПО. Ф. Р-1493. Оп. № 4. Д. 360. Л. 406.

54. ГАПО. Ф. Р-1493. Оп. № 4. Д. 860. Л. 321.

55. ГАПО. Ф. Р-1493. Оп. № 5. Д. 2989. Л. 133.

56. ГАПО. Ф. Р-1493. Оп. № 6. Д. 5029. Л. 35.

57. ГАПО. Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 183. Л. 21

58. ГАПО. Ф. Р-903. Оп. 3. Д. 93. Л. 107

59. Географические границы. Под. ред. Б.Б. Родомана и Б.М. Эккеля. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 128 с.

60. Глебова, А.Б. Историческая география ландшафтов Алтае-Саян: автореф. дис. … канд. геогр. наук: 25.00.23 / Глебова Анастасия Борисовна. – СПб., 2007.

61. Глебова, А.Б. Пространственно-временные особенности освоения ландшафтов Горного Алтая / А.Б. Глебова, Д.А. Дирин, К.В. Чистяков. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2013. – 140 с.

62. Глезер, О.Б. Пространство жизнедеятельности населения и расселение как факторы и условия модернизации России / О.Б. Глезер, Э.И. Вайнберг // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 3. – С. 21–38.

63. Голубченко, И.В. Географические проблемы формирования и перспективы развития сети поселений Амурской области (на примере Благовещенского подрайона): дис. … канд. геогр. наук: 11.00.02 / Голубченко Игорь Вячеславович. – М., 1995. – 176 с.

64. Горина, К.В. Географическая специфика формирования конфессионального пространства Забайкальского края: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Горина Ксения Владимировна. – Улан-Удэ, 2011. – 165 с.

65. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского / Ред.-сост. Т.Г. Нефедова, П.М. Полян, А.И. Трейвиш. – М.: ОГИ, 2001. — 558 с.

66. Горохов, С.А. Религиозная мозаичность как фактор экономического развития регионов современного мира: дис. … д-ра геогр. наук: 25.00.24 / Горохов Станислав Александрович. – М., 2017. – 394 с.

67. Григорьев, В.А. Реформа местного управления при Екатерине II / В.А. Григорьев. – СПб, 1910. – 387 с.

68. Гумилев, Л.Н. Древняя Русь и Великая степь / Л.Н. Гумилев. – М., 1989. – 766 с.

69. Давидович, В.Г. Планировка городов. Инженерно-экономические основы / В.Г. Давидович. – Л.: Министерство коммунального хозяйства РСФСР, 1947. – 316 с.

70. Демографическая ситуация в Беларуси во времена Речи Посполитой. – Режим доступа: http://www.zavtrasessiya.com/index.pl?act=PRODUCT&id=315

71. Демографическая энциклопедия. – М.: Изд-во «Энциклопедия», 2013. – 944 с.

72. Ден, В.Э. Население России по Пятой ревизии. Т. 1 / В. Э. Ден. – М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1902. – 388 с.

73. Дорофеева, Д.Ю. Изменение этнической мозаичности регионов России / Д.Ю. Дорофеева, М.С. Савоскул // Демографические исследования. – М.: МАКС Пресс, 2010. – С. 72–93.

74. Дружинин, А.Г. География русской культуры: подходы к исследованию / А.Г. Дружинин, С.Я. Сущий // Изв. РГО. Т.125. – 1993. – Вып. 6. – С. 27–36.

75. Евтеев, О.А. Население и трудовые ресурсы / О.А. Евтеев, С.А. Ковалев // Комплексные региональные атласы. – М., 1976.

76. Евтеев, О.А. Развитие социально-экономической картографии в России / О.А. Евтеев // Геодезия и картография. – 2005. – № 1. – С. 20–23.

77. Ерошевич, А.В. Полоцк во время войны 1812 года / А.В. Ерошевич // Сражения при Полоцке. 1812 год. – Полоцк: Полоцк. кн. изд-во, 2010. – С. 7–8

78. Жекулин, В.С. Историческая география. Предмет и методы / В.С. Жекулин. – Л.: Наука, 1982. – 224 с.

79. Жиромская, В.Б. Религиозность народа в 1937 году / В.Б. Жиромская // Исторический вестник. – 2000. – № 5. – Режим доступа: http://apologetik.ru/religioznost-naroda-v-1937-godu/

80. Зайончковская, Ж.А. Демографическая ситуация и расселение / Ж.А. Зайончковская. – М.: Наука, 1991. – 130 с.

81. Захаров, С.В. Эволюция региональных особенностей воспроизводства населения России: дис. … канд. экон. наук: 08.00.18 / Захаров Сергей Владимирович. – М., 1990. – 199 с.

82. Зеленская, А.Е. Эволюция расселения в Кабардино-Балкарской республике: дис. … канд. геогр. наук: 25.00.24 / Зеленская Анна Евгеньевна. – Ставрополь, 2010. – 156 с.

83. Зубаревич, Н.В. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем / Н.В. Зубаревич. – М.: Поматур, 2005. – 278 с.

84. Из сборника инструктивных материалов министерства оккупированных восточных областей. – Режим доступа: http://kopilka.wolfschanze.ru/lat/2.htm

85. Иоффе, Г.В. Сельское хозяйство Нечерноземья: территориальные проблемы / Г.В. Иоффе. – М., 1990. – 164 с.

86. Исповедная роспись. – Режим доступа: http://www.icon-favor.ru/index.php?idslovo=1322&page=859

87. История переписей населения на Псковской земле. 2010. – Псков: Псковстат, 2010. – 170 с.

88. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Население по национальности и владению русским языком. – Режим доступа: http://pskovstat.gks.ru/

89. Кабо, Р.М. Элементы географического изучения населения в СССР / Р.М. Кабо // География в школе. – 1941. – № 3.

90. Кабузан, В.М. Значение слова «Ревизия (перепись населения)» в Большой Советской Энциклопедии / В.М. Кабузан. – Режим доступа: http://bse.sci-lib.com/article095898.html

91. Кабузан, В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX вв. / В.М. Кабузан. – М.: Наука, 1971. – 188 с.

92. Кабузан, В.М. Народонаселение России в XVIII – в первой половине XIX в. по материалам ревизий / В.М. Кабузан. – М.: АН СССР, 1963. – 230 с.

93. Кабузан, В.М. Народы России в XVIII в.: Численность и этнический состав / В.М. Кабузан. – М., 1990. – 256 с.

94. Кабузан, В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав / В.М. Кабузан. – М.: Наука, 1992. – 216 с.

95. Кабузан, В.М. Распространение православия и других конфессий в России в XVIII – начале XX в. (1719–1917 гг.) / В.М. Кабузан. – М.: ИРИ РАН, 2008. – 272 с.

96. Кабузан, В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселение (1719–1989 гг.): Формирование этнических и политических границ русского народа / В.М. Кабузан. – СПб.: Изд-во Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 1996. – 350 с.

97. Кабузан, В.М. Табель первой ревизии народонаселения России (1718–1727 гг.) / В.М. Кабузан, Н.М. Шепукова // Исторический архив. – 1959. – № 3.

98. Казаков, Н.А. Эволюция сельских локальных систем расселения Чувашской Республики в 1927–2002 гг.: дис. … канд. геогр. наук: 25.00.24 / Казаков Николай Александрович. – М.: 2010. – 261 с.

99. Казьмина, О.Е. Основы этнодемографии / О.Е. Казьмина, П.И. Пучков. – М.: Наука, 1994.

100. Калининская область. Статистический сборник / Калининское областное управление народнохозяйственного учета. – М., 1935.

101. Капица, С.П. Общая теория роста человечества / С.П. Капица. – М.: Наука. – 1999. – 190 с.

102. Караваев, С.А. Этногеографические процессы на Кавказе в XX в.: дис. … канд. геогр. наук: 25.00.24 / Караваев Сергей Алексеевич. – М., 2006. – 233 с.

103. Карта административного деления рейхкомиссариата Остланд, 1943 г. – Режим доступа: http://q-map.ru/

104. Кёппен, П.И. Девятая ревизия / П.И. Кёппен. – СПб., 1857. – 111 с.

105. Кёппен, П.И. Об этнографической карте Европейской России / П.И. Кёппен. – СПб., 1852.

106. Кириллов, П.Л. Региональное геодемографическое прогнозирование (методика и опыт практических разработок): дис… канд. геогр. наук / Кириллов Павел Линардович. – М., 2013. – 150 с.

107. Киселева, И.Г. Круг брачных связей Хэваских ижор (к проблеме этнокультурных контактов) / И.Г. Киселева // Этносы и этнические процессы. Памяти Р.Ф. Итса. Сборник статей. – М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература», 1993. – С.213–235.

108. Клоков, К.Б. Динамика региональных популяций коренных малочисленных народов Севера (по данным всеобщих переписей населения Российской Федерации) / К.Б. Клоков, С.А. Хрущев, Ю.А. Ступин // Этнографические и этноэкологические исследования. Вып. 14. – СПб.: Изд-во «ВВМ», 2008. – 84 с.

109. Клочков, М.В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Том 1 / М.В. Клочков. – СПб: Сенатская типография, 1911.

110. Ковалев, С.А. Географическое изучение сельского расселения (задачи, методика, материалы, специальные карты расселения) / С.А. Ковалев. – М.: МГУ, 1960. – 338 с.

111. Ковалев, С.А. Региональные различия в перспективном развитии сельского расселения / С.А. Ковалев. – М.: МГУ, 1974. – 101 с.

112. Ковалев, С.А. Сельское расселение (Географическое исследование) / С.А. Ковалев. – М.: МГУ, 1963. – 372 с.

113. Когтикова, М.Т. О ликвидации хуторов в 1935–1941 гг. / М.Т. Когтикова // История СССР. – 1963. – № 4. – С. 122.

114. Кожурин, К.Я. Староверы Псковского поозерья: Пустошкинский район / К.Я. Кожурин. – М.: Археодоксія, 2011. – 64 с. – Режим доступа: https://ridero.ru/books/starovery_pskovskogo_poozerya/read/

115. Кононов, А.А. Процесс сселения хуторов на Псковщине (1930–1960-е гг.) / А.А. Кононов // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 2006. – № 24. – С. 167–172.

116. Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимодействий / редакция Некрасов А.М. и др. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 1995. – 182 с.

117. Корандей, Ф.С. Метод «кросс-секций» в британской традиции исторической географии / Ф.С. Корандей // Глобальные и региональные проблемы исторической географии: Материалы IV международной науч. конф. по исторической географии. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, ВВМ, 2011. – С. 119–121.

118. Корсунский, М. Итоги переписи населения в России в 2010 / М. Корсунский. – Режим доступа: http://www.russianscientist.org/

119. Кривуля, И.В. Депопуляционные процессы в Псковской области и ключевые направления демографической политики / И.В. Кривуля, А.Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. – 2005. – № 1. – С. 57–69.

120. Кривуля, И.В. Социально-демографический портрет районов Псковской области / И.В. Кривуля // Псковский регионологический журнал. – 2006. – № 2. – С. 79–100.

121. Криндач, А.Д. География религии как научное направление / А.Д. Криндач // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1992. – № 3. – С. 63–69.

122. Крупник, И.И. Этноконтактные зоны в европейской части СССР (вместо предисловия) / И.И. Крупник // Этноконтактные зоны в европейской части СССР (география, динамика, методы изучения). – М.: МФГО, 1989. – С. 3–6

123. Кузнецова, С.Н. Транспортные условия сельского расселения Тверского региона: автореф. … канд. геогр. наук: 25.00.24 / Кузнецова Светлана Николаевна. – М., 2011. – 22 с.

124. Кулаков, И.С. Историческая география Псковщины (население, культура, экономика) / И.С. Кулаков, А.Г. Манаков. – М.: Варяг, 1994. – 316 с.

125. Культура сельского населения псковского пограничья. – Режим доступа: http://druzhkovka-news.ru/kultura-selskogo-naseleniya-pskovskogo-pogranichya/3/

126. Куница, М.Н. Цикличность развития сети поселений в староосвоенных регионах / М.Н. Куница // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2012. – № 2. – С. 65–71.

127. Кушнер, П.И. О национальном составе населения Латвии в 1935 г. / П.И. Кушнер // Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.). Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, том XXIII. – 1954. – С. 197–215.

128. Лаппо, Г.М. Городские агломерации в СССР и за рубежом / Г. М. Лаппо, В. Я. Любовный. – М.: Знание, 1977. – 47 с.

129. Лаппо, Г.М. Итоги российской урбанизации к концу XX в. // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Г.М. Лаппо. – М.: ОГИ, 2005. – С. 187–214.

130. Левченков, А.В. Формирование системы сельского расселения Калининградской области: дис. … канд. геогр. наук: 25.00.24 / Левченков Андрей Викторович. – Калининградский гос. ун-т. Калининград., 2005. – 194 с.

131. Ленинградская область 1927–1940 гг. – Режим доступа: http://dmee.ru/docs/100/index-34144.html

132. Ленинградская область. Экономический обзор области, округов и районов и Карельская АССР. – Л., 1928.

133. Лёш, А. Географическое размещение хозяйств. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – 455 с.

134. Локшина, А.М. Региональная дифференциация социального развития в странах СНГ: дис. … канд. геогр. наук: 25.00.24 / Локшина Анна Михайловна. – М., 2004. – 243 с.

135. Лухманов, Д.Н. Историко-географическое изучение расселения: задачи и методы / Д.Н. Лухманов // Вестник исторической географии. – 1999. Вып. 1. – С. 75–89.

136. Маамяги, В.А. Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. / В.А. Маамяги. – М.: Наука, 1990. – 200 с.

137. Мадюскин, П.Н. Территориальная дифференциация уровня и качества жизни населения России: дис. … канд. геогр. наук: 25.00.24 / Мадюскин Павел Николаевич. – М., 2005. – 156 с.

138. Мазур, Л.Н. Сельское расселение на Среднем Урале в XX в.: направления и варианты трансформации поселенческой сети: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Мазур Людмила Николаевна. – Екатеринбург, 2006. – 47 с.

139. Манаков, А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия / А.Г. Манаков. – Псков: Центр «Возрождение» при содействии ОЦНТ, 2002. – 300 с.

140. Манаков, А.Г. Демография и расселение сету в Печорском районе / А.Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. – 2015. – № 21. – С. 59–74.

141. Манаков, А.Г. Депопуляционные процессы в Псковской области на фоне поляризации населения Северо-Западной России / А.Г. Манаков // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России / Отв. ред. В.М. Котляков, В. Н. Стрелецкий, О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов. – М.: Издательский дом «Кодекс», 2016. – С. 317–337.

142. Манаков, А.Г. Динамика национального состава населения Псковской области с 1959 по 2010 гг. (по итогам переписей) / А.Г. Манаков // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. – 2013. – Выпуск 2. – С. 132–140.

143. Манаков, А.Г. Динамика численности и этнического состава населения Северо-Запада России в XVIII–XIX вв. / А.Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. – 2016. – № 1 (25). – С. 59–81.

144. Манаков, А.Г. Динамика численности национальных групп Псковской губернии и Псковской области (XVIII–XX вв.) / А.Г. Манаков // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 1998. – № 8. – С. 213–225.

145. Манаков, А.Г. Западное порубежье России: географические аспекты становления и развития Псковского региона / А.Г. Манаков, С.И. Евдокимов, Н.В. Григорьева. – Псков: Издательство АНО «Логос», 2010. – 216 с.

146. Манаков, А.Г. Изменение административно-территориального деления Северо-Запада России в советскую эпоху / А.Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. – 2015. – № 24. – С. 72–87.

147. Манаков, А.Г. Использование метода временных срезов в исторической географии населения / А.Г. Манаков // Региональные исследования. – 2015. – № 1 (47). – С. 126–136.

148. Манаков, А.Г. Исторические срезы в географии населения Северо-Запада России (с конца XIX в. по начало XXI в.) / А.Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. – 2015. – № 23. – С. 72–91.

149. Манаков, А.Г. Метод временных срезов в исторической этнической и конфессиональной географии / А.Г. Манаков // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Естественные и физико-математические науки». – 2015. – Выпуск 6. – С. 50–60.

150. Манаков, А.Г. На стыке цивилизаций: Этнокультурная география Запада России и стран Балтии / А.Г. Манаков. – Псков: Изд-во ПГПИ, 2004. – 296 с.

151. Манаков, А.Г. Псковские сету: спорные вопросы происхождения / А.Г. Манаков, К.Н. Потапова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 2. – С. 106–112.

152. Манаков, А.Г. Псковский регион в свете административно-территориальных реформ XVIII–XX вв.: историко-географический анализ / А.Г. Манаков, С.И. Евдокимов // Региональные исследования. – 2009. – № 2 (23). – С. 24–34.

153. Манаков, А.Г. Территориальное развитие прибалтийско-финских народов, разделенных государственными и административными границами (на примере карел, вепсов и сету) / А.Г. Манаков, Н.К. Теренина // Балтийский регион. – 2015. – № 1 (23). – С. 127–142.

154. Манаков, А.Г. Этнодемографический портрет сету Печорского района Псковской области в начале второго десятилетия XXI века / А.Г. Манаков, К.Н. Потапова // Псковский регионологический журнал. – 2012. – № 13. – С. 67–79.

155. Манаков, А.Г. Этносоциальный портрет сету Печорского района Псковской области (по результатам исследований 1999–2011 гг.) / А.Г. Манаков, К.Н. Потапова // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 2. – С. 177–187.

156. Мартынов, В.Л. Эволюция системы административно-территориального деления северо-запада европейской России / В.Л. Мартынов // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 1998. – № 8. – С. 202–212.

157. Материалы по этнической географии (обзор) / Сост. Б.С. Хорев, И.А. Данилова, М.С. Савоскул. – М.: Макс-Пресс, 2001. – 270 с.

158. Махрова, А.Г. Особенности стадиального развития Московской агломерации / А.Г. Махрова // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2014. – № 4. – С. 10–16.

159. Махрова, А.Г. Сезонная субурбанизация в регионах России / А.Г. Махрова // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2015. – № 4. – С. 60–68.

160. Метрические книги как источник по истории населения России. – Режим доступа: http://publications.hse.ru/articles/77713872

161. Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах. Т. 3: Аннотированный библиографический указатель научной литературы по миграции, изданной в России 2000–2012. – М.: НП РСМД, 2013. – 376 с.

162. Миграция и новые диаспоры в постсоветских государствах / Отв. ред. В.А. Тишков. – М., 1996. – 238 с.

163. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правого государства. Т.1. / Б.Н. Миронов. – СПб.: Изд-во "Дмитрий Буланин". – 1999. – 548 с.

164. Мкртчян, Н.В. Миграция в России: потоки и центры притяжения / Н.В. Мкртчян, Л.Б. Карачурина. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0595/tema01.php

165. Мой город. – Режим доступа: http://www.mojgorod.ru

166. Народное хозяйство Великолукской области. Статистический сборник. – Великие Луки, 1957.

167. Народное хозяйство Пскова и Псковской области. Статистический сборник. – Л., 1976.

168. Народное хозяйство Псковской области. Статистический сборник. – Л., 1960.

169. Народное хозяйство Псковской области. Статистический сборник. – Л., 1968.

170. Народное хозяйство Псковской области. Статистический сборник. – Л., 1986.

171. Народное хозяйство Псковской области. Статистический сборник. – Л., 1991.

172. Народонаселение дореволюционной России. – Режим доступа: http://uchebnik-online.net/book/260-narodonaselenie-dorevolyucionnoj-rossii-uchebnoe-posobie-pinaevskij-di/6-2-revizskij-uchet-naseleniya-xviii-pervaya-polovina-xix-vv.html

173. Народонаселение России в XVIII веке. Численность, материалы учета. — Режим доступа: http://studopedia.ru/2_106809_natsionalniy-sostav-demograficheskoe-povedenie.html

174. Население Псковской области в истории. – Режим доступа: http://pskovskie.ru/блог/население-псковской-области

175. Национальные меньшинства Ленинградской области. П. М. Янсон. – Л.: Орготдел Ленинградского Облисполкома, 1929. – 104 с.

176. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Псковской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: статистический сборник. – Псков: Псковстат, 2005. – 81 с.

177. Национальный состав населения Псковской области (по данным Всесоюзных переписей населения 1970, 1979, 1989 годов): Стат. сборник. – Псков: Псковоболкомстат, 1990.

178. Нефедова, Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа / Т.Г. Нефедова. – М.: Эдиториал УРСС, 2012. – 456 с.

179. Нефедова, Т.Г. Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России / Т.Г. Нефедова // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2015. – № 3. – С. 41–56.

180. Новожилов, А.Г. Население Псково-Печерского края между этнокультурной традицией и национальной политикой / А.Г. Новожилов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 62. – 2017. – Вып. 1. – С. 186–200.

181. Обобщенные сведения об установленных злодеяниях, учиненных над гражданами Псковской обл. немецко-фашистскими захватчиками. 1945 г. – Режим доступа: http://www.archive.pskov.ru/node/1149

182. Озем, Г.З. Конфессиональное районирование Беларуси / Г.З. Озем // Вестник БГУ. Сер. 2. – 2008. – № 1. – С. 90–95.

183. Оценка численности постоянного населения по муниципальным образованиям Псковской области на 1 января 2016 года. – Режим доступа: http://pskovstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/pskovstat/resources/17470b804c322efd8079e7b4bce00d93/nas160328_1.htm (2017 г.)

184. Памятная книжка Витебской губернии на 1865 год. – Витебск, СПб., 1865.

185. Памятная книжка Псковской губернии на 1863 год. – Псков: Типография Губернского правления. 1863.

186. Памятная книжка С.-Петербургской губернии 1863 г. – СПб., 1863.

187. Памятные книжки губерний и областей Российской империи. – Режим доступа: http://www.nlr.ru/pro/inv/mem_buks.htm

188. Панков, С.В. Сельские поселения: теория и практика регионального исследования / С.В. Панков. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. – 406 с.

189. Пархоменко, А.А. Ревизии населения как основа изменений социальной структуры общества в российской империи 1719–1858 гг. /

А.А. Пархоменко // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2013. – № 2 (26).

190. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Том XXXIV. Псковская губерния. Тет. 2, 1904. – 171 с.

191. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Том V. Витебская губерния. Тетрадь 2, 1901. – 110 с.; Тетрадь 3, 1903. – 281 с.

192. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Том XXXVII. С.-Петербургская губерния, 1903. – 263 с.

193. Переведенцев, В.И. Методы изучения миграции населения / В.И. Переведенцев. – М.: Наука, 1975. – 231 с.

194. Переведенцев, В.И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири / В.И. Переведенцев. – Новосибирск: Наука, 1965. – 191 с.

195. Переписи в Эстонии, Латвии, Литве и Белоруссии. – Режим доступа: http://pop-stat.mashke.org/

196. Перепись 1935 г. – Режим доступа: http://pop-stat.mashke.org/latvia-ethnic-comm1935.htm

197. Перепись 2011 г. – Режим доступа: http://pop-stat.mashke.org/latvia-ethnic-comm2011.htm

198. Петербургский полицейский. Основы толерантного поведения / В.А. Дмитриев, В.А. Кузнецов, С.М. Оленников, Л.В. Никифорова. – СПб., 2011. – 140 с.

199. Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский (1827–1914). – Режим доступа: http://nplit.ru/books/item/f00/s00/z0000044/st056.shtml

200. Плоткин, К.М. Этнический состав населения Псковского края в XVIII–XX вв. / К.М. Плоткин // Археология Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара 1996-1999 гг. – Псков, 2000. – С. 113–121.

201. Покшишевский, В.В. География миграций населения в России: Опыт историко-географического исследования: дис. … д-ра геогр. наук / Покшишевский Вадим Вячеславович. – М., 1947.

202. Покшишевский, В.В. Население и география: теоретические очерки / В.В. Покшишевский. – М.: Мысль, 1978. – 315 с.

203. Полян, П.М. Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР / П.М. Полян. – М.: ОГИ Мемориал, 2001. – 328 с.

204. Попкова, Л.И. География населения российско-украинского приграничья: дис. ... д-ра геогр. наук: 25.00.24 / Попкова Людмила Ивановна. – М., 2007. – 357 с.

205. Поспелов, Е.М. Этноконтактные зоны в Европейской части СССР: география, динамика, методы изучения / Е.М. Поспелов, И.И. Крупник. – М.: МФГО, 1989. – 163 с.

206. Практическая демография / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2005. – 280 с.

207. Псков в годы Великой Отечественной войны. – Режим доступа: http://www.culture.pskov.ru/ru/history/world_war_II

208. Псковская область в цифрах. 2014: Крат.стат. сб. (к 70-летию образования Псковской области) / Псковстат. – Псков, 2014. – 149 с.

209. Псковская область в цифрах. Краткий статистический сборник. – Псков: Псковоблкомстат, 1994.

210. Псковский край / Краеведческий сборник под ред. ОКРОНО. – Псков: Новая жизнь, 1927. – 446 с.

211. Псковский округ: (основные статистико-экономические сведения) / РСФСР, Псковский окружной исполнительный комитет. – Псков: Издание президиума Окрисполкома, 1928. – 44 с.

212. Пуричи, В.В. Формирование и развитие региональной системы расселения населения Алтайского края в XX веке: дис. … канд. геогр. наук: 25.00.24 / Пуричи Виталий Владимирович. – Рубцовск, 2005. – 147 с.

213. Пучков, П.И. Современная география религий / П. И. Пучков. – М.: Наука, 1975. – 182 с.

214. Российский статистический ежегодник. 1999: Стат. сборник / Госкомстат России / В.И. Галицкий, М.И. Гельвановский, Л.М. Гохберг, В.Л. Соколина и др. – М. : Госкомстат России, 1999. – 624 с.

215. Рыбаковский, Л.Л. Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития / Л.Л. Рыбаковский. – М.: ЦСП, 2006. – 264 с.

216. Рыбаковский, Л.Л. Исследования миграции населения в России // Социология в России / Л.Л. Рыбаковский / Под ред. В.А. Ядова. – М.: Ин-т социологии РАН, 1998. – С. 436–451.

217. Рыбаковский, Л.Л. Региональный анализ миграций / Л.Л. Рыбаковский. – М.: Статистика, 1973. – 159 с.

218. Рыбаковский, Л.Л. Результаты современной демографической политики России // Народонаселение. – 2014. – № 1 (63). – С. 4–18.

219. Сафронов, С.Г. Географические аспекты изучения религиозной сферы России: дис. … канд. геогр. наук: 11.00.02 / Сафронов Сергей Геннадьевич. – М., 1998. – 200 с.

220. Сафронов, С.Г. Русская православная церковь в конце XX века: территориальный аспект / С.Г. Сафронов. – М.: Московский центр Карнеги, 2001. – 100 с.

221. Сафронов, С.Г. Современная сеть православных монастырей в географическом измерении / С.Г. Сафронов // Известия АН. Серия географическая. – 1999. – №1. – С. 60–66.

222. Сафронов, С.Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России / С.Г. Сафронов // Балтийский регион. – 2015. – № 3. – С. 138–153.

223. Сафронов, С.Г. Структура и особенности современного религиозного ландшафта России / С.Г. Сафронов // Проблемы расселения: история и современность. Сер. «Россия 90-х: проблемы регионального развития». – 1997. – Вып. 3. – С. 71–75.

224. Сведения о количестве граждан Псковской обл., насильно вывезенных немецко-фашистскими захватчиками и возвратившихся на Родину на 01.01.1947 г. – Режим доступа: http://www.archive.pskov.ru/node/1151

225. Седунов, А.В. «Выселить навечно» (депортация населения из западных районов Псковской области в 1950 г.) / А.В. Седунов // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 2009. – № 31. – С. 211–217.

226. Сельские населенные пункты Псковской области (по данным Всесоюзной переписи 1989 года). Статистический сборник № 6. Управление статистики Псковской области. – Псков, 1990.

227. Семенов-Тян-Шанский, В.П. Город и деревня в Европейской России. Очерк экономической географии с 16 картами и картограммами / Записки Имп. русск. геогр. о-ва, том X, выпуск 2 / В.П. Семенов-Тян-Шанский. – СПб., 1910. – 212 с.

228. Симагин, Ю.А. Поселки городского типа России / Ю.А. Симагин. – М.: ИСЭПН, 2006.

229. Современный национальный состав и его изменение в XX веке. – Режим доступа: http://krai-pskovsky.ru/sovremennyj-nacionalnyj-sostav-i-ego-izmenenie-v-xx-veke/

230. Состав (структура) населения мира. – Режим доступа: https://geographyofrussia.com/sostav-struktura-naseleniya-mira/

231. Справочник по районам Ленинградской области / Изд. орг. отд. Леноблисполкома. – Л., 1930. – 312 с.

232. СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1980 года / Составители В. А. Дударев, Н. А. Евсеева. – М.: Изд-во «Известия Советов народных депутатов СССР», 1980. – 702 с.

233. СССР–СНГ–Россия: география населения и социальная география. 1985–1996. Аналитико-библиографический обзор. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 600 с.

234. Статистический сборник / Госкомстат России. – М., 1994. – 799 с.

235. Статья о латышских колонистах в Велижском уезде Псковской губернии // Псковский набат. – 1925. – № 227. – С. 6. – Режим доступа: http://www.archive.pskov.ru/node/1322

236. Стрелецкий, В.Н. Эволюция научных парадигм в мировой исторической географии: от классических школ к современным исследовательским направлениям / В.Н. Стрелецкий // Вопросы географии. Сб. 136: Историческая география / Отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий. – М.: Издательский дом «Кодекс», 2013. – С. 29–48.

237. Стрелецкий, В.Н. Этническая география / В.Н. Стрелецкий // Большая Российская энциклопедия. Т. 6. – М.: БРЭ, 2006.

238. Ступин, Ю.А. Великая Отечественная война как фактор геодемографической трансформации Ленинградской области: дис. … канд. геогр. наук: 25.00.24 / Ступин Юрий Александрович. – М., 2017. – 184 с.

239. Сущий, С.Я. Очерки географии русской культуры / С.Я. Сущий, А.Г. Дружинин. – Ростов-на-Дону: Изд. СКНЦ ВШ, 1994. – С. 24.

240. Табаксоев, И.А. Социологический анализ управления региональным демографическим процессом (на примере Ставропольского края): дис... канд. соц. наук: 22.00.08 / Табаксоев Ибрагим Ахматович. – Пятигорск, 2008. – 169 с.

241. Тархов, С.А. Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. / С.А. Тархов // ЛОГОС. – 2005. – № 1 (46). – С. 65–101.

242. Тархов, С.А. Изменение административно-территориального деления России за последние 300 лет / С.А. Тархов // География (Приложение к газете «1 сентября»). – 2001. № 15. – Режим доступа: http://geo.1september.ru/articles/2001/15/02.

243. Теренина, Н.К. Особенности системы расселения и территориального развития Псковской области / Н.К. Теренина, Т.В. Васильева // Псковский регионологический журнал. – 2010. – № 9. – С. 13–18.

244. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Псковской области. Доклад «Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года». Приложение 1. Численность городского и сельского

населения по районам Псковской области (по данным переписей населения, человек). – Режим доступа: http://pskovstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/pskovstat/resources/d6552a004cb9d02cba51fff7f219d26e/%2Fvpn2010%2Fdoclib6%2Fnas111223_21.htm

245. Тихонова, Л.И. Эколого-географический анализ формирования системы расселения Рязанской области: дис. … канд. геогр. наук: 25.00.36 / Тихонова Лариса Ивановна. – Рязань., 2005. – 188 с.

246. Тлехурай, Ф.В. Эволюция расселения на территории Адыгеи в XX в.: дис. … канд. геогр. наук: 25.00.24 / Тлехурай Фатимат Вячеславовна. – М., 2004. – 233 с.

247. Трифонова, З.А. Особенности этнокультурной среды в столицах и городах национально-территориальных образований России / З.А. Трифонова // Региональные исследования. – 2006. – № 1. – С. 22–29.

248. Турун, П.П. Эволюция и функционирование сельского расселения Ставропольского края: автореф. дис. … канд. геогр. наук: 11.00.02 / Турун Павел Петрович. – М., 1995.

249. Упразднение округов. – Режим доступа: http://francis-maks.livejournal.com/197416.html

250. Федоров, Г.М. Научные основы концепции геодемографической обстановки / Г.М. Федоров. – Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1991. – 179 с.

251. Филимонов, А.В. Источники по истории Псковского края (Послеоктябрьский период). Материалы по курсу «Источниковедение отечественной истории» / А.В. Филимонов. – Псков: ПГПИ им. С.М. Кирова, 2001. – 108 с.

252. Филимонова, И.Ю. Структура и развитие конфессионального пространства Оренбургской области: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Филимонова Ирина Юрьевна. – Оренбург, 2006. – 174 с.

253. Философия. Ч. III–IV / под ред. проф. В.Ф. Беркова. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 394 с.

254. Фомкина, А.А. Трансформация местных систем расселения слабоурбанизированных территорий Центральной России (на примере Тверской области): дис. … канд. геогр. наук: 25.00.24 / Фомкина Александра Андреевна. – М., 2016. – 149 с.

255. Харлашов, Б.Н. Погосты и губы в Псковской земле XIV–XVI вв: автореф. дис. … канд. истор. наук: 07.00.06 / Харлашов Борис Николаевич. – М., 1995. – 18 с.

256. Хорев, Б.С. Проблемы городов: (Урбанизация и единая система расселения в СССР) / Б.С. Хорев. – М.: Мысль, 1975. – 427 с.

257. Хорев, Б.С. Проблемы изучения миграции населения / Б.С. Хорев, В.Н. Чапек. – М.: Мысль, 1978. – 256 с.

258. Хришкевич, А.П. Старообрядцы Псковской губернии в XIX в. / А.П. Хришкевич // Научно-практический, историко-краеведческий журнал «Псков». – 2002. – № 17. – С. 49–54.

259. Церковные метрические книги – где хранятся документы. – Режим доступа: http://livemem.ru/articles/metricheskie_knigi.html

260. Численность населения Псковской области (по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 годов). Статистический сборник № 2. Управление статистики Псковской области. – Псков, 1990.

261. Шапиро, А.Л. Аграрная история Северо-Запада России XVII века / А.Л. Шапиро. – Л.: Изд-во «Наука» Ленинградское отделение, 1989. – 231 с.

262. Шешельгис, К.К. Единая система расселения на территории Литовской ССР: автореф. дис. … д-ра. архитектуры: / Казис Казио Шешельгис. – Минск, 1967. – 43 с.

263. Шупер, В.А. Устойчивость пространственной структуры систем городского расселения: автореф. дис. … докт. геогр. наук: / Шупер Вячеслав Александрович. – М., 1990.

264. Шупер, В.А. Самоорганизация городского расселения / В.А. Шупер. – М.: Российский открытый университет, 1995. – 166 с.

265. Эккель, Б.М. Определение индекса этнической мозаичности национального состава республик, краёв, областей СССР / Б.М. Эккель // Советская этнография. – 1976. – № 2. – С. 33–42

266. Экономико-статистический справочник Ленинградской области. – Л.: Издательство Леноблисполкома и Ленсовета, 1932. – С. 394–399.

267. Яковлева, Т.И. К истории староверия на Пустошкинской земле / Т.И. Яковлева // Научно-практический, историко-краеведческий журнал «Псков». – 2011. – № 35. – С. 127–134.

268. Янин, В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков / В.Л. Янин. – М.: Издательство МГУ, 1998. – 216 с.

269. Яцеленко, И.В. Изменение в количественном составе населённых пунктов на территории Псковской области / И.В. Яцеленко // Северо-Западная Россия: проблемы экологии и социально-экономического развития. Материалы региональной общественно-научной конференции с международным участием. – Псков: Издательство «Центр «Возрождение» при содействии издательства ОЦНТ, 2004. – 452 с.

270. Яцунский, В.К. Историческая география как научная дисциплина / В.К. Яцунский // Вопросы географии. Сб. 20. – 1950. – С. 13–41.

271. Яцунский, В.К. Историческая география: история ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках / В.К. Яцунский. – М., 1955. – 333 с.

272. Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Т.12: Палікрат – Праметэй / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. Мн.: БелЭн, 2001. Т. 11. – 560 с.

273. Насевіч, В. Віцебскае ваяводства / В. Насевіч // Вялікае Княства Літоўскае. Энцыклапедыя у 3 т. Мн.: БелЭн, 2005. Т. 1: Абаленскі – Кадэнцыя. – 684 с.

274. Паздняко̆ў, В. Смаленскае ваяводства / В. Паздняко̆ў // Вялікае Княства Літоўскае. Энцыклапедыя у 3 т. – Мн.: БелЭн, 2005. – Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч. – 788 с.

275. Сагановіч, Г. Невядомая вайна: 1654–1667 / Г. Сагановіч. – Режим доступа: http://jivebelarus.net/history/gistografia/unknown-war-1654-1667.html?page=14#lnk13

276. 1922. a. üldrahvalugemise andmed. Vihk 11, Võru ja Petseri maakonnad. – Tallinn, 1927.

277. A New Historical Geography of England / Ed. By H. C. Darby. – Cambridge, 1973.

278. An Historical Geography of England before AD 1800 / Ed. By H. C. Darby. – Cambridge, 1936.

279. Arens Ilmar. Peipsitagused eestlased: Fakte, dokumente ja malestuspilte Ida-Peipsimaa uurimusilt 1943–1944. – Tartu, 1994.

280. Cegilski, T. Rozbiory Polski: 1772–1793–1795 / T. Cegilski, L. Kadziela. – Warszawa, 1990.

281. Christaller, W. Central Places in Southern Germany / translated by C.W. Baskin. – NY: Englewood Cliffs, 1967.

282. Ethnic composition of Estonia 1922 census. – Режим доступа: http://pop-stat.mashke.org/estonia-ethnic1922.htm

283. Ethnic composition of Estonia 1934 census. – Режим доступа: http://pop-stat.mashke.org/estonia-ethnic1934.htm

284. Ethnic composition, all communes: 1935 census. – Режим доступа: http://pop-stat.mashke.org/latvia-ethnic-comm1935.htm

285. Friedmann, J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. – MIT Press, 1966. — 279 p.

286. Inflanty i KsięstwoalboWojewództwoInflanckie. – Режим доступа: http://literat.ug.edu.pl/glogre/0055.htm

287. Konfidenciāli iespaidi latviešu LAURU KOLONIJĀ Igaunijā. – 1938. – B.D. publicējums. – Режим доступа: https://bonis.lv/2013/04/19/konfidenciali-iespaidi-latviesu-lauru-kolonija-igaunija-1938-b-d-publicejums/

288. Latvijas zemju robežas 1000 gados. – Rīga, 1999. – 288 c.

289. Morzy, J. KryzysdemograficznynaLitwie i Bialorusi w drugiejpolowie XVII wieku. – Poznan, 1965.

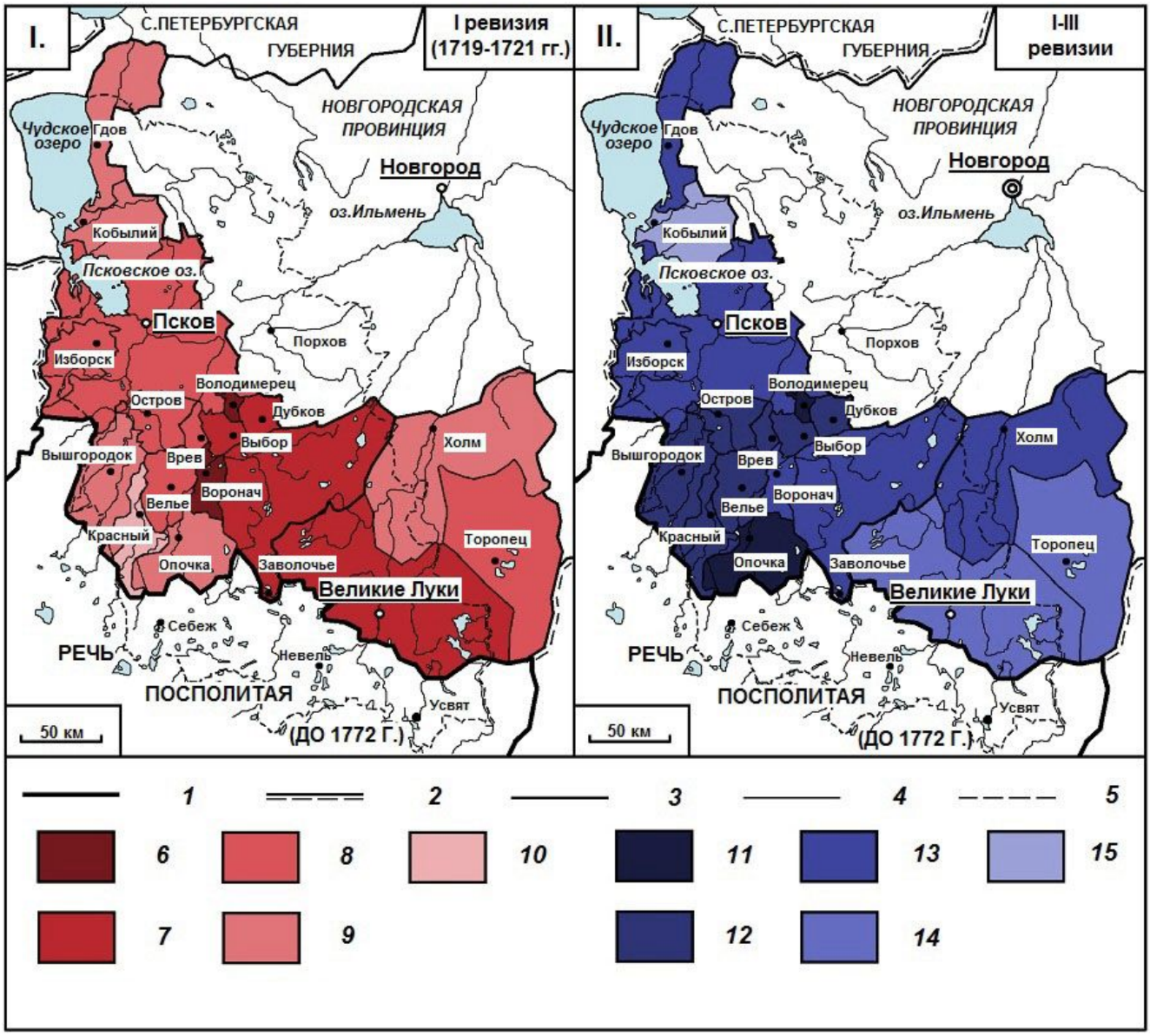
290. Otrātautasskaitīšana Latvijā, 1925. – Режим доступа: http://www.csb.gov.lv/statistikas-temas/tautas-skaitisanu-vesturiskas-publikacijas-33598.html%20#

291. Valdības Vēstnesis, Nr.120 (1924.gada 28.maijs). – Режим доступа: http://periodika.lndb.lv/periodika2-viewer/view/index-dev.html#panel:pp|issue:/p_001_wawe1924n120|article:DIVL5|page:3|issueType:P

292. Vedenin, Yu.A. Geogratia actual de las confessiones religiosasen Russia / Yu.A. Vedenin, V.J. Sidorova // Publicadoen Estudios Geograticos. LII, 204.Julio-Sept. – Madrid, 1991.

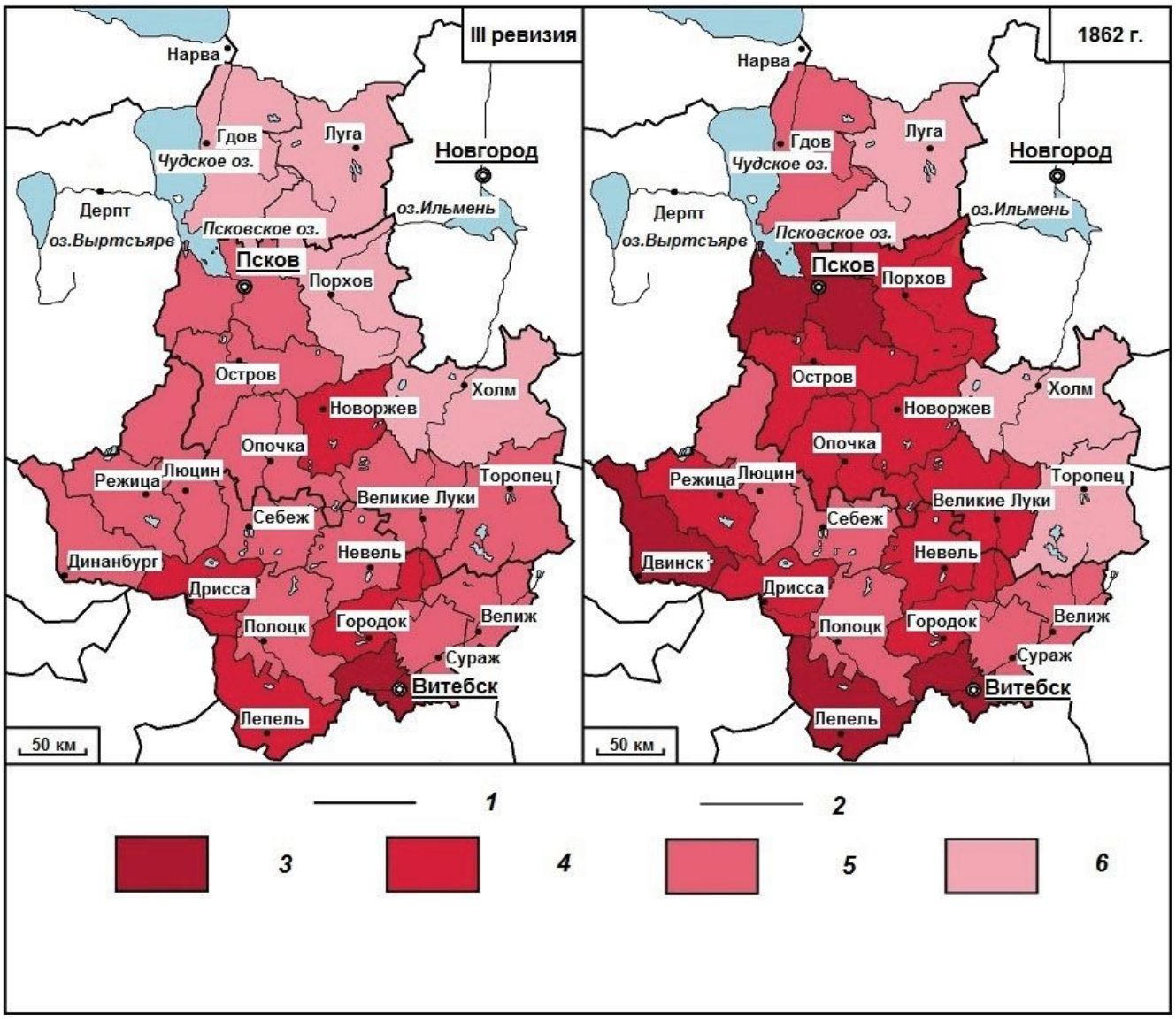
ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1 – Плотность населения уездов (по границам на XVI–XVII вв.) Псковской и Великолукской провинций по результатам I ревизии (карта I) и динамика плотности населения уездов в период I–III ревизий (карта II)



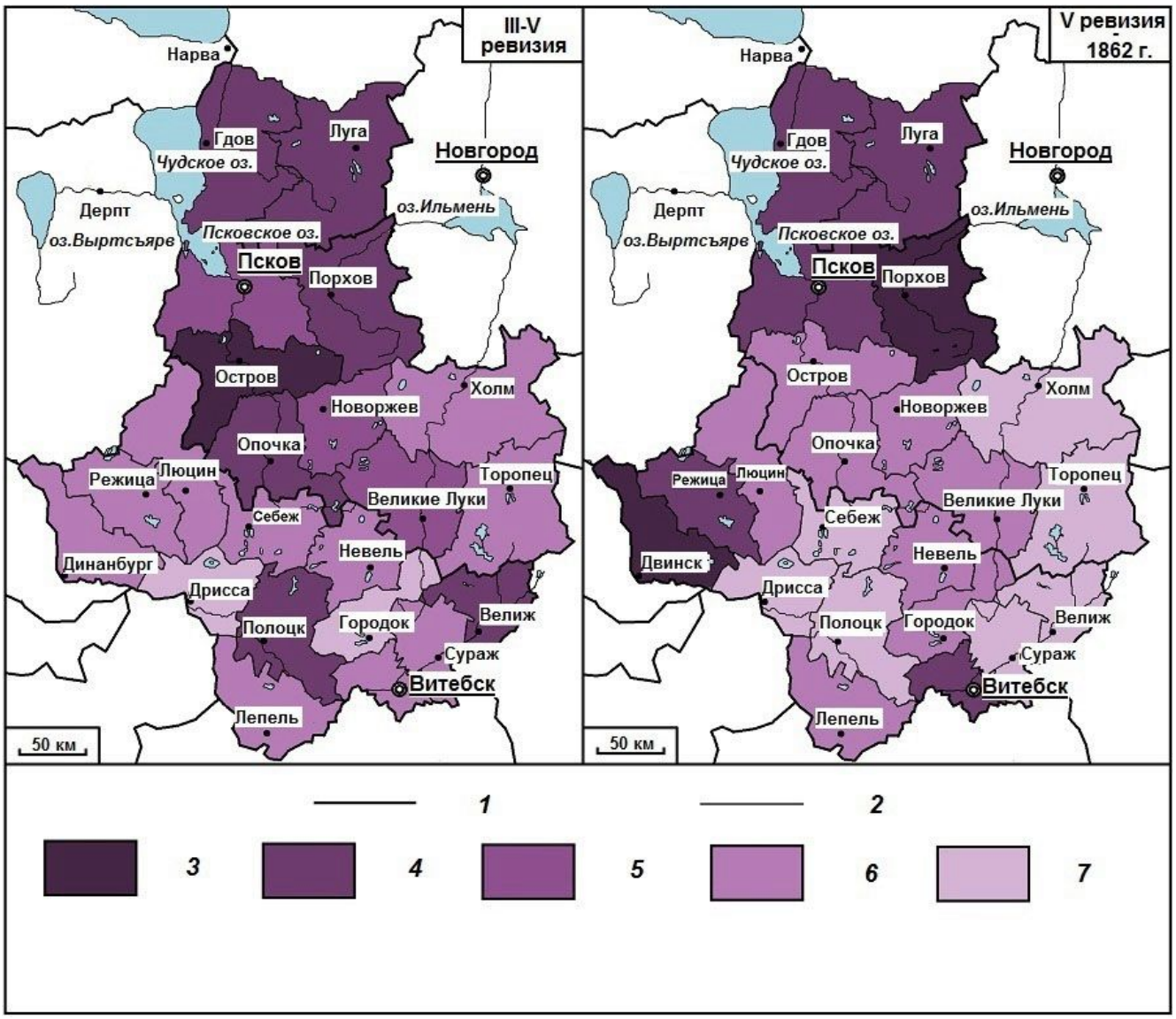
Цифрами обозначены: границы: *1* – государств, *2* – губерний, *3* – провинций, *4* – уездов, *5* – современные границы Псковской области; карта I – плотность населения (чел./кв. км): *6* – 10,0 и более, *7* – от 7,0 до 9,99, *8* – от 5,0 до 6,9, 9 – от 3,0 до 4,99, *10* – от 2,99 и менее; карта II – рост плотности населения (раз): *11* – 2,5 и более, *12* – от 2,0 до 2,49, *13* – от 1,50 до 1,99, *14* – от 1,0 до 1,49, *15* – 0,99 и менее.

Приложение 2 – Плотность населения уездов в границах Псковской и Витебской губерний по итогам III ревизии и данным 1862 г.



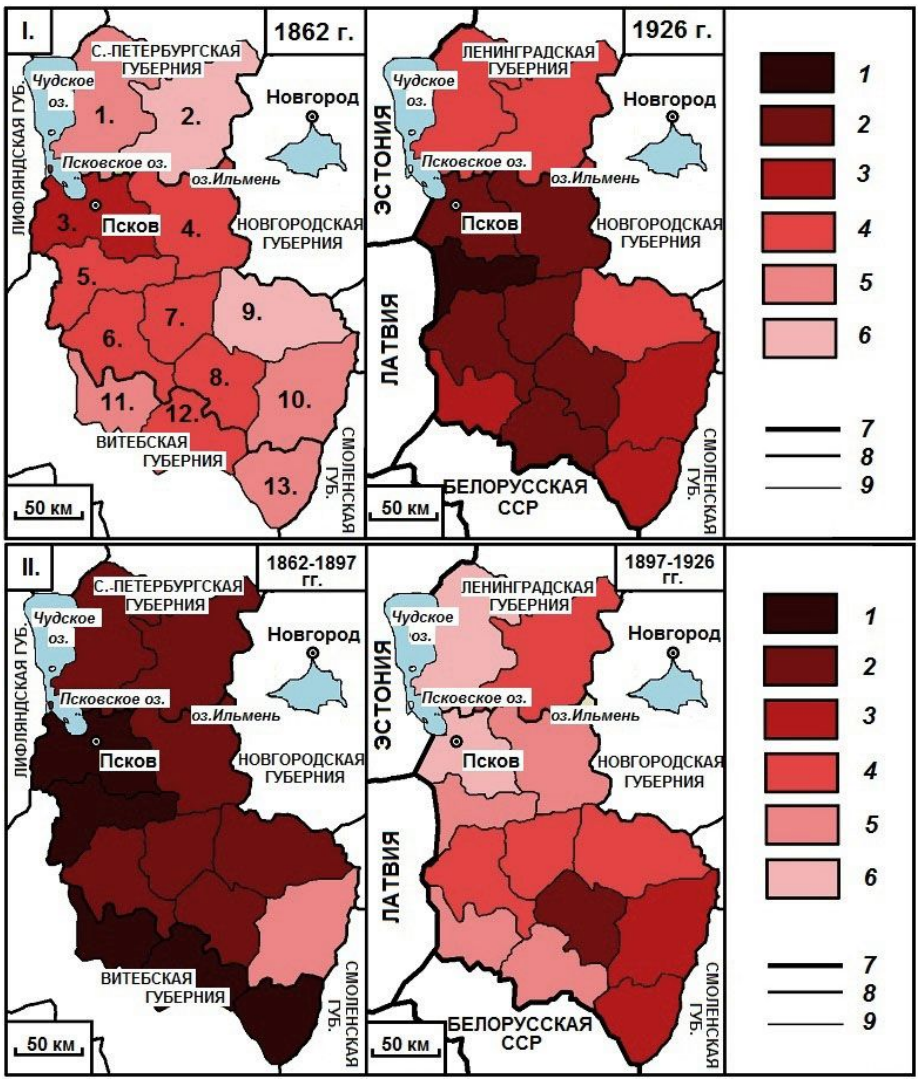
Цифрами обозначены: границы (на 1820 г.): *1* – губерний, *2* – уездов; плотность населения (чел. / кв. км): *3* – 20,0 и более, *4* – от 15,0 до 19,9, *5* – от 10,0 до 14,9, *6* – 9,9 и менее.

Приложение 3 – Динамика плотности населения уездов Псковской и Витебской губерний во второй половине XVIII в. – первой половине XIX в.



Цифрами обозначены: границы (на 1820 г.): *1* – губерний, *2* – уездов; рост плотности населения (раз): *3* – 1,50 и более, *4* – от 1,25 до 1,49, *5* – от 1,15 до 1,24, *6* – от 1,0 до 1,14, *7* – 0,99 и менее.

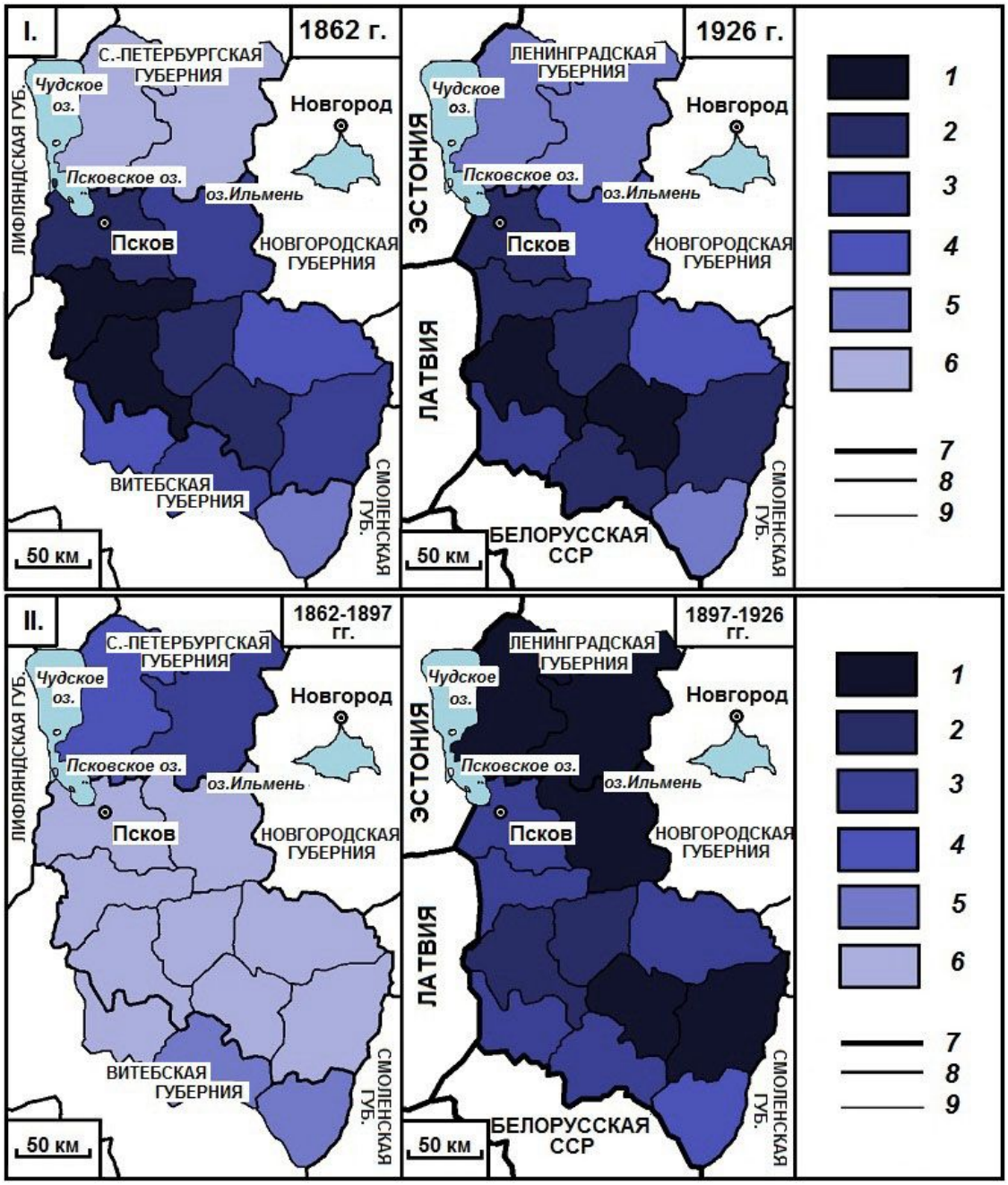
Приложение 4 – Плотность сельского населения уездов Псковского региона в 1862 и 1926 гг. (карты I) и динамика плотности сельского населения с 1862 по 1897 гг. и с 1897 по 1926 гг. (карты II)



Цифрами обозначены: карты I – плотность сельского населения (чел./кв. км): *1* – 40,0 и более, *2* – от 30,0 до 39,9, *3* – от 20,0 до 29,9, *4* – от 15,0 до 19,9, *5* – от 10,0 до 14,9, *6* – 9,9 и менее; границы: *7* – государств, *8* – губерний, *9* – уездов; карты II – рост плотности сельского населения (раз): *1* – 1,65 и более, *2* – от 1,5 до 1,64, *3* – от 1,4 до 1,49, *4* – от 1,3 до 1,39, *5* – от 1,2 до 1,29, *6* – 1,19 и менее; границы: 7 – государств, 8 – губерний, 9 – уездов.

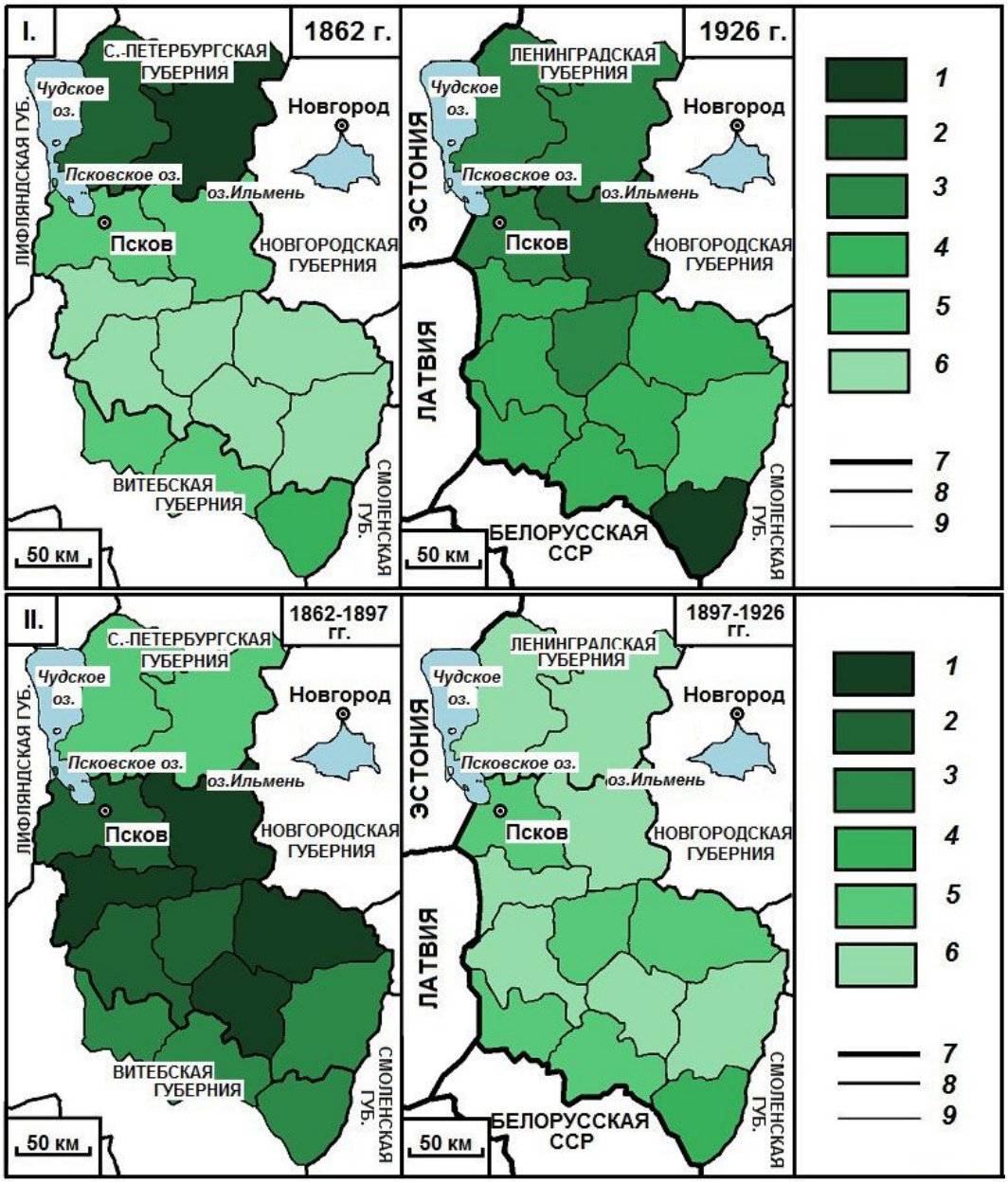
Уезды: С.- Петербургская губерния: 1 – Гдовский, 2 – Лужский; Псковской губернии: 3 – Псковский, 4 – Порховский, 5 – Островский, 6 – Опочецкий, 7 – Новоржевский, 8 – Великолукский, 9 – Холмский, 10 – Торопецкий; Витебской губернии: 11 – Себежский, 12 – Невельский, 13 – Велижский.

Приложение 5 – Густота сельских поселений уездов Псковского региона на 100 кв. км в 1862 и 1926 гг. (карты I) и изменение густоты с.н.п. с 1862 по 1897 гг. и с 1897 по 1926 гг. (карты II)



Цифрами обозначены: карты I – густота сельских поселений (с.н.п./100 кв. км): *1* – 70,0 и более, *2* – от 50,0 до 69,9, *3* – от 40,0 до 49,9, *4* – от 30,0 до 39,9, *5* – от 20,0 до 29,9, *6* – 19,9 и менее; границы: *7* – государств, *8* – губерний, *9* – уездов; карты II – рост густоты с.н.п. (раз): *1* – 1,70 и более, *2* – от 1,50 до 1,69, *3* – от 1,30 до 1,49, *4* – от 1,15 до 1,29, *5* – от 1,00 до 1,14, *6* – 0,99 и менее; границы: *7* – государств, *8* – губерний, *9* – уездов.

Приложение 6 – Средняя людность сельских поселений уездов Псковского региона в 1862 и 1926 гг. (карты I) и динамика средней людности сельских поселений с 1862 по 1897 гг. и с 1897 по 1926 гг. (карты II)



Цифрами обозначены: карты I – средняя людность сельских поселений (чел./с.н.п.): *1* – 100,0 и более, *2* – от 80,0 до 99,9, *3* – от 60,0 до 79,9, *4* – от 40,0 до 59,9, *5* – от 30,0 до 39,9, *6* – 29,9 и менее; границы: *7* – государств, *8* – губерний, *9* – уездов; карты II – рост средней людности сельских поселений (раз): *1* – 2,50 и более, *2* – от 2,00 до 2,49, *3* – от 1,50 до 1,99, *4* – от 1,00 до 1,49, *5* – от 0,90 до 0,99, *6* – 0,89 и менее; границы: *7* – государств, *8* – губерний, *9* – уездов.

Приложение 7 – Численность населения городских поселений Псковского региона в 1862, 1897 и 1926 гг. (чел.)

1	2	3	1862	1897	1926
Гдов	1323		1532	2106	3839
Луга	XVI в.	1777	1070	5617	14698
Толмачёво	1858	1925 (дач. пос.), 1938 (п.г.т.)			904
Струги Красные	1498	1925 (дач. пос.)			1785
Торковичи	1500	1927 (р.п.)	126	1018	1149
Псков	903		16277	30478	43828
Печоры	1473	1782	1503	1269	2013
Александровский посад		1821	2354	3381	
Порхов	1239		3065	5551	8644
Сольцы	1390	1781 (пос.)/1914 (гор.)	6106	5500	4330
Пос. Дно	XV в.	1925		600	6083
Остров	1341		2617	6268	8126
Опочка	1414		2739	5735	7157
Приг. Красный	1464	1967		955	796
Великие Луки	1166		4926	8466	20834
Пос. Новосокольники	1901	1925			4674
Торопец	1074		4777	7368	10740
Пос. Западная Двина	1900	1927 (п.г.т.)/1937 (гор.)			2032
Пос. Андреаполь	1489	1967 (гор.)			1142
Новоржев	1777	1777	1398	2838	3350
Холм	1144	1777	4699	5894	5527
Невель	1562		6247	9349	12913
Велиж	1536	1776	8295	12193	10630
Мест. Ильино					770
Себеж	1414	1535	2824	4326	5904
Мест. Пустошка	1901	1925			1721

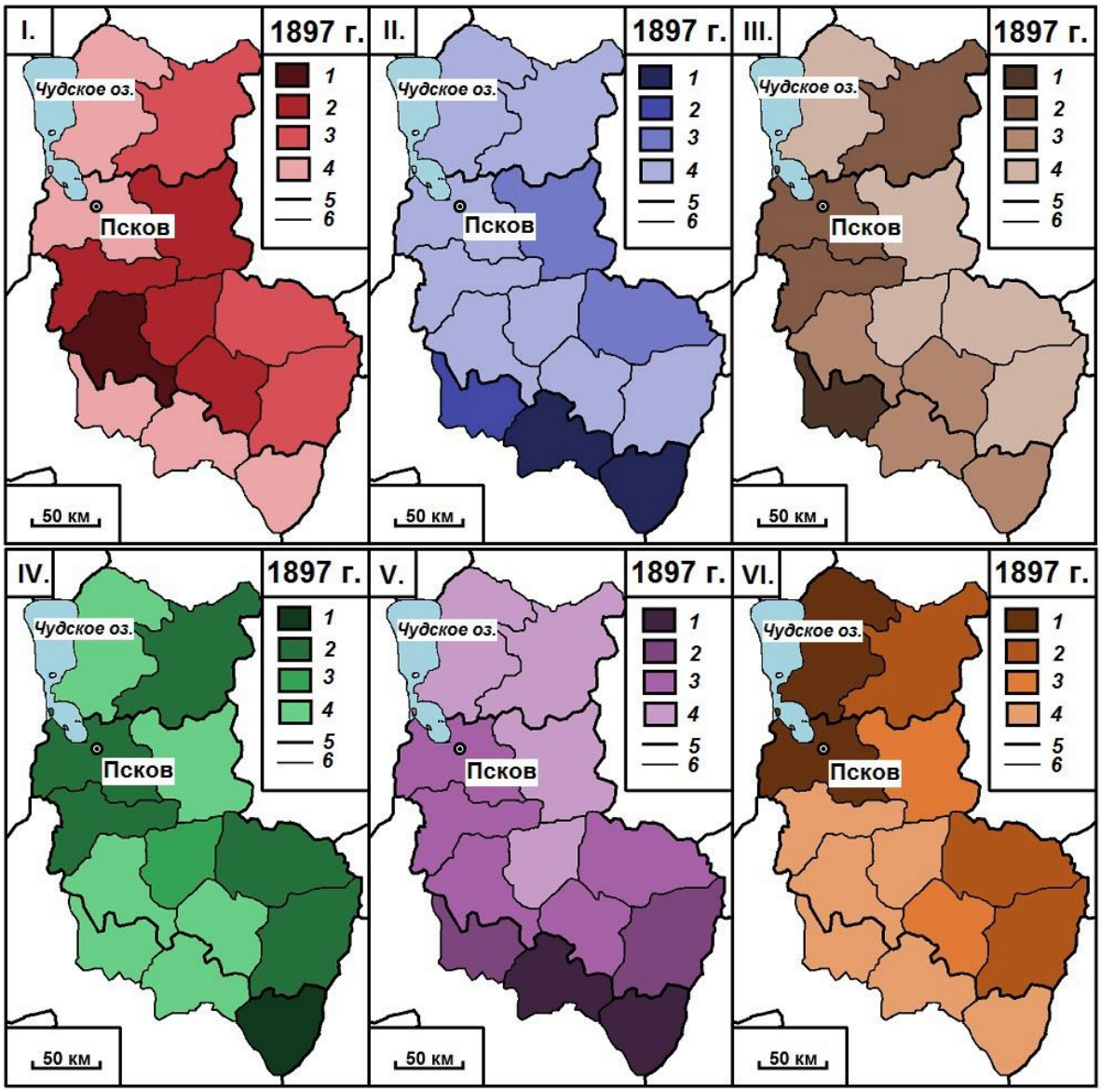
Цифрами обозначены: 1 – городские поселения, 2 – дата основания или первого упоминания городского поселения (год или век), 3 – дата приобретения статуса городского поселения (год)

Приложение 8 – Динамика роста населения городских поселений в периоды 1862–1897 гг., 1897–1926 гг. и 1862–1926 гг.

	1862–1897			1897–1926			1862–1926		
	1	**2**	**3**	**1**	**2**	**3**	**1**	**2**	**3**
Гдов	0,009	1,373	1,375	0,021	1,81	1,82	0,014	2,49	2,506
Луга	0,047	5,053	5,25	0,033	2,58	2,62	0,041	13,04	13,74
Толмачёво									
Струги Красные									
Торковичи	0,06	7,609	8,079	0,004	1,13	1,13	0,035	8,785	9,119
Псков	0,018	1,862	1,872	0,013	1,43	1,44	0,015	2,672	2,693
Печоры	0	0,844	0,844	0,016	1,58	1,59	0,005	1,338	1,339
Александровский посад	0,01	1,434	1,436						
Порхов	0,017	1,802	1,811	0,015	1,55	1,56	0,016	2,797	2,82
Сольцы	0	0,901	0,901	-0,01	0,79	0,79	-0,01	0,708	0,709
Пос. Дно				0,08	9,29	10,1			
Остров	0,025	2,37	2,395	0,009	1,29	1,3	0,018	3,074	3,105
Опочка	0,021	2,078	2,094	0,008	1,25	1,25	0,015	2,594	2,613
Приг. Красный				-0,01	0,83	0,83			
Великие Луки	0,015	1,712	1,719	0,031	2,43	2,46	0,023	4,162	4,229
Пос. Новосокольники									
Торопец	0,012	1,538	1,542	0,013	1,45	1,46	0,013	2,237	2,248
Пос. Западная Двина									
Пос. Андреаполь									
Новоржев	0,02	2,016	2,03	0,006	1,18	1,18	0,014	2,382	2,396
Холм	0,006	1,253	1,254	0	0,94	0,94	0,003	1,176	1,176
Невель	0,012	1,493	1,497	0,011	1,38	1,38	0,011	2,059	2,067
Велиж	0,011	1,467	1,47	0	0,87	0,87	0,004	1,281	1,281
Мест. Ильино									
Себеж	0,012	1,528	1,532	0,011	1,36	1,36	0,012	2,082	2,091
Мест.Пустошка									

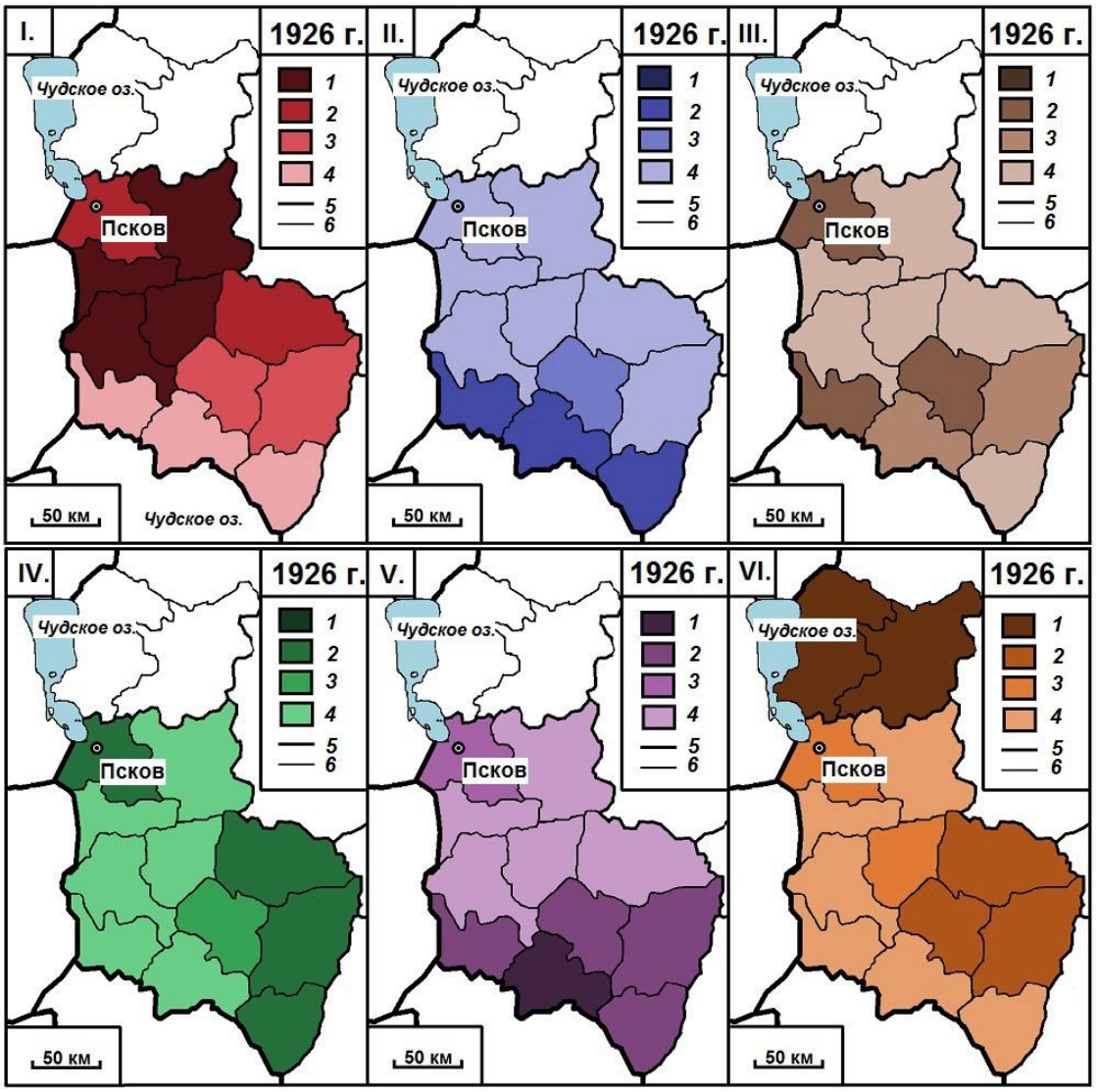
Цифрами обозначены: 1 – среднегодовой темп прироста (%), 2 – среднегодовой темп роста, 3 – динамика численности населения (раз)

Приложение 9 – Этнический состав населения Псковского региона в 1897 г.



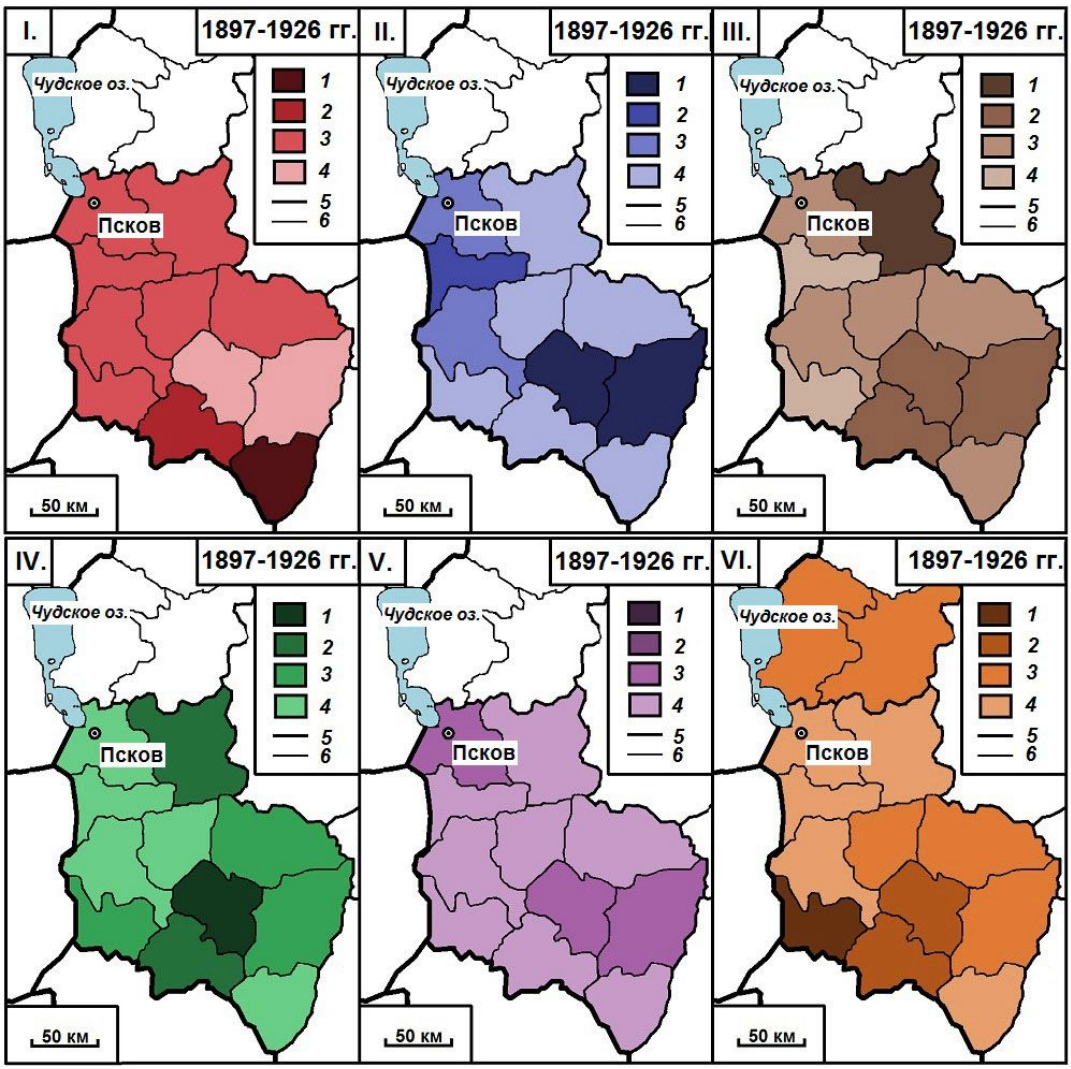
Цифрами обозначены: карта I – доля русских (%): *1* – 98,0 и более, *2* – от 95,0 до 97,9, *3* – от 90,0 до 94,9, *4* – 89,9 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карта II – доля белорусов (%): *1* – 50,0 и более, *2* – от 1,0 до 49,9, *3* – от 0,5 до 0,99, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карта III – доля поляков (%): *1* – 1,0 и более, *2* – от 0,5 до 0,99, *3* – от 0,25 до 0,49, *4* – 0,24 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карта IV – доля латышей (%): *1* – 2,0 и более, *2* – от 1,0 до 1,99, *3* – от 0,5 до 0,99, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карта V – доля евреев (%): *1* – 5,0 и более, *2* – от 1,0 до 4,99, *3* – от 0,5 до 0,99, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карта VI – доля эстонцев (%): *1* – 5,0 и более, *2* – от 1,0 до 4,99, *3* – от 0,5 до 0,99, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов.

Приложение 10 – Этнический состав населения Псковского региона в 1926 г.



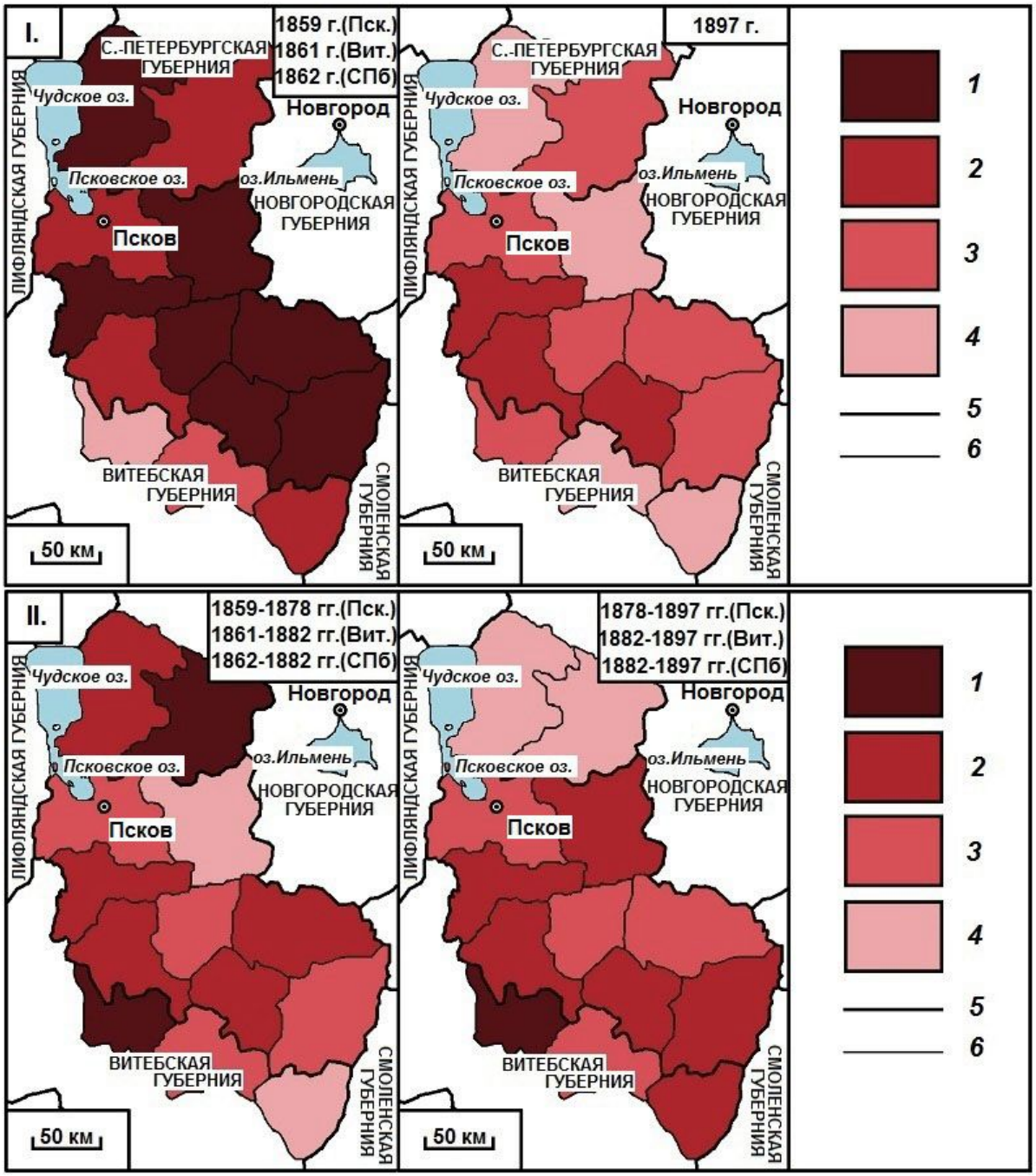
Цифрами обозначены: карта I – доля русских (%): *1* – 98,0 и более, *2* – от 95,0 до 97,9, *3* – от 90,0 до 94,9, *4* – 89,9 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карта II – доля белорусов (%): *1* – 50,0 и более, *2* – от 1,0 до 49,9, *3* – от 0,5 до 0,99, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карта III – доля поляков (%): *1* – 1,0 и более, *2* – от 0,5 до 0,99, *3* – от 0,25 до 0,49, *4* – 0,24 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карта IV – доля латышей (%): *1* – 2,0 и более, *2* – от 1,0 до 1,99, *3* – от 0,5 до 0,99, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карта V – доля евреев (%): *1* – 5,0 и более, *2* – от 1,0 до 4,99, *3* – от 0,5 до 0,99, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карта VI – доля эстонцев (%): *1* – 5,0 и более, *2* – от 1,0 до 4,99, *3* – от 0,5 до 0,99, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов.

Приложение 11 – Динамика этнических групп уездов Псковского региона в период 1897–1926 гг.



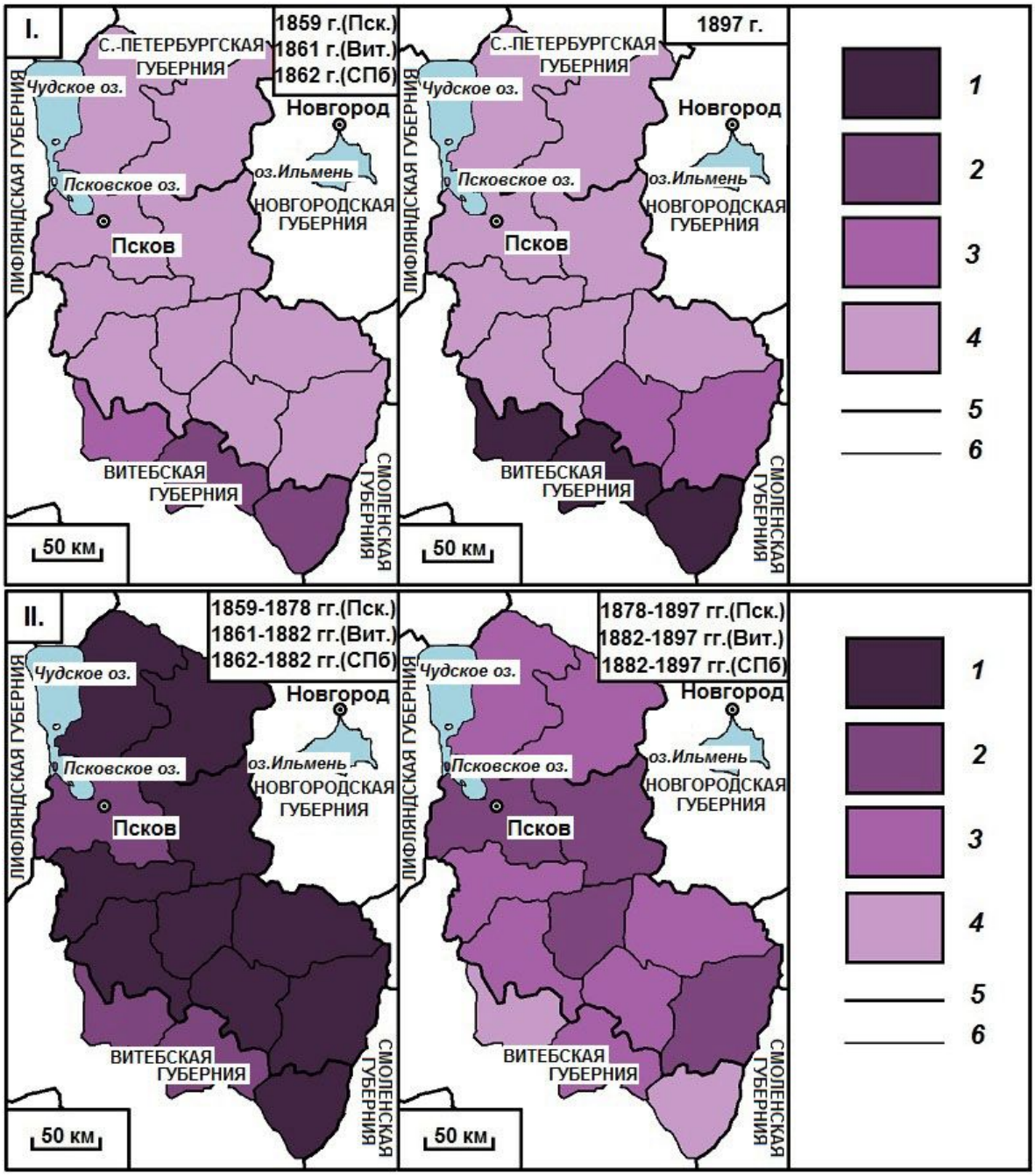
Цифрами обозначены: карта I – прирост численности русских (%): *1* – 10,0 и более, *2* – от 8,0 до 9,99, *3* – от 1,0 до 7,99, *4* – 0,99 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карта II – прирост численности белорусов (%): *1* – 10,0 и более, *2* – от 5,0 до 9,99, *3* – от 1,0 до 4,99, *4* – 0,99 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карта III – прирост численности поляков (%): *1* – 2,0 и более, *2* – от 1,0 до 1,99, *3* – от 0,5 до 0,99, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карта IV – прирост численности латышей (%): *1* – 2,0 и более, *2* – от 1,5 до 1,99, *3* – от 1,0 до 1,49, *4* – 0,99 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карта V – прирост численности евреев (%): *1* – 2,0 и более, *2* – от 1,5 до 1,99, *3* – от 1,0 до 1,49, *4* – 0,99 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карта VI – прирост численности эстонцев (%): *1* – 7,0 и более, *2* – от 1,5 до 6,99, *3* – от 1,0 до 1,49, *4* – 0,99 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов.

Приложение 12 – Доля православных с единоверцами в уездах Псковского региона в середине XIX в. и в 1897 г. (карты I) и динамика доли православных с единоверцами с середины XIX в. по 1880-е гг. и с 1880-х гг. по 1897 г. (карты II)



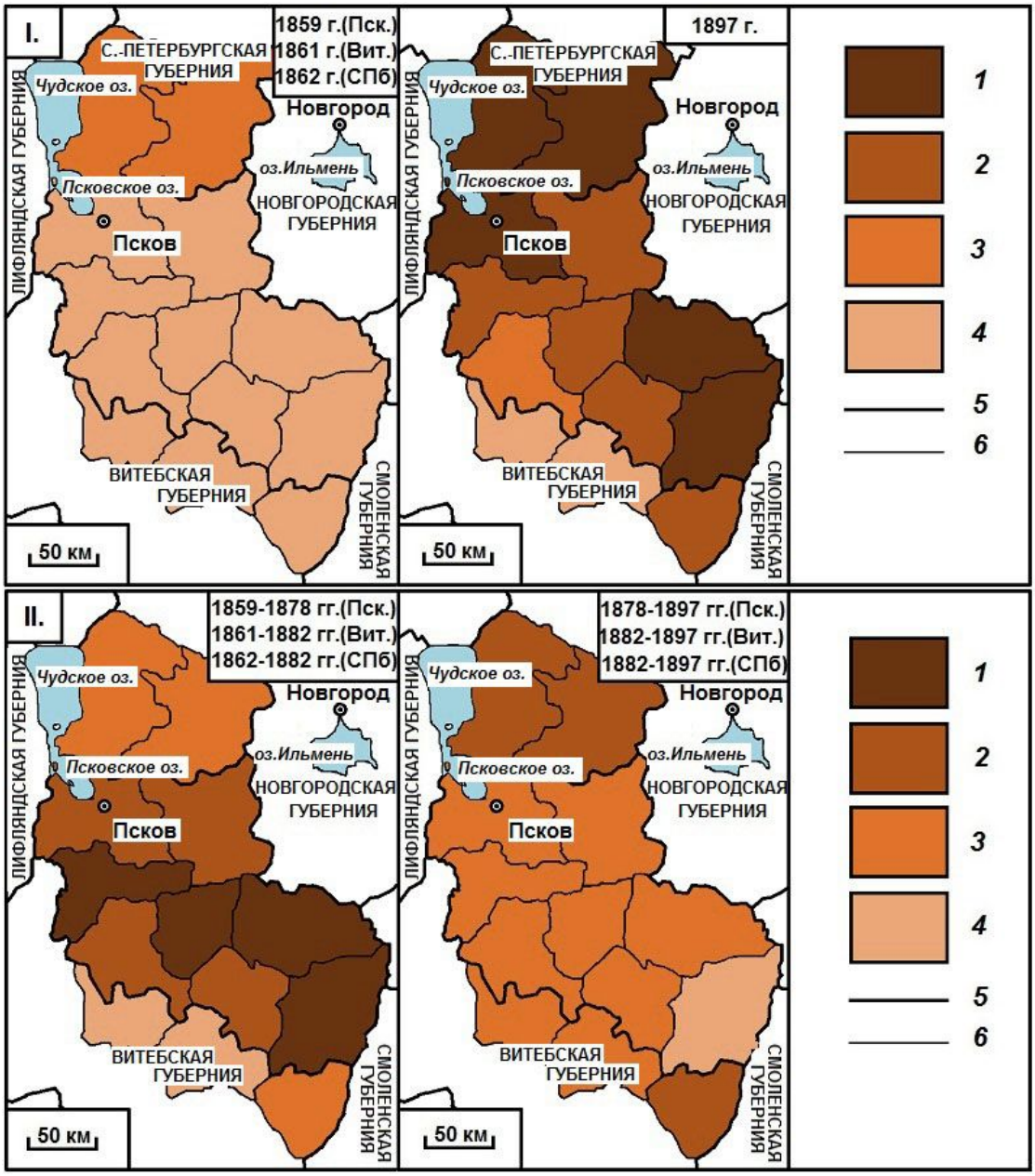
Цифрами обозначены: карты I – доля православных с единоверцами (%): *1* – 98,0 и более, *2* – от 95,0 до 97,9, *3* – 90,0 до 94,9, *4* – 89,9 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карты II – рост доли православных с единоверцами (раз): *1* – 1,00 и более, *2* –от 0,980 до 0,999, *3* – от 0,950 до 0,979, *4* – 0,949 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов.

Приложение 13 – Доля иудеев в населении уездов Псковского региона в середине XIX в. и в 1897 г. (карты I) и динамика доли иудеев с середины XIX в. по 1880-е гг. и с 1880-х гг. по 1897 г. (карты II)



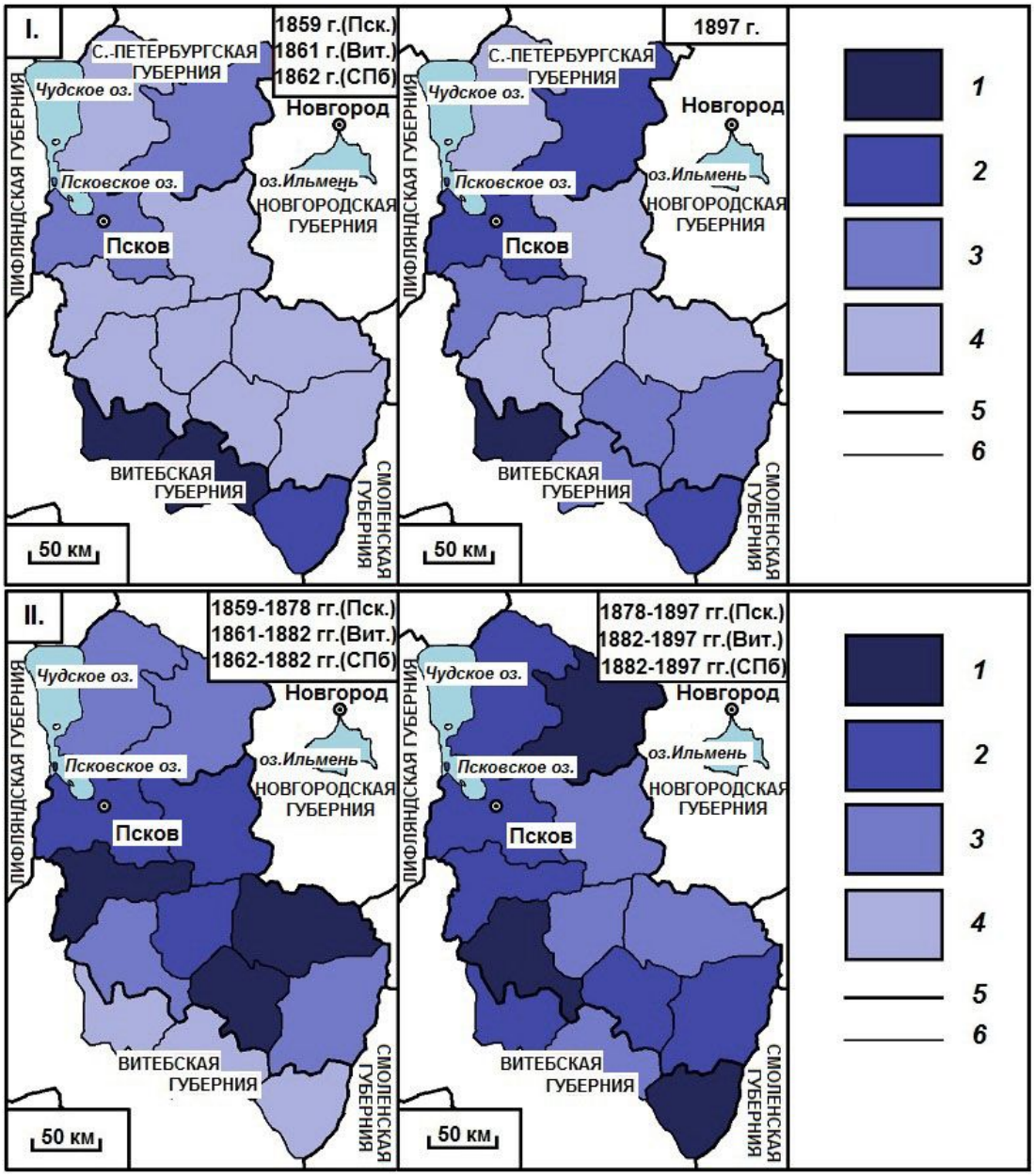
Цифрами обозначены: карты I – доля иудеев (%): *1* – 3,0 и более, *2* – от 2,0 до 2,99, *3* – 1 до 1,99, *4* – 0,99 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карты II – рост доли иудеев (раз): *1* – 5,00 и более, *2* –от 2,0 до 4,9, *3* – от 1,0 до 1,99, *4* – 0,99 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов.

Приложение 14 – Доля лютеран в уездах Псковского региона в середине XIX в. и в 1897 г. (карты I) и динамика доли лютеран с середины XIX в. по 1880-е гг. и с 1880-х гг. по 1897 г. (карты II)



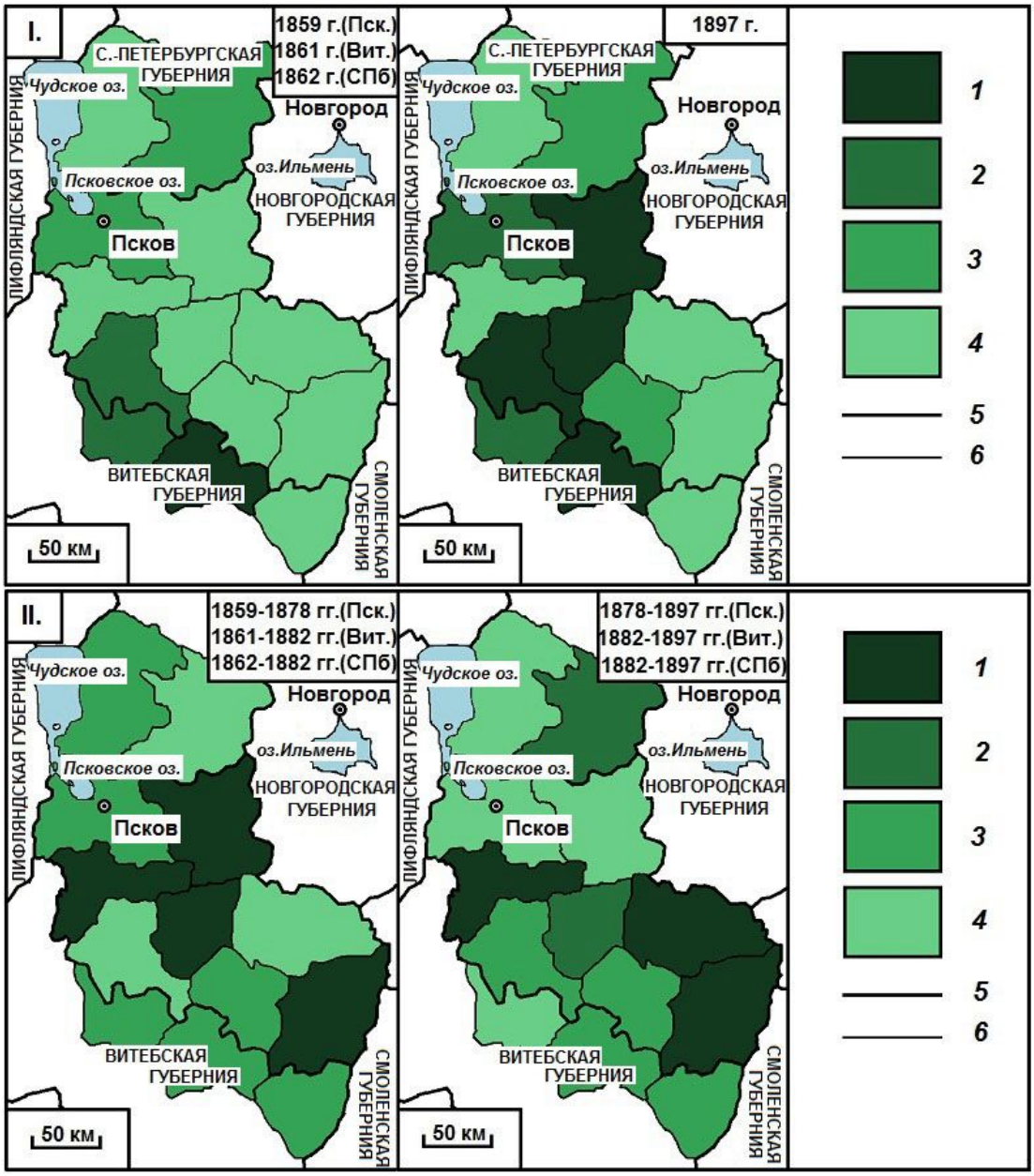
Цифрами обозначены: карты I – доля лютеран (%): *1* – 3,0 и более, *2* – от 1,0 до 2,99, *3* – 0,5 до 0,99, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карты II – рост доли лютеран (раз): *1* – 10,0 и более, *2* –от 3,0 до 9,9, *3* – от 1,0 до 2,9, *4* – 0,99 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов.

Приложение 15 – Доля римско-католиков в уездах Псковского региона в середине XIX в. и в 1897 г. (карты I) и динамика доли римско-католиков с середины XIX в. по 1880-е гг. и с 1880-х гг. по 1897 г. (карты II)



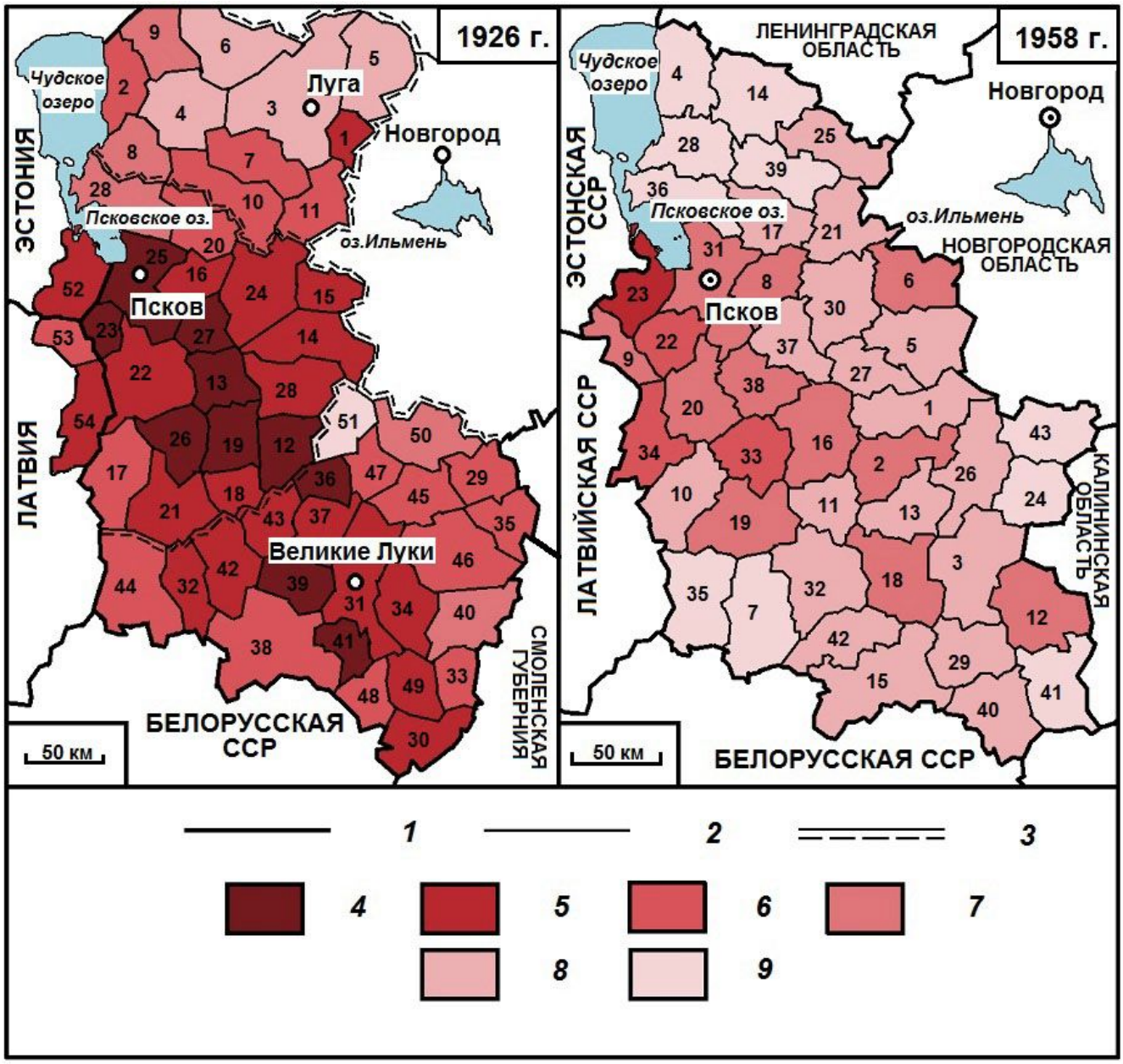
Цифрами обозначены: карта I – доля римско-католиков (%): *1* – 3,0 и более, *2* – от 1,0 до 2,99, *3* – 0,5 до 0,99, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карта II – рост доли римско-католиков (раз): *1* – 2,00 и более, *2* –от 1,0 до 1,99, *3* – от 0,5 до 0,99, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов.

Приложение 16 – Доля старообрядцев в уездах Псковского региона в середине XIX в. и в 1897 г. (карты I) и динамика доли старообрядцев с середины XIX в. по 1880-е гг. и с 1880-х гг. по 1897 г. (карты II)



Цифрами обозначены: карты I – доля старообрядцев (%): *1* – 3,0 и более, *2* – от 2,0 до 2,99, *3* – 1,0 до 1,99, *4* – 0,99 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов; карты II – рост доли старообрядцев (раз): *1* – 5,00 и более, *2* – от 2,0 до 4,9, *3* – от 1,0 до 1,9, *4* – 0,99 и менее; границы: *5* – губерний, *6* – уездов.

Приложение 17 – Плотность сельского населения районов Псковского региона в 1926 и 1958 гг.



Цифрами обозначены: границы: *1* – государств, ССР, областей, губерний, *2* – уездов, районов, волостей, *3* – округов; плотность сельского населения (чел./ кв. км): *4* – от 40,0 и более, *5* – от 30,0 до 39,9, *6* – от 20,0 до 29,9, *7* – от 15,0 до 19,9, *8* – от 10,0 до 14,9, *9* – 9,9 и менее.

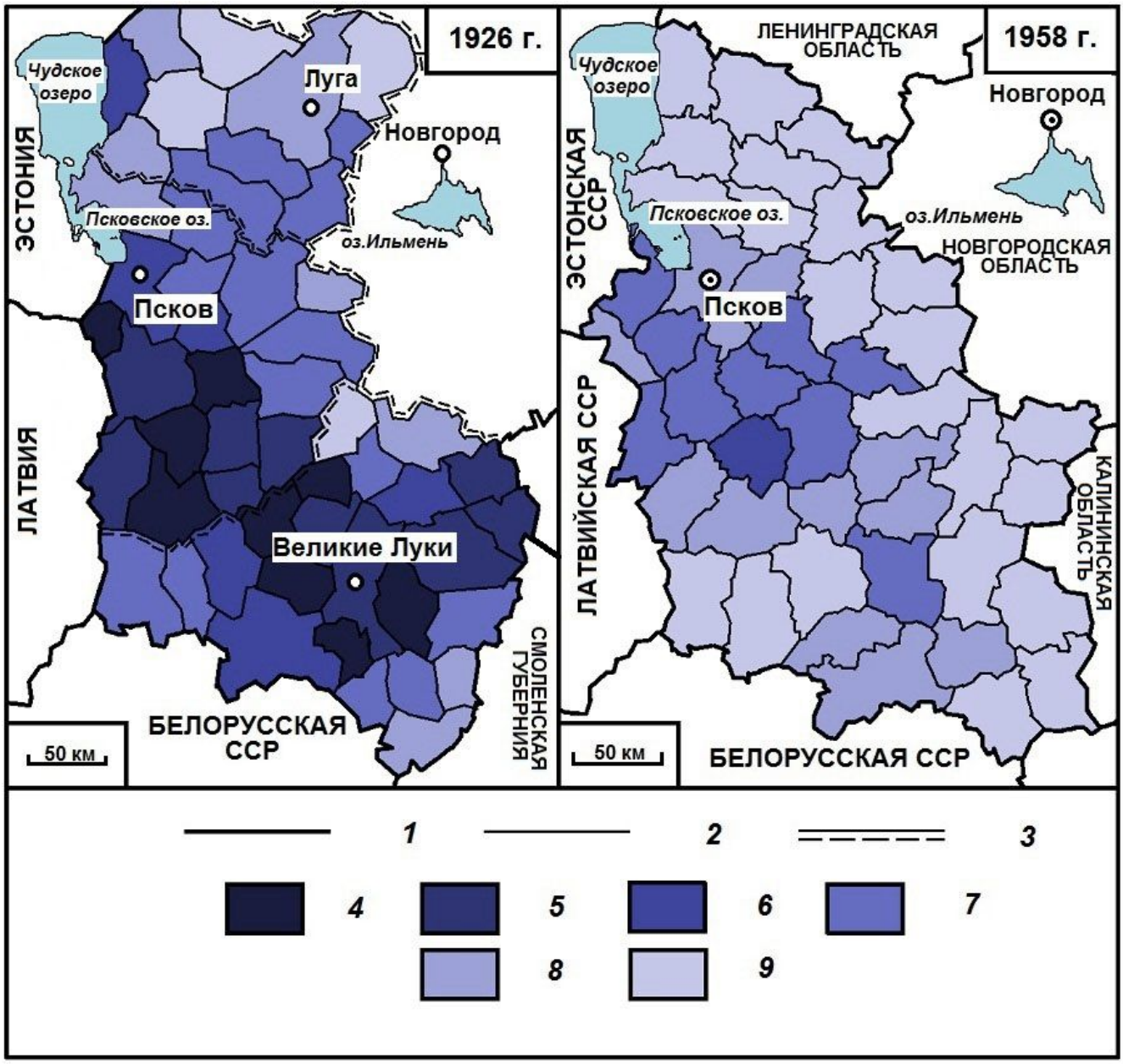
Административно-территориальное деление:

На 1926 г.: *Лужский округ:* 1 – Батецкий, 2 – Гдовский, 3 – Лужский, 4 – Лядский, 5 – Оредежский, 6 – Осьминский, 7 – Плюсский, 8 – Полновский,

9 – Рудненский (центр с. Рудно), 10 – Стругокрасненский, 11 – Уторгошский; *Псковский округ:* 12 – Бежаниций, 13 – Выборский, 14 – Дедовичский, 15 – Дновский, 16 – Карамышевский, 17 – Красногородский, 18 – Кудеверский, 19 – Новоржевский, 20 – Новосельский, 21 – Опочецкий, 22 – Островский, 23 – Палкинский, 24 – Порховский, 25 – Псковский, 26 – Пушкинский (с.Пушкинские Горы), 27 – Славковский, 28 – Чихачёвский; *Великолукский округ:* 29 – Бологовский;**,** 30 – Велижский, 31 – Великолукский, 32 – Идрицкий, 33 – Ильинский, 34 – Куньинский, 35 – Ленинский (с. Хотилицы), 36 – Локнянский, 37 – Насвинский, 38 – Невельский, 39 – Новосокольнический, 40 – Октябрьский (с.Торопа), 41 – Поречский, 42 – Пустошкинский, 43 – Рыковский (с. Скоково), 44 – Себежский, 45 – Советский (с. Волок), 46 – Торопецкий, 47 – Троцкий (с.Троице-Хлавицы), 48 – Усвятский, 49 – Усмынский, 50 – Холмский, 51 – Цевельский; *Эстония:* 52.Уезд Петсеримаа; *Латвия:* 53 – Качановская волость, 54.Территория современного Пыталовского района в совокупности Линавской (Линовской), Пурвмальской (Носовской), Гаурской (Гавровской) и Аугшпилсской (Вышгородской) волостей;

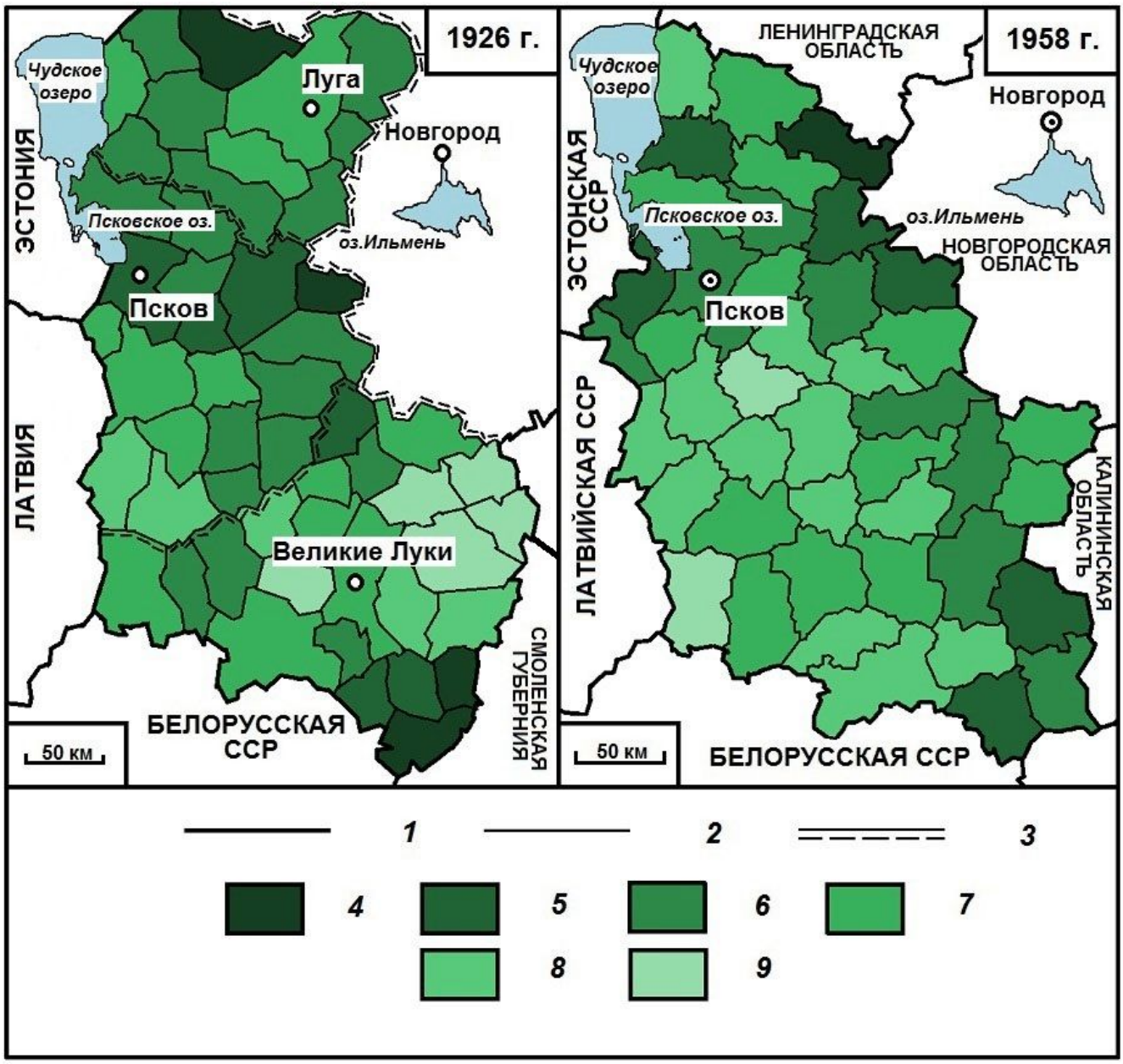
На 1958 г.: 1 – Ашевский, 2 – Бежаницкий, 3 – Великолукский, 4 – Гдовский, 5 – Дедовичский, 6 – Дновский, 7 – Идрицкий, 8 – Карамышевский, 9 – Качановский, 10 – Красногородский, 11 – Кудеверский, 12 – Куньинский, 13 – Локнянский, 14 – Лужский, 15 – Невельский, 16 – Новоржевский, 17 – Новосельский, 18 – Новосокольнический, 19 – Опочецкий, 20 – Островский, 21 – Павский, 22 – Палкинский, 23 – Печорский, 24 – Плоскошский, 25 – Плюсский, 26 – Подберезинский, 27 – Пожеревицкий, 28 – Полновский (центр с. Ямм), 29 – Пореченский, 30 – Порховский, 31 – Псковский, 32 – Пустошкинский, 33 – Пушкиногорский, 34 – Пыталовский, 35 – Себежский, 36 – Серёдкинский, 37 – Славковский, 38 – Сошихинский (центр с. Воронцово), 39 – Струго-Красненский, 40 – Усвятский, 41 – Усмынский, 42 – Усть-Долысский, 43 – Холмский.

Приложение 18 – Густота сельских населенных пунктов районов Псковского региона в 1926 и 1958 гг.



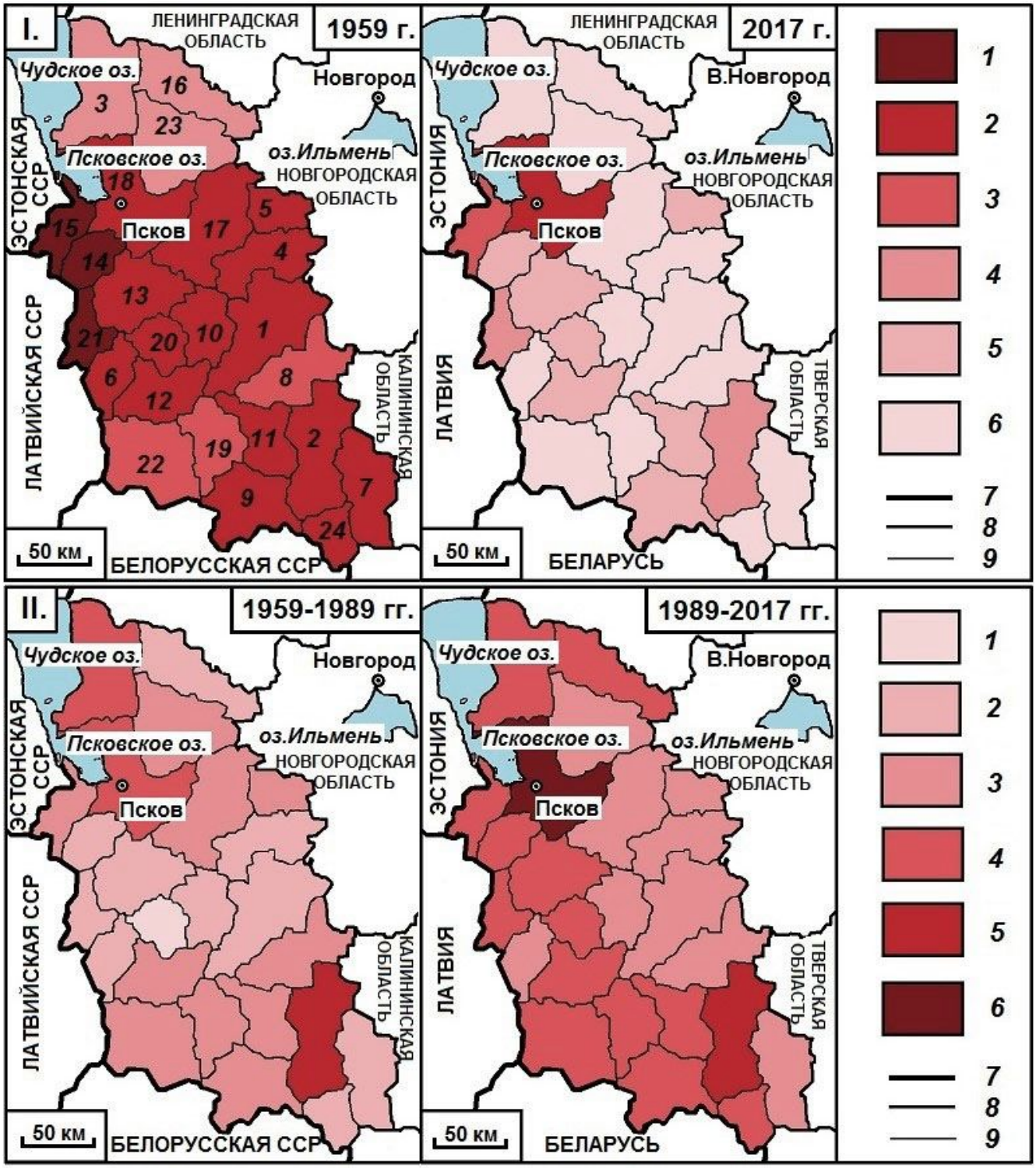
Цифрами обозначено: границы: *1* – государств, ССР, областей, губерний, *2* – уездов, районов, волостей, *3* – округов; густота сельских населенных пунктов (с.п.п./100 кв. км): *4* – от 70,0 и более, *5* – от 60,0 до 69,9, *6* – от 50,0 до 59,9, *7* – от 30,0 до 49,9, *8* – от 20,0 до 29,9, *9* – 19,9 и менее.

Приложение 19 – Средняя людность сельских населенных пунктов районов Псковского региона в 1926 и 1958 гг.



Цифрами обозначены: границы: *1* – государств, ССР, областей, губерний, *2* – уездов, районов, волостей, *3* – округов; средняя людность сельских населенных пунктов (чел./с.н.п.): *4* – 100,0 и более, *5* – от 80,0 до 99,9, *6* – от 60,0 до 79,9, *7* – от 50,0 до 59,9, *8* – от 40,0 до 49,9, *9* – 39,9 и менее

Приложение 20 – Плотность сельского населения районов Псковской области в 1959 и 2017 гг. (карты I); изменение плотности сельского населения с 1959 по 1989 гг. и с 1989 по 2017 гг. (карты II)



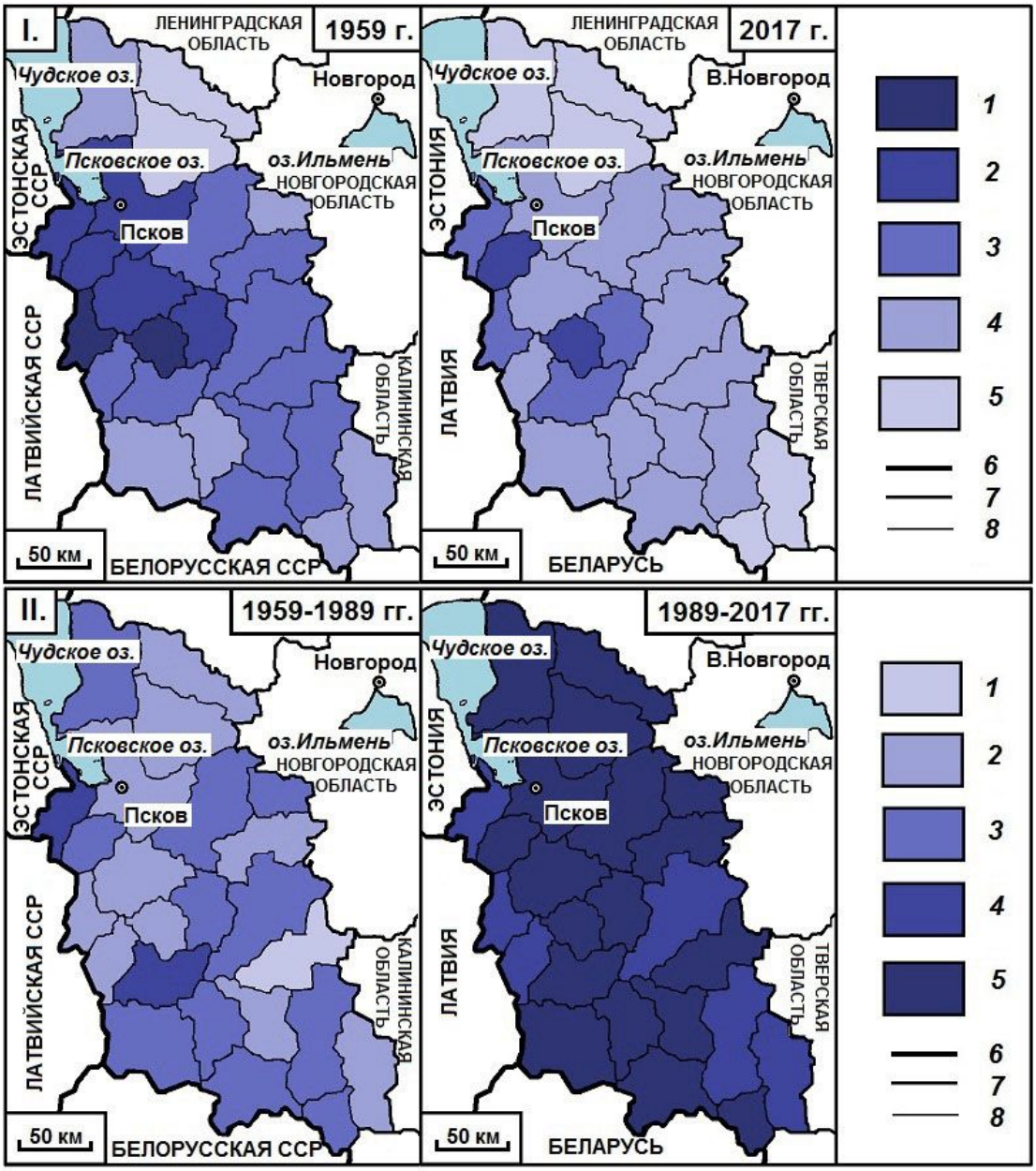
Цифрами обозначены: карты I – плотность сельского населения (чел. / кв. км): *1* – 20,0 и более, *2* – от 10,0 до 19,9, *3* – от 8,0 до 9,99, *4* – от 5,0 до 7,99, *5* – от 3,0 до 4,99, *6* – 2,99 и менее; границы: *7* – ССР, государств, *8* – областей, *9* – районов;

карты II – уменьшение плотности сельского населения (раз): *1* – 3,00 и более, *2* – от 2,50 до 2,99, *3* – от 2,00 до 2,49, *4* – от 1,50 до 1,99, *5* – от 1,25 до 1,49, *6* – 1,24 и менее; границы: *7* – ССР, государств, *8* – областей, *9* – районов.

Административно-территориальное деление (районы):

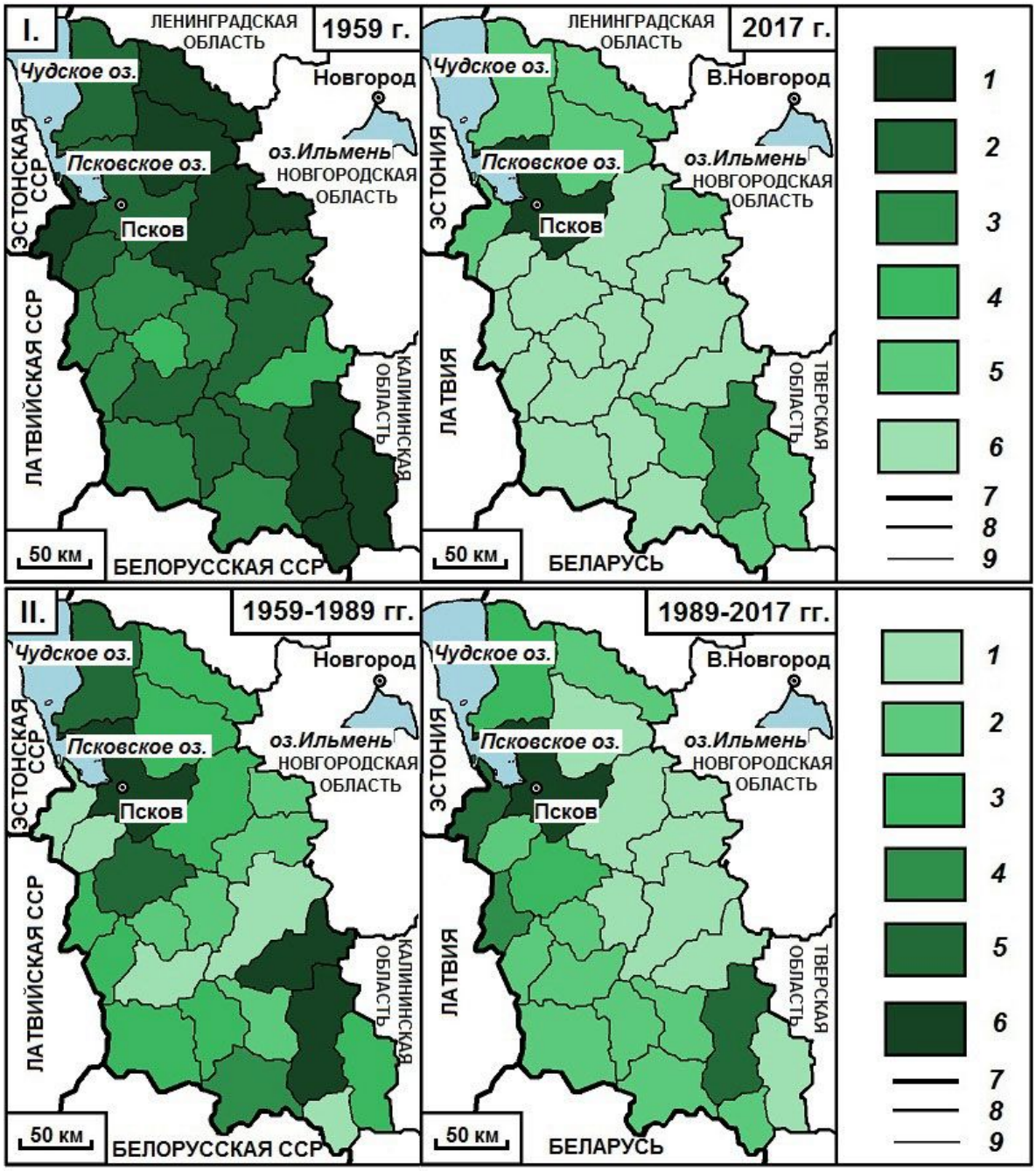
1 – Бежаницкий, 2 – Великолукский, 3 – Гдовский, 4 – Дедовичский, 5 – Дновский, 6 – Красногородский, 7 – Куньинский, 8 – Локнянский, 9 – Невельский, 10 – Новоржевский, 11 – Новосокольнический, 12 – Опочецкий, 13 – Островский, 14 – Палкинский, 15 – Печорский, 16 – Плюсский, 17 – Порховский, 18 – Псковский, 19 – Пустошкинский, 20 – Пушкиногорский, 21 – Пыталовский, 22 – Себежский, 23 – Стругокрасненский, 24 – Усвятский.

Приложение 21 – Густота сельских населенных пунктов районов Псковской области в 1959 и 2017 гг. (карты I); изменение сельских населенных пунктов с 1959 по 1989 гг. и с 1989 по 2017 гг. (карты II)



Цифрами обозначены: карты I – густота сельских поселений (с.н.п. / 100 кв. км): *1* – 40,0 и более, *2* – от 30,0 до 39,9, *3* – от 20,0 до 29,9, *4* – от 10,0 до 19,9, 5 – 9,9 и менее; границы: *6* – ССР, государств, *7* – областей, *8* – районов; карты II – уменьшение густоты сельских поселений (раз): *1* – 2,40 и более, *2* – от 1,50 до 2,39, *3* – от 1,25 до 1,49, *4* – от 1,05 до 1,24, *5* – 1,04 и менее; границы: *6* – ССР, государств, *7* – областей, *8* – районов.

Приложение 22 – Средняя людность сельских поселений районов Псковской области в 1959 и 2017 гг. (карты I); изменение средней людности сельских поселений с 1959 по 1989 гг. и с 1989 по 2017 гг. (карты II)



Цифрами обозначены: карты I – средняя людность сельских поселений (чел./с.н.п.): *1* – 60,0 и более, *2* – от 50,0 до 59,9, *3* – 40,0 до 49,9, *4* – 30,0 до 39,9, *5* – 20,0 до 29,9, *6* – 19,9 и менее; границы: *7* – ССР, государств, *8* – областей, *9* – районов; карты II – уменьшение средней людности сельских поселений (раз): *1* – 2,00 и более, *2* – 1,75 до 1,99, *3* – 1,50 до 1,74, *4* – 1,40 до 1,49, *5* – 1 до 1,39, *6* – 0,99 и менее; границы: *7* – ССР, государств, *8* – областей, *9* – районов.

Приложение 23 — Группировка сельских населенных пунктов Псковской области по числу жителей по результатам переписей населения 1959, 1979, 1989 и 2010 гг.

		Из них с числом жителей					
		Всего	**от 1 до 5**	**от 6 до 50**	**от 51 до 200**	**от 201 до 1000**	**1001 и более**
	Число с.н.п.	12590	634	7442	4224	270	20
	% к итогу	100	5	59,1	33,6	2,1	0,2
	в них населения	685664	2100	205378	353211	92655	32320
1959 г.	**% к итогу**	100	0,3	30	51,5	13,5	4,7
		Из них с числом жителей					
		Всего	**от 1 до 5**	**от 6 до 50**	**от 51 до 200**	**от 201 до 1000**	**1001 и более**
	Число с.н.п.	9429	1324	6409	1436	242	18
	% к итогу	100	14	68	15,2	2,6	0,2
	в них населения	384647	4023	135256	124414	91979	28975
1979 г.	**% к итогу**	100	1	35,2	32,4	23,9	7,5
		Из них с числом жителей					
		Всего	**от 1 до 5**	**от 6 до 50**	**от 51 до 200**	**от 201 до 1000**	**1001 и более**
	Число с.н.п.	8546	1943	5136	742	301	21
	% к итогу	100	22,7	60,1	8,7	3,5	0,2
	в них населения	314806	5874	93500	69375	112906	33151
1989 г.	**% к итогу**	100	1,9	29,7	22	35,9	10,5
		Из них с числом жителей					
		Всего	**от 1 до 5**	**от 6 до 50**	**от 51 до 200**	**от 201 до 1000**	**1001 и более**
	Число с.н.п.	8351	2599	3169	458	193	13
	% к итогу	100	31,1	37,9	5,5	2,3	0,2
	в них населения	200909	7170	50017	48391	70373	24958
2010 г.	**% к итогу**	100	3,6	24,9	24,1	35	12,4

Приложение 24 – Численность населения городских поселений Псковской области в советский и постсоветский периоды (чел.)

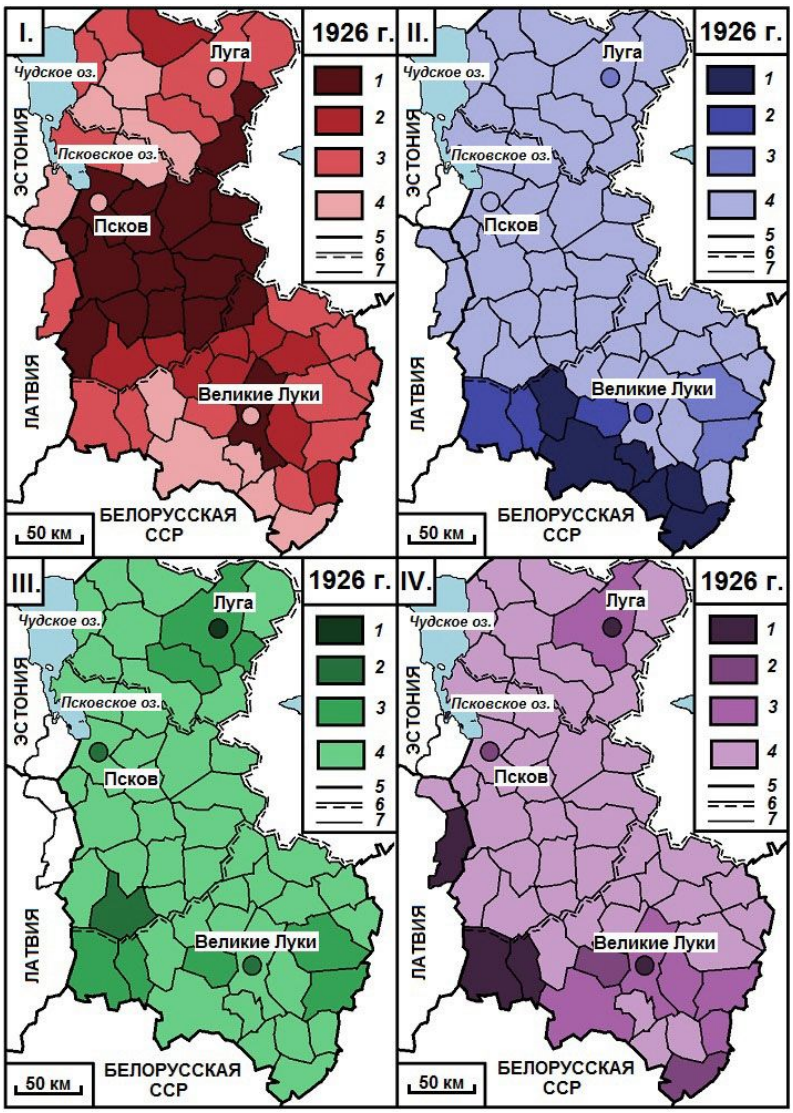
1	2	3	1926	1939	1959	1989	2010	2017
Псков	903		43857	60439	80448	203789	203279	209840
Великие Луки	1166		20834	34932	58727	113745	98778	92757
Гдов	1323		3839	4578	3673	6009	4379	3542
Дно	XV в.	1925	6095	14701	11664	12406	9061	7855
Невель	1562		12913	15569	14273	22472	16324	15133
Новоржев	1777	1777	3051	3617	2758	5050	3695	3296
Новосокольники	1901	1925	4674	9004	9019	10689	8119	7378
Опочка	1414		7146	11174	11615	16190	11603	10307
Остров	1341		8094	12849	17603	29060	21668	20568
Печоры	1473	1782	2013	4962	6837	11935	11195	10034
Порхов	1239		9121	12681	7633	14170	10608	8926
Пустошка	1901	1925	1721	2591	3325	6332	4619	4083
Пыталово	1782	1933		1242	3453	7166	5826	5335
Себеж	1414	1535	5904	6049	6994	9497	6375	5452
Бежаницы	XVI в.	1961		1382	1331	6789	4333	3572
Красный Луч	1905	1958			3159	2105	1020	813
Дедовичи	1901	1967		2607	2604	8494	8798	7685
Красногородск	1464	1967	796	1687	2878	5295	3870	3690
Кунья	1901	1966		615	2313	4023	3127	2785
Локня	1488 /1901	1941		2194	3455	6061	3872	3470
Палкино	XVI в.	1985		512	925	3406	2924	2674
Плюсса	1498	1971		1978	1964	4317	3450	2768
Заплюсье	1955	1961				1887	1096	1042
Пушкинские Горы	XVI в.	1960		1672	2412	7067	5222	4621
Идрица	XVI в.	1938		4224	4361	5485	4988	4653
Сосновый Бор	1959	1998					2877	2708
Струги Красные	1498	1925/1958	1785	5118	4600	7067	8447	6502
Усвяты	1021	1985		2493		3638	2961	2674

Цифрами обозначены: 1 – городские поселения (города и поселки городского типа), 2 – дата основания или первого упоминания городского поселения (год или век), 3 – дата приобретения статуса городского поселения (год).

Приложение 25 – Динамика численности населения городских поселений в периоды 1926–1939 гг., 1939–1959 гг., 1959–1989 гг. и 1989–2017 гг. (раз)

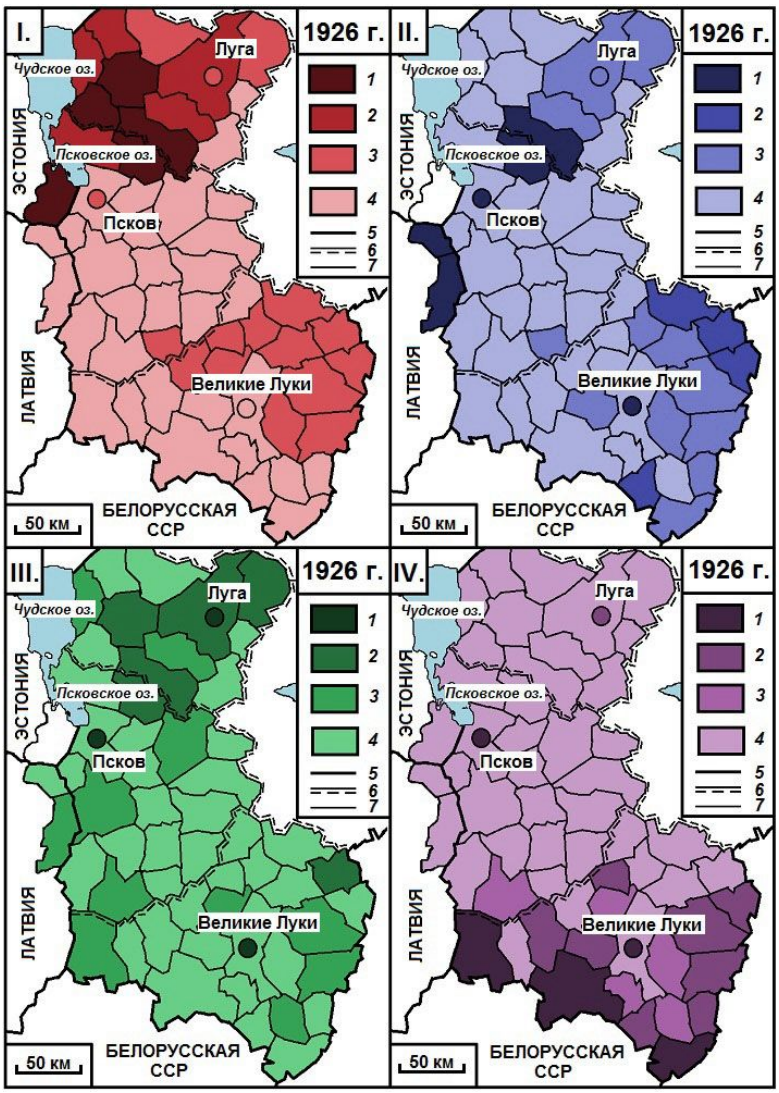
	1926–1939	**1939–1959**	**1959–1989**	**1989–2017**
Псков	1,378092	1,331061	2,533177	1,029692
Великие Луки	1,676682	1,681181	1,936843	0,815482
Гдов	1,192498	0,802315	1,635992	0,589449
Дно	2,411977	0,793415	1,063615	0,633161
Невель	1,205684	0,916758	1,574441	0,673416
Новоржев	1,185513	0,76251	1,831037	0,652673
Новосокольники	1,926401	1,001666	1,185165	0,690242
Опочка	1,563672	1,039467	1,393887	0,636628
Остров	1,587472	1,36999	1,650855	0,707777
Печоры	2,464978	1,377872	1,745649	0,840721
Порхов	1,390308	0,601924	1,856413	0,629922
Пустошка	1,50552	1,283288	1,904361	0,64482
Пыталово		2,780193	2,075297	0,744488
Себеж	1,02456	1,156224	1,357878	0,574076
Бежаницы		0,963097	5,100676	0,526145
Красный Луч			0,66635	0,386223
Дедовичи		0,998849	3,261905	0,904756
Красногородск	2,119347	1,705987	1,839819	0,696884
Кунья		3,760976	1,7393	0,692269
Локня		1,574749	1,754269	0,572513
Палкино		1,806641	3,682162	0,785085
Плюсса		0,992922	2,198065	0,641186
Заплюсье				0,552199
Пушкинские Горы		1,442584	2,929934	0,653884
Идрица		1,032434	1,257739	0,848314
Сосновый Бор				
Струги Красные	2,867227	0,898789	1,536304	0,920051
Усвяты				0,735019

Приложение 26 – Этнический состав населения районов Псковского региона в 1926–1927 гг. (Эстония – 1922 г., Латвия – 1925 г.)



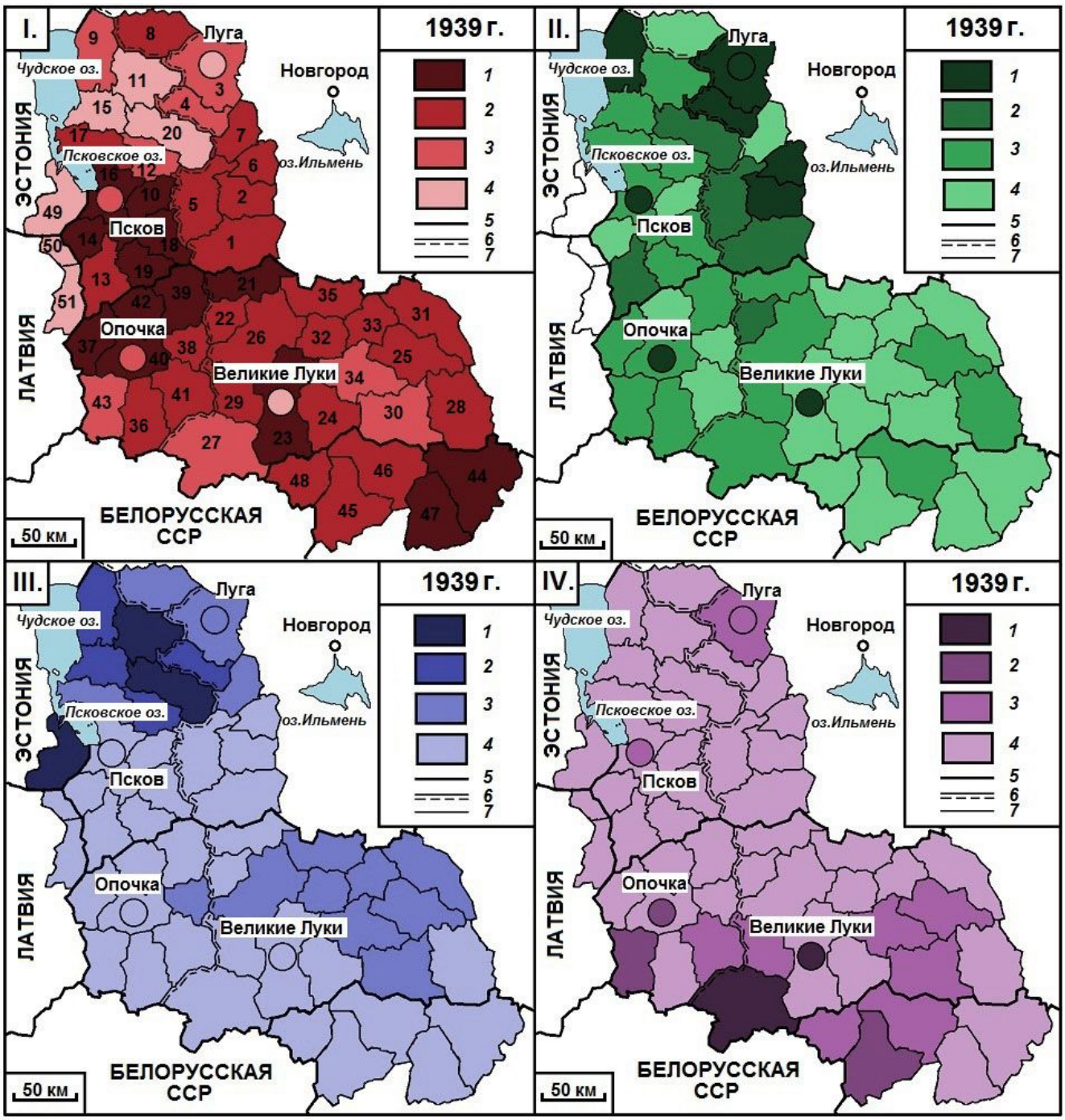
Цифрами обозначены: карта I – доля русских (%): *1* – 98,0 и более, *2* – от 95,0 до 97,9, *3* – от 90,0 до 94,9, *4* – 89,9 и менее; границы: *5* – ССР, государств, губерний, областей, *6* – округов, *7* – районов, уездов, волостей; карта II – доля белорусов (%): *1* – 5,0 и более, *2* – от 2,0 до 4,9, *3* – от 1,0 до 1,9, *4* – 0,99 и менее; границы: *5* – ССР, государств, губерний, областей, *6* – округов, *7* – районов, уездов, волостей; карта III – доля украинцев (%): *1* – 0,6 и более, *2* – от 0,2 до 0,59, *3* – от 0,05 до 0,19, *4* – 0,049 и менее; границы: *5* – ССР, государств, губерний, областей, *6* – округов, *7* – районов, уездов, волостей; карта IV – доля поляков (%): *1* – 1,0 и более, *2* – от 0,5 до 0,99, *3* – от 0,3 до 0,49, *4* – 0,29 и менее; границы: *5* – ССР, государств, губерний, областей, *6* – округов, *7* – районов, уездов, волостей.

Приложение 27 – Этнический состав населения районов Псковского региона в 1926–1927 гг. (Эстония – 1922 г., Латвия – 1925 г.)



Цифрами обозначены: карта I – доля эстонцев, включая сету (%): *1* – 10,0 и более, *2* – от 5,0 до 9,9, *3* – от 1,0 до 4,9, *4* – 0,99 и менее; границы: *5* – ССР, государств, губерний, областей, *6* – округов, *7* – районов, уездов, волостей; карта II – доля латышей (%): *1* – 3,0 и более, *2* – от 1,5 до 2,9, *3* – от 0,5 до 1,49, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – ССР, государств, губерний, областей, *6* – округов, *7* – районов, уездов, волостей; карта III – доля немцев (%): *1* – 0,5 и более, *2* – от 0,1 до 0,49, *3* – от 0,05 до 0,099, *4* – 0,049 и менее; границы: *5* – ССР, государств, губерний, областей, *6* – округов, *7* – районов, уездов, волостей; карта IV – доля евреев (%): *1* – 3,0 и более, *2* – от 1,0 до 2,9, *3* – от 0,5 до 0,99, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – ССР, государств, губерний, областей, *6* – округов, *7* – районов, уездов, волостей.

Приложение 28 – Этнический состав населения районов Псковского региона и соседних территорий в 1939 г. (Эстония – 1934 г., Латвия – 1935 г.)



Цифрами обозначены: карта I – доля русских (%): *1* – 98,0 и более, *2* – от 95,0 до 97,9, *3* – от 90,0 до 94,9, *4* – 89,9 и менее; границы: *5* – ССР, государств, областей, *6* – округов, *7* – районов, уездов, волостей; карта II – доля украинцев (%): *1* – 1,0 и более, *2* – от 0,75 до 0,99, *3* – от 0,5 до 0,74, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – ССР, государств, областей, *6* – округов, *7* – районов, уездов, волостей; карта III – доля эстонцев, включая сету (%): *1* – 10,0 и более, *2* – от 5,0 до 9,9, *3* – от 1,0 до 4,9,

4 – 0,99 и менее; границы: *5* – ССР, государств, областей, *6* – округов, *7* – районов, уездов, волостей; карта IV – доля евреев (%): *1* – 3,0 и более, *2* – от 2,0 до 2,9, *3* – от 0,5 до 1,9, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – ССР, государств, областей, *6* – округов, *7* – районов, уездов, волостей.

Административно-территориальное деление:

Ленинградская область: 1 – Дедовичский район, 2 – Дновский район, 3 – Лужский район, 4 – Плюсский район, 5 – Порховский район, 6 – Солецкий район, 7 – Уторгошьский район; *Кингисеппский пограничный округ:* 8 – Осьминский район; *Псковский пограничный округ:* 9 – Гдовский район, 10 – Карамышевский район, 11 – Лядский район, 12 – Новосельский район, 13 – Островский район, 14 – Палкинский район, 15 – Полновский район, 16 – Псковский район, 17 – Серёдкинский район, 18 – Славковский район, 19 – Сошихинский район, 20 – Струго-Красненский район;

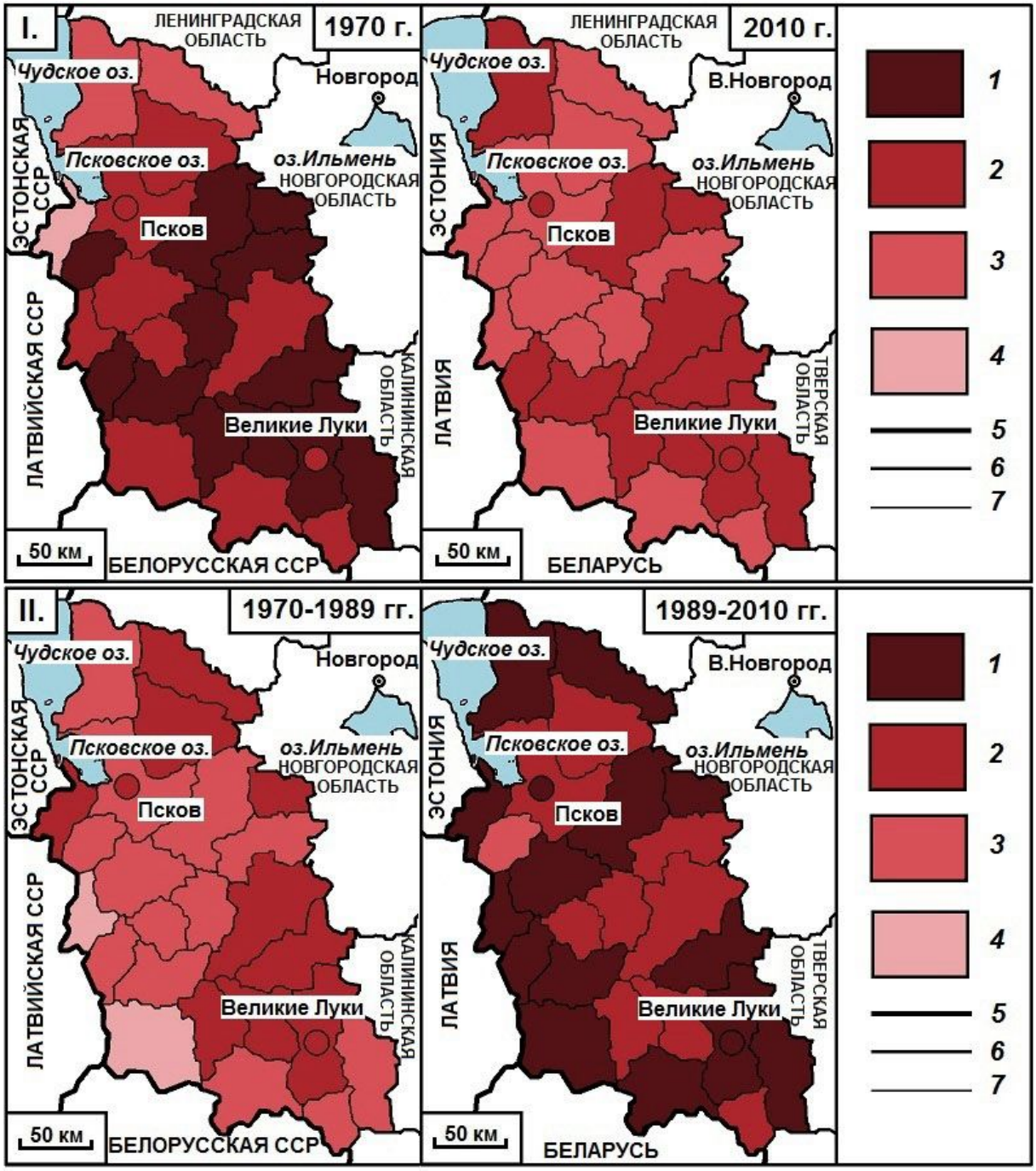
Калининская область: 21 – Ашевский район (центр с. Чихачёво), 22 – Бежаницкий район, 23 – Великолукский район, 24 – Куньинский район, 25 – Ленинский район (центр р.п. Андреаполь), 26 – Локнянский район, 27 – Невельский район, 28 – Нелидовский район, 29 – Новосокольнический район, 30 – Октябрьский район (центр г. Западная Двина), 31 – Пеновский район, 32 – Плоскошьский район, 33 – Сережинский район (центр с.Бологово), 34 – Торопецкий район, 35 – Холмский район; *Опочецкий пограничный округ:* 36 – Идрицкий район, 37 – Красногородский район, 38 – Кудеверский район, 39 – Новоржевский район, 40 – Опочецкий район, 41 – Пустошкинский район, 42 – Пушкино-Горский район, 43 – Себежский район;

Смоленская область: 44 – Бельский район, 45 – Велижский район, 46 – Ильинский район, 47 – Пречистенский район, 48 – Усвятский район;

Эстония: 49 – Уезд Петсеримаа (Эстония);

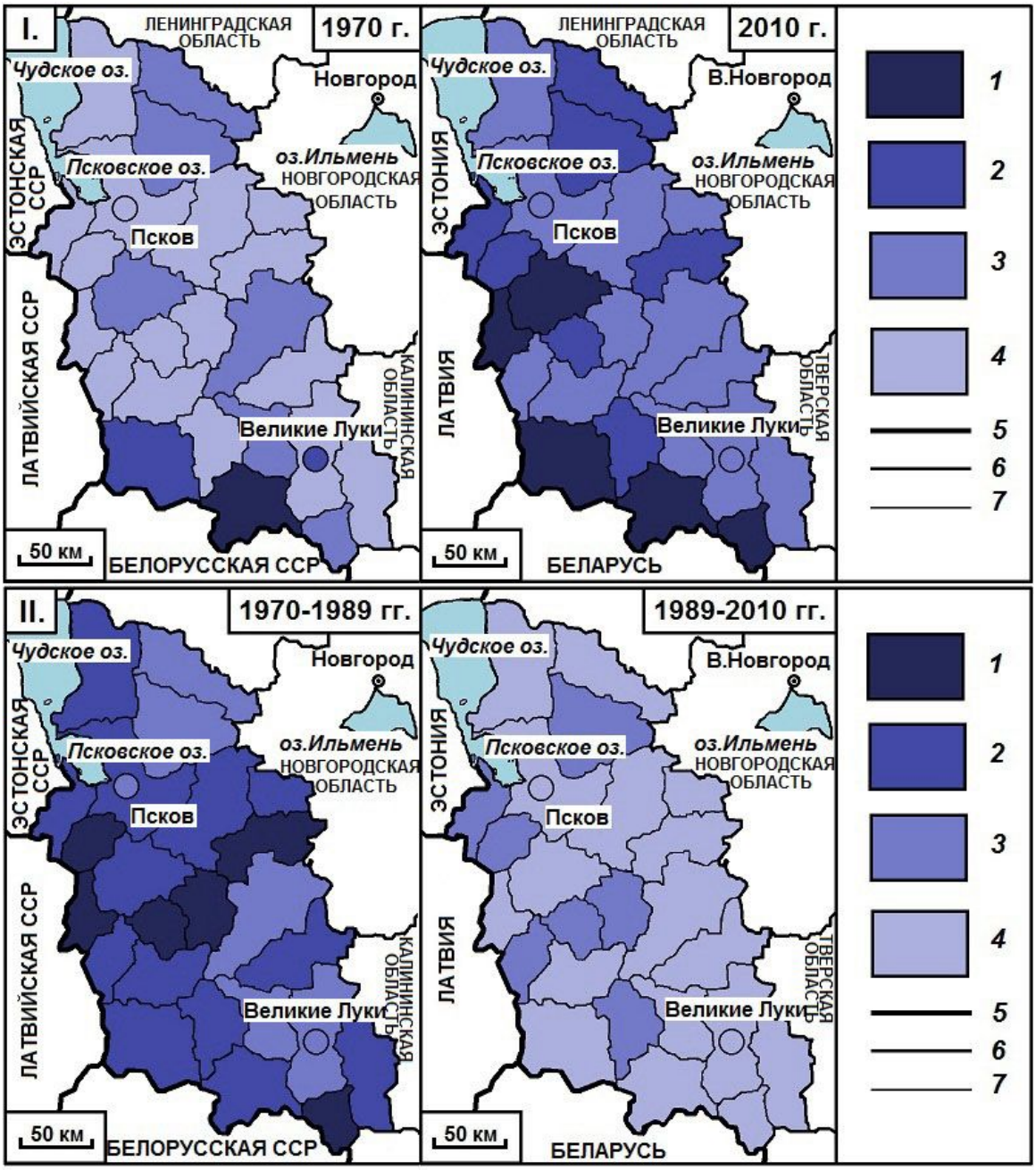
Латвия: 50 – Качановская волость (Качановская и Упмальская волости в совокупности), 51 – Территория современного Пыталовского района в совокупности Линавской, Пурвмальской, Гауровской и Аугшпилсской волостей.

Приложение 29 – Доля русских в населении районов Псковской области в 1970 и 2010 гг. (карты I); изменение доли русских между 1970 и 1989 гг. и 1989 и 2010 гг. (карты II)



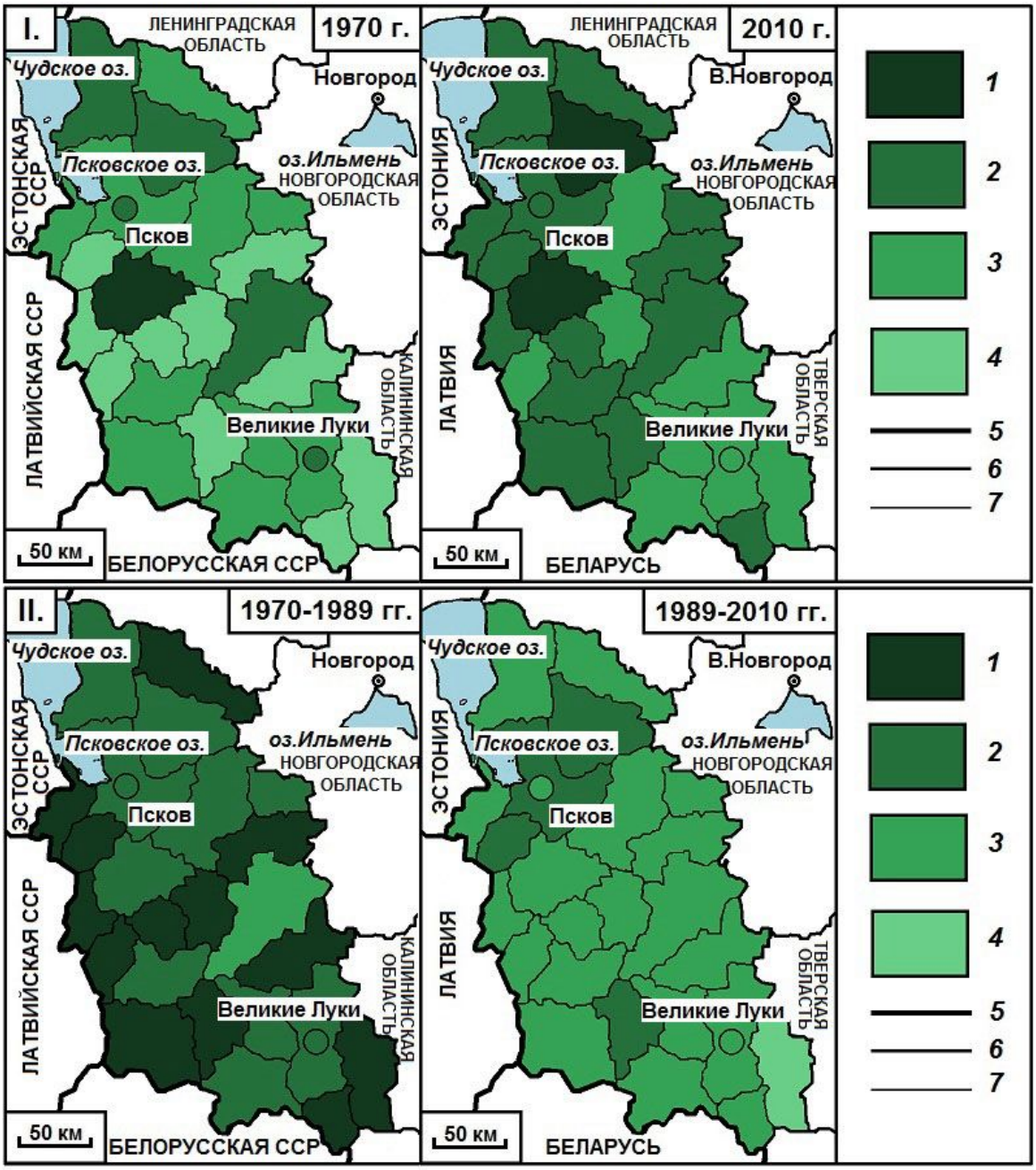
Цифрами обозначены: карты I – доля русских (%): *1* – 98,0 и более, *2* – от 95,0 до 97,9, *3* – от 90,0 до 94,9, *4* – 89,9 и менее; границы: *5* – ССР, государств, *6* – областей, 7 – районов; карты II – динамика доли русских (раз): *1* – 1,00 и более, *2* – от 0,980 до 0,999, *3* – от 0,950 до 0,979, *4* – 0,949 и менее; границы: *5* – ССР, государств, *6* – областей, *7* – районов.

Приложение 30 – Доля белорусов в населении районов Псковской области в 1970 и 2010 гг. (карты I); изменение доли белорусов между 1970 и 1989 гг. и 1989 и 2010 гг. (карты II)



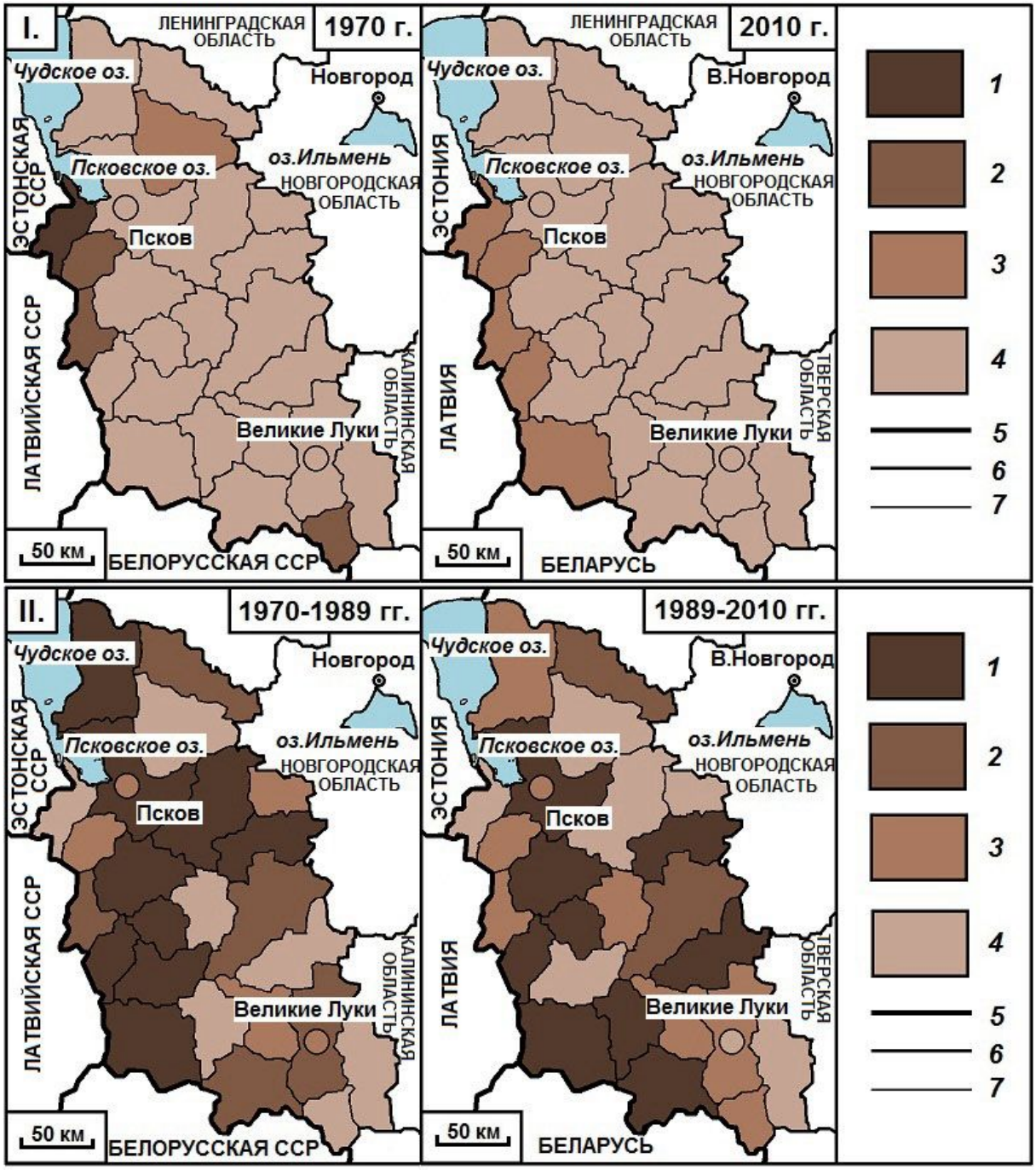
Цифрами обозначены: карты I – доля белорусов (%): *1* – 1,5 и более, *2* – от 1,0 до 1,49, *3* – от 0,5 до 0,99, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – ССР, государств, *6* – областей, *7* – районов; карты II – рост доли белорусов (раз): *1* – 4,00 и более, *2* – от 2,0 до 3,99, *3* – от 1,0 до 1,99, *4* – 0,99 и менее; границы: *5* – ССР, государств, *6* – областей, *7* – районов.

Приложение 31 – Доля украинцев в населении районов Псковской области в 1970 и 2010 гг. (карты I); изменение доли украинцев между 1970 и 1989 гг. и 1989 и 2010 гг. (карты II)



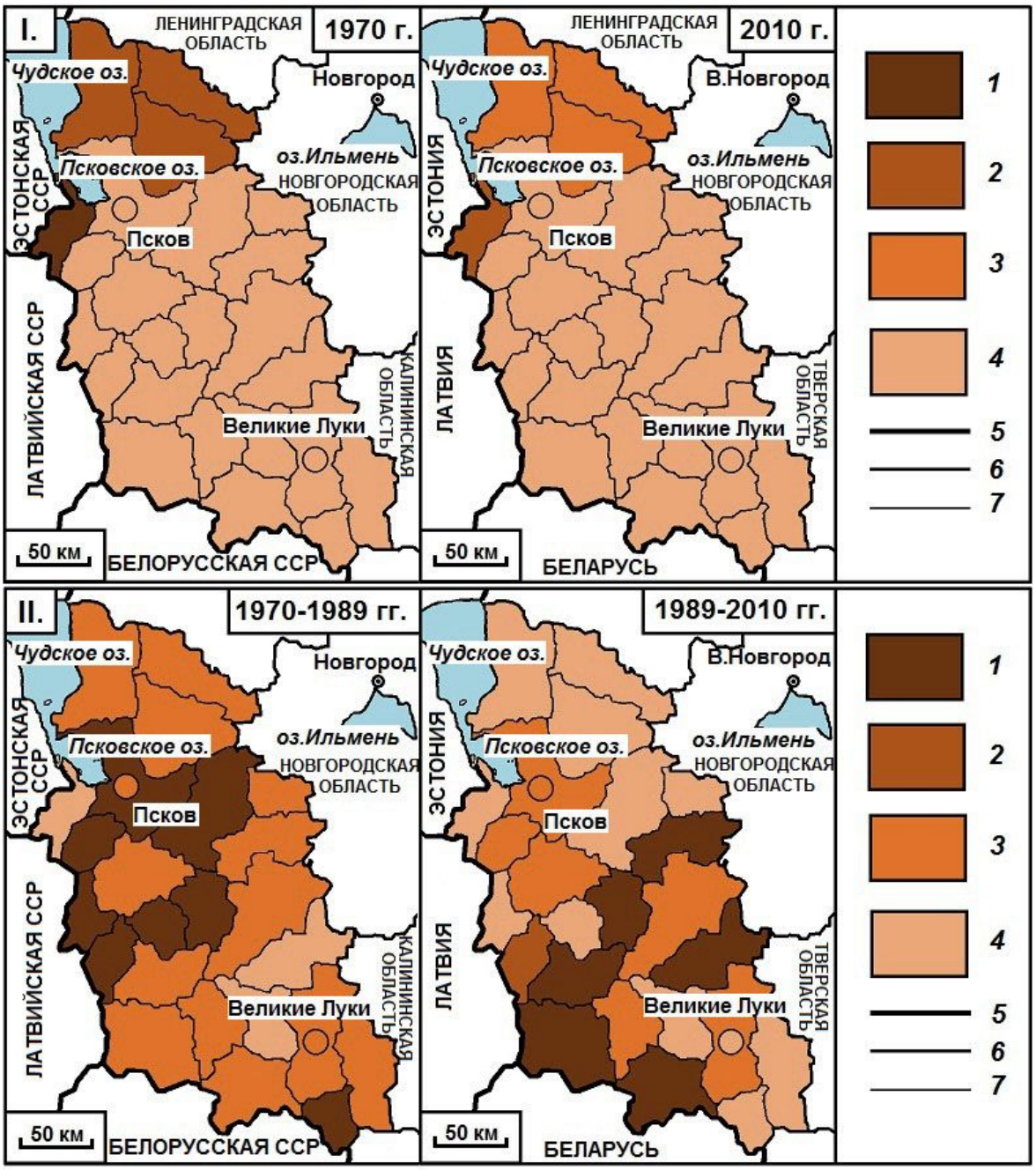
Цифрами обозначены: карты I – доля украинцев (%): *1* – 2,0 и более, *2* – от 1,0 до 1,99, *3* – от 0,5 до 0,99, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – ССР, государств, *6* – областей, *7* – районов; карты II – динамика доли украинцев (раз): *1* – 2,00 и более, *2* – от 1,0 до 1,99, *3* – от 0,5 до 0,99, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – ССР, государств, *6* – областей, *7* – районов.

Приложение 32 – Доля латышей в населении районов Псковской области в 1970 и 2010 гг. (карты I); изменение доли латышей между 1970 и 1989 гг. и 1989 и 2010 гг. (карты II)



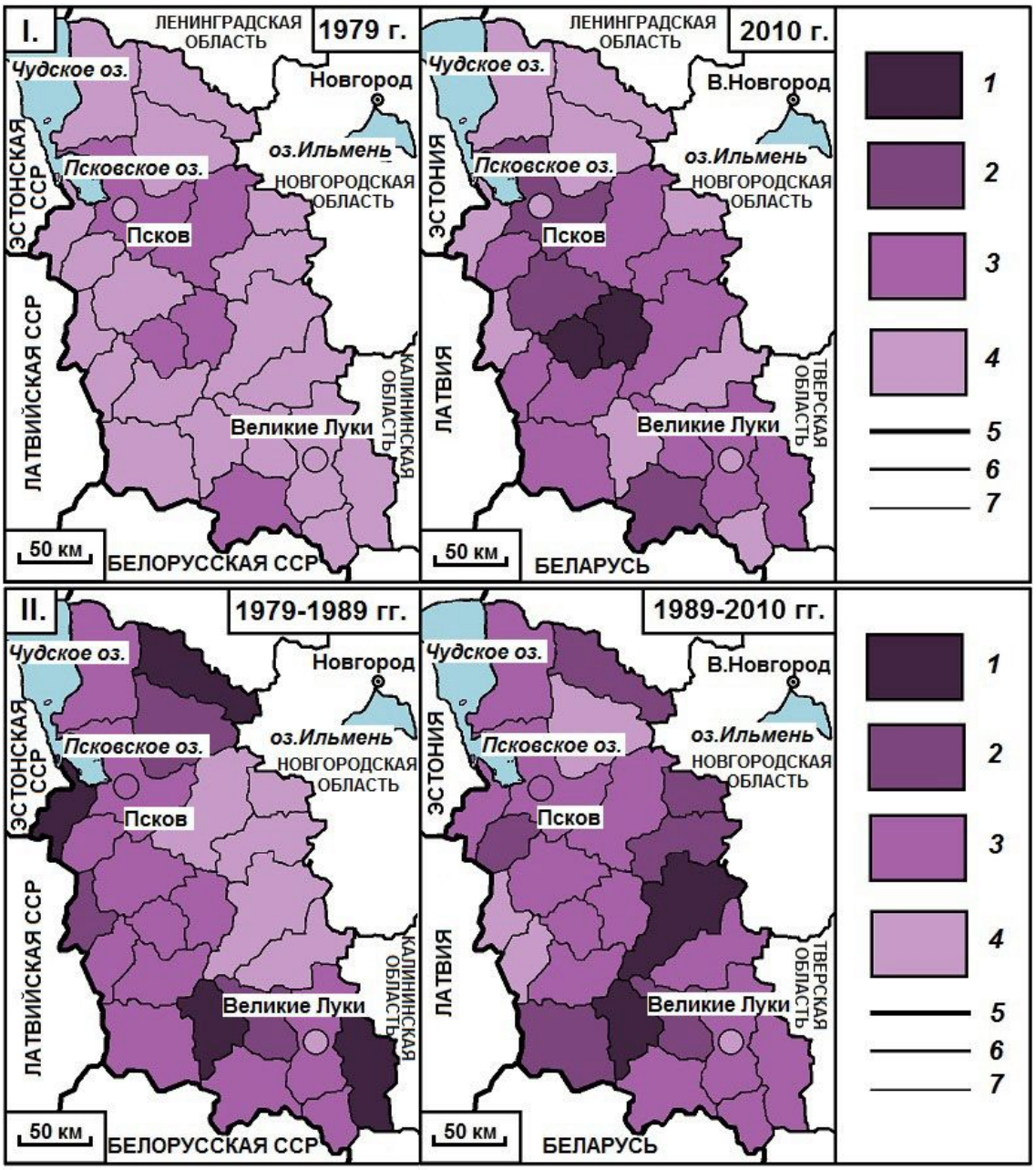
Цифрами обозначены: карты I – доля латышей (%): *1* – 1,0 и более, *2* – от 0,5 до 0,99, *3* – от 0,2 до 0,49, *4* – 0,19 и менее; границы: *5* – ССР, государств, *6* – областей, *7* – районов; карты II – динамика доли латышей (раз): *1* – 1,00 и более, *2* – от 0,75 до 0,99, *3* – от 0,5 до 0,74, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – ССР, государств, *6* – областей, *7* – районов.

Приложение 33 – Доля эстонцев в населении районов Псковской области в 1970 и 2010 гг. (карты I); изменение доли эстонцев между 1970 и 1989 гг. и 1989 и 2010 гг. (карты II)



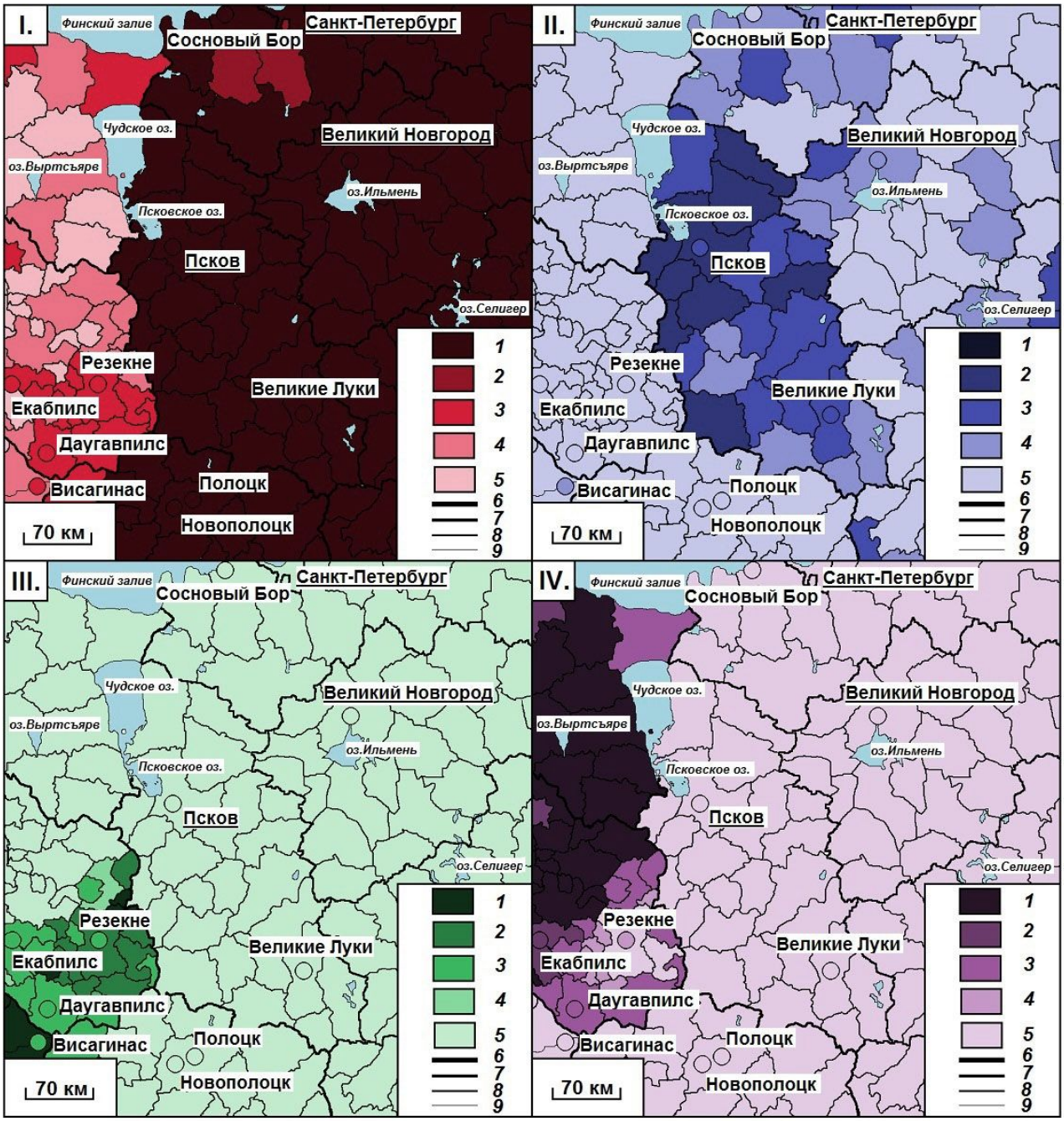
Цифрами обозначены: карты I – доля эстонцев, включая сету (%): *1* – 8,0 и более, *2* – от 1,0 до 7,9, 3 – от 0,4 до 0,99, *4* – 0,39 и менее; границы: *5* – ССР, государств, *6* – областей, *7* – районов; карты II – динамика доли эстонцев, включая сету (раз): *1* – 1,00 и более, *2* – от 0,75 до 0,99, *3* – от 0,50 до 0,74, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – ССР, государств, *6* – областей, *7* – районов.

Приложение 34 – Доля цыган в населении районов Псковской области в 1979 и 2010 гг. (карты I); изменение доли цыган между 1979 и 1989 гг. и 1989 и 2010 гг. (карты II)



Цифрами обозначены: карты I – доля цыган (%): *1* – 2,0 и более, *2* – от 1,0 до 1,99, *3* – от 0,5 до 0,99, *4* – 0,49 и менее; границы: *5* – ССР, государств, *6* – областей, *7* – районов; карты II – рост доли цыган (раз): *1* – 4,00 и более, *2* – от 2,0 до 3,99, *3* – от 1,0 до 1,99, *4* – 0,99 и менее; границы: *5* – ССР, государств, *6* – областей, *7* – районов.

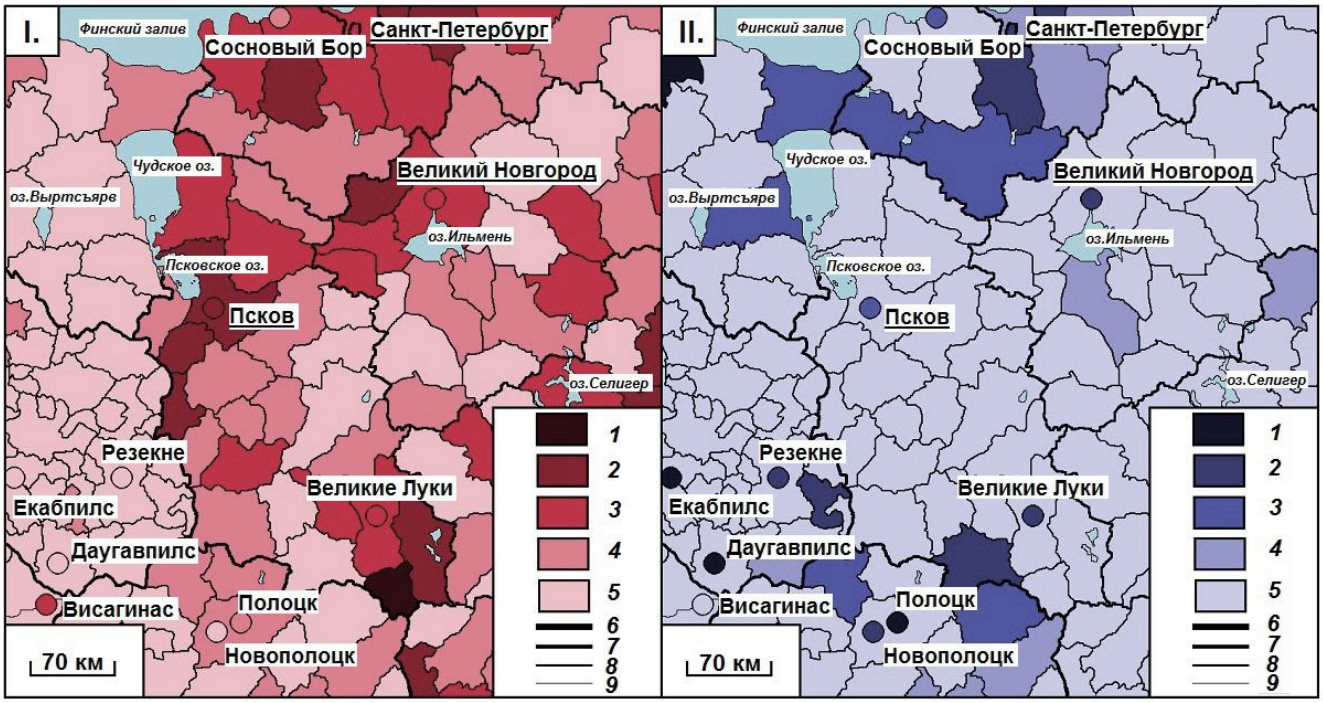
Приложение 35 – Потенциальный религиозный состав населения районов Псковской области и соседних территорий в 2009–2011 гг. (православные, мусульмане, католики и протестанты)



Цифрами обозначены: карта I – потенциально-православное население (%): *1* – 95,0 и более, *2* – от 90,0 до 94,9, *3* – от 25,0 до 89,9, *4* – от 10,0 до 24,9, *5* – 9,9 и менее; границы: *6* – государств, *7* – субъектов РФ, *8* – районов, городских округов (РФ и Белоруссия), краев (Латвия), уездов (Эстония и Литва); *9* – районов и самоуправлений Литвы; карта II – потенциально-мусульманское население (%):

1 – 2,0 и более, *2* – от 1,0 до 1,99, *3* – от 0,5 до 0,99, *4* – от 0,25 до 0,49, *5* – 0,24 и менее; границы: *6* – государств, *7* – субъектов РФ, *8* – районов, городских округов (РФ и Белоруссия), краев (Латвия), уездов (Эстония и Литва), *9* – районов и самоуправлений Литвы; карта III – потенциально-католическое население (%): *1* – 70,0 и более, *2* – от 50,0 до 69,9, *3* – от 10,0 до 49,9, *4* – от 5,0 до 9,9, *5* – 4,9 и менее; границы: *6* – государств, *7* – субъектов РФ, *8* – районов, городских округов (РФ и Белоруссия), краев (Латвия), уездов (Эстония и Литва), *9* – районов и самоуправлений Литвы; карта IV – потенциально-протестантское население (%): *1* – 70,0 и более, *2* – от 50,0 до 69,9, *3* – от 10,0 до 49,9, *4* – от 5,0 до 9,9, *5* – 4,9 и менее; границы: *6* – государств, *7* – субъектов РФ, *8* – районов, городских округов (РФ и Белоруссия), краев (Латвия), уездов (Эстония и Литва), *9* – районов и самоуправлений Литвы.

Приложение 36 – Потенциальный религиозный состав населения районов Псковской области и соседних территорий в 2009–2011 гг. (армяно-григориане и иудеи)



Цифрами обозначены: карта I – потенциальные приверженцы Армянской апостольской церкви (%): *1* – 1,0 и более, *2* – от 0,50 до 0,99, *3* – от 0,25 до 0,49, *4* – от 0,10 до 0,24, *5* – 0,09 и менее; границы: *6* – государств, *7* – субъектов РФ, *8* – районов, городских округов (РФ и Белоруссия), краев (Латвия), уездов (Эстония и Литвы), *9* – районов и самоуправлений Литвы; карта II – потенциальные приверженцы иудаизма (%): *1* – 0,2 и более, *2* – от 0,1 до 0,199, *3* – от 0,075 до 0,099, *4* – от 0,050 до 0,074, *5* – 0,049 и менее, границы: *6* – государств, *7* – субъектов РФ, *8* – районов, городских округов (РФ и Белоруссия), краев (Латвия), уездов (Эстония и Литва), *9* – районов и самоуправлений Литвы.